

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 17 № 2 (2020)

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио

Главный редактор

Бахтикireева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Каназараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедько Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Судейменова Элеонора Джусеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Полилингвистическая и транскulturные практики»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 15.06.2020. Выход в свет 30.06.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 13,55. Тираж 500 экз. Заказ № 454. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 17 No. 2 (2020)

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, USA

Prof. Dr. Venera Amineva — Kazan Federal University, Kazan, Russia

Prof. Dr. Eleonora Suleimenova — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index (RSCI), by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, DOAJ, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board Journal "Polylinguality and Transcultural Practices":

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ/CONTENTS

К читателям/To the Readers.....	136
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ/LANGUAGES IN CONTACT	
Ильина С.С., Бекишева Ю.В. Обращения в гуамском (чаморрском) варианте английского языка как отражение особенностей культуры коренных жителей Гуама/ Il'ina S.S., Bekisheva Yu.V. Terms of Address in Guam (Chamorro) Variety of the English Language as a Means to Express Guamanians' National Identity	140
Ялалов Ф.Г. Инвариантная модель полилингвального образования/ Yalalov F.G. Invariant Model of Polylingual Education.....	157
Мирзоева Л.Ю., Сюрмен О.В. Отражение полилингвизма при общении в цифровом пространстве/ Mirzoyeva L.Yu., Syurmen O.V. Multilingualism in Digital Communication	168
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА/THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION	
Albert Antwi Boasiako. What “the Semantic Sieve” Determines in the Process of Translation/ Альберт Антви Босиако. Роль «семантического решета» в процессе перевода.....	176
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ/LITERARY DIMENSION	
Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Двужычие или моноязычие? (О некоторых аспектах билингвизма и диглоссии в литературном творчестве)/ Khukhuni G.T., Valuitseva I.I. Bilingualism or Monolingualism? (Some Aspects of the Bilingualism and Dyglossia in Literary Creativity).....	196
Какильбаева Э.Т. Поэтика диалогии Абдижамила Нурпеисова «Последний долг» в мифологическом аспекте/ Kakilbaeva E.T. Abdijamil Nurpeisov's “Last Duty” Dilogy in Mythological Aspect	204
Lupachyova T.A., Berezniatskaya V.V. Chinese Insertions Functioning in English: a Comparative Approach to Fiction and Non-Fiction Texts/ Лупачева Т.А., Березницкая В.В. Китайские вкрапления в английском языке: сравнительный подход к художественным и научно-популярным текстам	215
Данилова С.А., Бильченко Е.В. Феномен креатива в медиастратегиях поэтов XXI века/ Danilova S.A., Bilchenko E.V. The Creativity Phenomenon in the Media Strategies of XXI Century Poets	221
Елеусизова М.Б. Мотивы дома и бездомья в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»/ Yeleussizova M.B. Motives of Home and Homelessness in the Novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”	231
Kutzhanova A. Motives of Honor and Dishonor in the Works of Art by A.S. Pushkin/ Кутжанова А. Мотивы чести и бесчестья в творчестве А.С. Пушкина	245
АРСЕНАЛ/ARSENAL	
Sotova I.A., Parfenova E.L. Experience of Russian Language Teaching in the Interdom/ Сотова И.А., Парфенова Е.Л. Опыт преподавания русского языка в Интердоме	253
ПРЕЗЕНТАЦИЯ/PRESENTATION	
Мишина Н.Ю., Антонов Е.А. Итоги проведения международных просветительских экспедиций, направленных на распространение русского языка, литературы, культуры и российского образования в странах ближнего и дальнего зарубежья/ Mishina N.Yu., Antonov E.A. The Results of International Educational Expeditions Aimed at the Russian Language, Literature, Culture and Russian Education Spread in the Near and Far-abroad Countries	261
ИНТЕРВЬЮ/INTERVIEW	
Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. «Собиратель слов»: интервью с Анатолием Кимом/ Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A. “Word Picker”: Interview with Anatoly Kim	271

Разделяя лучшее

К читателям

В отличие от других журналов РУДН филологической направленности «Полилингвильность и транскультурные практики» (ПТП) имеет целью публиковать исследовательские материалы, связанные с русофонной, англо-, франко-, испанофонной художественной литературой и их переводами на другие языки; транслингвальными и транскультурными практиками с разных позиций (лингвистической, литературоведческой, культурологической, философской, мультидисциплинарной).

В связи с тем, что с 2004 по 2018 годы журнал выходил под названием «Вестник РУДН. Серия: “Вопросы образования: языки и специальность”», вплоть до 2015 года в нем публиковались работы филологов, преимущественно преподавателей русского и иностранных языков. В 2015 году изменилась редакционная политика, и в журнале стали публиковаться исследования, посвященные лингвистическому анализу русофонных художественных текстов и транслингвальных практик. Однако некоторая инерционная заданность (2004—2015) срабатывала и в последующих номерах, у многих специалистов журнал и сию пору ассоциируется с проблематикой преподавания русского языка.

С 4-го номера 2020 года в ПТП не будут публиковаться и исследования, посвященные вопросам конкретных национальных литератур или «чистой» методике. Важнейшей задачей является лингвистический анализ транскультурных традиций как на постсоветской территории, так и в мире. Журнал будет специализироваться на работах, исследующих плодотворную дихотомию, драматическую позицию «внезаходимости», полиглоссию русофонных художественных текстов (уникальный и симптоматичный феномен в мировой литературной, лингвистической и шире — культурной конфигурации прошедших и нынешнего веков); русофонных, англо-, франко-, испанофонных континуумов (живые, динамичные, пластичные, открытые, транскультурные традиции, выдвигающие как творческих личностей, получивших мировое признание, так и бесконечное множество отдельных личностей).

Большая часть объема каждого номера будет посвящена русофонии художественной (индивидуальной) и коллективной (массовой).

В части индивидуальной художественной русофонии. Основываясь на опыте, накопленном в отечественной лингвистике, редколлегия приняла решение актуализировать исследования, посвященные «иноязыковому бытию» би- и транслингвальных творческих личностей. Методологической базой для изучения дву- и «иноязыковой» реализации писателя могут стать труды как известных филологов, так и работы молодых исследователей.

Авторитетный ученый Вяч. Вс. Иванов в «Лингвистике третьего тысячелетия» отмечает актуальность работ, изучающих «словесные свидетельства» человека и «отдельные трагические повороты языковой судьбы», начиная с рождения (и даже эмбрионального развития) вплоть до «языкового старения» / геронтологическая лингвистика. Известный русист из Молдовы Т.П. Млечко в «Русской языковой личности ближнего зарубежья» подчеркивает важность исследований, посвященных выявлению типологических черт русскоязычной личности (РЯЛ). На основе лингвистических иллюстраций современных языковых личностей — конкретных прототипов, ученый предлагает свой метод — «сквозь призму языка увидеть человека». Онтология транслингвизма — «иноязыкового бытия» этнически нерусских, но русофонных авторов исследуется в работах других филологов (М.М. Ауэзов, В.Р. Аминова, У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, Н.С. Сергиева, А.Б. Туманова, Э.Ф. Шафранская и мн. др.). Список можно продолжать, в том числе включив труды специалистов по транслингвизму дальнего зарубежья (С. Келлман, М.В. Тлостанова и мн. др.). Осмысление двуязычного и «иноязыкового» бытия конкретной творческой личности суть попытка понять через индивидуальное типическое.

Эстетико-онтологические модели би-, транслингвальных авторов, произведений русофонов отличаются от авторов, пишущих на «родных» / этнических языках, особого рода творческой амбивалентностью. С одной стороны, русофония и следование традициям русской литературы, с другой — некоторая непроницаемость, обусловленная иными системами образов (отличной от русской). Таким образом, языковая идентичность би- и транслингвальных писателей предоставляет возможность подвергнуть осмыслению и описанию встроенность индивидуальной жизненной траектории «во всем конкретном сочетании ее поворотов и изгибов» (А.С. Готлиб) в социальный контекст.

В части массовой русофонии журнал будет специализироваться на специфическом проявлении коллективной постсоветской русофонии. Этот русскоязычный континуум основан на полиглоссии — множестве языковых вариантов и диалектов. Они переплетаются и составляют взаимопонимающее, хотя и неоднородное, «бриколажное» лингвопространство, в котором относительность норм литературного русского языка отчетливо проявляется. Нечетко определенная норма литературного языка, отклонения от нее и взаимоналожение различных языковых вариаций в устной и письменной речи являются сутью *особого полилингвального русскоязычного континуума*, который строится на технике свободного переключения с одного варианта и кода на другой.

С уважением,
главный редактор, д.ф.н., проф. У.М. Бахтикиреева

Sharing the best

To the Readers

Unlike other journals of the RUDN University of philological orientation, “Polilinguality and Transcultural Practices” (PTP) is intended to publish research materials related to: russophon, English, French, Hispanic fiction and their translations into other languages; translanguing and transcultural practices from different perspectives (linguistic, literary, cultural, philosophical, multidisciplinary).

Due to the fact that the series was called from 2004 to 2018. “Problems of Education: Languages and Speciality”, until 2015, it published the work of philologists, mainly teachers of Russian and in. languages. From the 3rd issue of 2015, the editorial board and editorial policy changed, and studies devoted to the linguistic analysis of russophon literary texts and translational practices began to be published in the journal. However, some inertial task (2004—2015) also worked in subsequent issues, since many colleagues associate the journal to this day with the problems of teaching the Russian language.

From the 4th issue of 2020, studies devoted to the issues of specific national literature or the “pure” methodology will not be published in the PTP. The most important task is the linguistic analysis of transcultural traditions both in the post-Soviet territory and in the world. The journal will specialize in works exploring a fruitful dichotomy, polyglossy, in particular: russophon literary texts (a unique and symptomatic phenomenon in the world literary, linguistic and more broadly — the cultural configuration of past and present centuries); — Russophon, Anglophone, Francophone, Spanophone continuums (living, dynamic, flexible, open, transcultural traditions that advance both creative personalities that have received world recognition and an infinite number of individual personalities).

Most of the volume of each issue will be devoted to Russophony of art (individual and collective (mass). The editorial board proceeds from the understanding that aesthetic and ontological models of bi-, translanguing authors. Works of Russophones differ from authors writing in “native” / ethnic languages by special kind of creative ambivalence. On the one hand, Russophony and following the traditions of Russian literature, on the other hand, some impermeability due to other systems of images (different from Russian).

So, the editorial board decided to update the research on the “foreign language being” of bi- and translanguing creative personalities. The methodological base for studying the bilingual and “foreign-language” being of the writers can be the works of well-known philologists and the work of young researchers.

The authoritative scientist V.V. Ivanov in “Linguistics of the Third Millennium” notes the relevance of works studying the “verbal evidence” of a person and “individual tragic twists and turns of linguistic fate”, starting from birth (and even embryonic development) up to “linguistic aging” / gerontological linguistics.

The famous Russian scholar from Moldova T.P. Mlechko in the “Russian Language Personality of the Near Abroad” emphasizes the importance of research on the identification of typological features of the Russian-speaking personality. Based on linguistic illustrations of modern linguistic personalities - specific prototypes, the scientist offers his own method - «through the prism of the language to see a person.»

The ontology of translanguaging - the “foreign language being” of ethnically non-Russian, but Russophone authors is studied in the works of other philologists (M.M. Aueзов, V.R. Amineva, U.M. Bakhtikireeva, O.A. Valikova, A.B. Tumanova, E.F. Shafranskaya and many others). The list can be continued, including the works of specialists in translanguaging of foreign countries (S. Kellman, M.V. Tlostanova, and many others). The understanding of the bilingual and “foreign” life of a concrete creative person is an attempt to understand through the individual typical.

Aesthetic-ontological models of bi-, translanguaging authors, works of Russophones differ from authors writing in “native” / ethnic languages, a special kind of creative ambivalence. On the one hand, Russophony and following the traditions of Russian literature, on the other hand, some impermeability, due to other systems of images other than Russian.

Thus, the linguistic identity of bi- and translational writers provides an opportunity to comprehend and describe the embeddedness of the individual life trajectory “in the entire concrete combination of its twists and turns” (A. Gottlieb) in the social context.

As for the specific manifestation of collective (mass) Russophony, preference will be given to articles devoted to the post-Soviet Russian-language continuum which is based on polyglossy — a multitude of language variants and dialects. They are intertwined and constitute a mutually understanding, albeit heterogeneous, “bricolage” linguistic space in which the relativity of the norms of the literary Russian language is clearly manifested. The unclearly defined norm of the literary language, deviations from it and the overlapping of various language variations in oral and written speech are the essence of a special multilingual Russian-language continuum, which is based on the technique of free switching from one version and code to another.

Yours faithfully,
Editor-in-Chief, Doctor of Philology, prof. U.M. Bakhtikireeva

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-140-156

Научная статья

Обращения в гуамском (чаморрском) варианте английского языка как отражение особенностей культуры коренных жителей Гуама

С.С. Ильина, Ю.В. Бекишева

Дальневосточный федеральный университет
Российская Федерация, 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8

Статья продолжает серию исследований, проводимых авторами в области обращений в азиатских вариантах английского языка, итогом которых станет создание Словаря-справочника обращений в мировых вариантах английского языка: сингапурском, филиппинском, малайзийском, гонконгском, японском, корейском, гуамском. Статья посвящена изучению обращений в гуамском (чаморрском) варианте английского языка. На основании проведенных опросов, анализа словаря чаморрского варианта английского языка, публицистических и художественных текстов, а также собственных наблюдений авторами делается попытка описания и классификации обращений в изучаемом варианте английского языка. Основные методы исследования: описательный, метод включенного наблюдения и метод количественного анализа. Ключевая гипотеза исследования состоит в том, что в процессе межкультурной коммуникации адресант и адресат говорят каждый на своем варианте английского языка, принося в общение информацию об особенностях своей культуры, одной из ключевых частей которой является обращение к собеседнику.

Ключевые слова: мировые варианты английского языка, новый вариант английского языка, чаморро, Гуам, обращение, речевой этикет, межкультурная коммуникация, языковая модель

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.10.2019

Дата принятия к печати: 29.02.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Ильина С.С., Бекишева Ю.В. Обращения в гуамском (чаморрском) варианте английского языка как отражение особенностей культуры коренных жителей Гуама // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 140–156. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-140-156

© Ильина С.С., Бекишева Ю.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Terms of Address in Guam (Chamorro) Variety of the English Language as a Means to Express Guamanians' National Identity

S.S. Il'ina, Y.V. Bekisheva

Far Eastern Federal University
8, Sukhanova St., Vladivostok, 690091, Russian Federation

The article is part of the authors' big research on the forms of address in Asian varieties of the English language, which will finally be reflected in the "Dictionary of the Forms of Address in World Englishes: Singapore, the Philippines, Malaysia, Hong Kong, Japan, Korea, Guam". Effective and successful communication largely depends on the forms of address used by the speakers. Being social phenomena, forms of address can vary from culture to culture following the traditions and etiquette rules of this culture. The questionnaires on the forms of address filled in by Guamanians; two dictionaries on Chamorro English; local newspapers analyses; and personal observations of the authors turned out a solid proof of the hypothesis that even though speaking English as a second language, Guamanians make English their local variety, with forms of address typical to Guam variety of the English language. Quantitative, descriptive, and observation methods were used to analyze the forms of address in Chamorro variety of the English language, and classification of the forms of address used by the native people of Guam was formed and presented in the article.

Key words: World Englishes, New Variety of the English Language, Chamorro, Guam, term of address, speaking etiquette, intercultural communication, language pattern

Article history:

Received: 27.10.2019

Accepted: 29.02.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Il'ina, S.S., and Y.V. Bekisheva. 2020. "Terms of Address in Guam (Chamorro) Variety of the English Language as a Means to Express Guamanians' National Identity". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 140—156. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-140-156

1. Введение

Мировые варианты английского языка

Чжимин Бао справедливо утверждает, что современный английский язык — продукт языкового контакта [1. P. 41]. Англия выросла и окрепла, вышла на большой рынок под названием «глобальная деревня», изменив и рынок, и свой язык. Очутившись в новых, незнакомых контекстах — экологическом, культурном, лингвистическом, — язык начал приобретать иные черты. Варианты английско-

го, на которых говорят в странах, где английский язык имеет статус официального и где английским языком владеют как вторым, называют «новыми вариантами английского языка» [2. Р. 6].

Среди большого разнообразия моделей мировых вариантов английского языка наиболее известной является классификация, предложенная американским лингвистом индийского происхождения Баджем Качру. Она основана на распространении английского языка, которое представлено тремя кругами (Circles Model of World Englishes) [3. Р. 356]:

а) внутренний круг (inner circle) соотносится с английским языком, на котором говорят в странах, где он является родным языком (США, Англия, Канада, Австралия, Новая Зеландия);

б) наружный/средний (outer or extended circle) круг составляют страны, где английским владеют как вторым языком, т.е. английский язык имеет статус официального. В этом кругу наряду с такими странами, как Индия, Малайзия, Филиппины, Сингапур — всего 50 территорий, — находится и Гуам;

в) расширяющийся/внешний круг (expanding circle), в котором Б. Качру размещает остальной англоговорящий мир, где английский — основной иностранный язык. К данному миру относятся Китай, Япония, Индонезия, Саудовская Аравия, Зимбабве, Россия и другие страны, число которых постоянно растет [3. Р. 356].

Границы между выделенными кругами, особенно между наружным/средним и расширяющимся/внешним очень нестабильны и подвижны.

Гуамский (чаморрский) вариант английского языка

Согласно Б. Качру, одна из определяющих характеристик нового варианта английского — нативизация языка, т.е. процесс ассимиляции языка в культуре и обществе. Другими словами, язык «впитывает» культуру нового окружения и выражает себя в виде четкой новой единицы, реализующейся такими лингвистическими чертами, как грамматика, лексика и фонетика. Такой язык отвечает четырем основным критериям:

- развивается через систему образования;
- развивается там, где исходный, родной английский язык использовался в разговорной речи небольшой части населения;
- используется во многих социальных функциях (в деловой и общественной сферах, в средствах массовой информации и т.д.);
- стал «локализованным вариантом», подвергшимся нативизации.

По мнению Д. Аберкромби, М. Хэллiday, П. Стрвенса, Б. Качру, новая языковая модель может быть признана в случае соответствия трем критериям: понятности, уместности и эффективности общения (intelligibility, appropriateness and effectiveness) [2. Р. 91]. При этом следует различать ошибки (mistake, error), отклонения (deviation) и инновации (innovation). Инновации, согласно Б. Качру, следует рассматривать не как покушение на престижные нормы «старых» вариантов английского языка, а как процесс, с помощью которого английский язык приобретает интернациональные черты, расширяя тем самым круг своих носи-

телей. Ошибка, согласно Б. Качру, подразумевает недостаток знаний в области фонологии, грамматики и т.п. Отклонение всегда имеет сравнительный элемент, поскольку предполагается сравнение с эднормативной моделью. Отклонения могут быть преднамеренными, к примеру, в художественном и публицистическом стилях для создания местного колорита, и непреднамеренными, возникающими в речи неосознанно, чаще в результате интерференции родного языка [2. Р. 62]. Когда такие отклонения встречаются в речи не одного или нескольких носителей, а целого социума, они принимают системный характер, свидетельствуют об институционализированной разновидности английского языка и служат лингвистическим показателем региональной разновидности английского языка [4. Р. 156].

2. Обсуждение

Понятие «обращение». Основные подходы к исследованию обращения

В статье «Почему они меня не понимают» Лэрри Смит и Элизабет Кристофер описывают ситуацию, в которой впервые встретившиеся собеседники — тайка по имени Маюри Суквиват (Mayuri Sukwiwat) и кореец по имени Кан Чжин Ли (Kang Jin Lee), общаясь на английском языке во время международного семинара в Гонолулу, остались недовольными диалогом: корейский специалист предпочел бы, чтобы к нему обратились с использованием титула и фамилии, как принято в Корее, а тайка — титула и имени, как принято в Таиланде [5. Р. 94—95]. Дело в том, что, несмотря на высокий уровень владения английским языком, который являлся для собеседников языком-посредником в общении, представители корейской и тайской культур не учли того обстоятельства, что правила речевого этикета определяются не языком, на котором ведется общение, а культурой, представителями которой являются собеседники.

Формулы речевого этикета, куда входит и обращение, являются элементами культуры и относятся к тем пластам лексики, которые наиболее ярко отражают культурно-исторические особенности народа — носителя языка (в нашем случае — регионального варианта английского языка). Согласно А. Вежбицкой, речевые стратегии, типичные для данного языкового коллектива, представляют собой внешнее выражение скрытой системы «культурных правил», или «культурных сценариев» [6. С. 159], несоблюдение которых вызывает эмоциональный дискомфорт [7].

Автор Словаря эпитетов и форм обращения Лесли Данклин отмечает, что одной из причин создания названного словаря является тот факт, что различия в британском, американском, австралийском и других вариантах английского языка распространяются и на использование форм обращений, ведь «именно формы обращения, которые мы используем в отношении к нашим собеседникам и слышим в свой адрес, определяют нас на профессиональном и социальном уровне, подчеркивая наше эмоциональное состояние и отношение к адресату» [8. Р. 2].

Согласно определению из словаря лингвистических терминов Э.Д. Розенталя, обращение — это «слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь. Обращениями служат собственные имена людей, на-

звания лиц по степени родства, по положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию, по национальному или возрастному признаку, по взаимоотношениям людей и т.д.; названия или клички животных; названия предметов или явлений неживой природы, обычно в этом случае олицетворяемых» [9].

Вслед за К.А. Куриловой мы считаем, что классификация обращений должна включать не только прямые обращения, но и именованья (косвенные обращения) и самоименования, являющиеся важными этикетными знаками в процессе коммуникации. Слово может означать лицо вне отношения к другим людям (*водитель, доктор*), через отношение этого лица к другим лицам (в ситуации *начальник/подчиненный*) и через отношение к нему говорящего в конкретной ситуации общения. По этой причине обращения не всегда совпадают с именованьями и имеют много разновидностей. Обращение, именованье и самоименование тесно связаны и потому, что в обозначении адресата, адресанта и упоминаемого им лица выражается отношение к другим участникам общения [10. С. 57].

Предметом нашего изучения является обращение в гуамском варианте английского языка, отражающее особенности культуры речи и культуры в целом коренных жителей Гуама. Основной гипотезой данного исследования является предположение о том, что формы обращений в гуамском варианте английского языка, помимо известных всему англоговорящему миру обращений по имени, положению и степени родства, будут представлены формулами обращений, подчеркивающими особенности культуры и миропонимания говорящих на английском языке чаморрцев.

Лингвистическая ситуация на Гуаме

Гуам имеет официальный статус «организованной неприсоединенной территории США», которая управляется на основании Органического закона острова Гуам, принятого конгрессом США в 1950 году. Этот закон предоставил острову право на местное самоуправление и объявил его жителей гражданами (nationals) США [11].

Официальными языками на Гуаме являются английский и чаморро. Наряду с такими странами, как Сингапур, Индия, Гонконг и другими 50 территориями, где английский язык получил статус официального, Гуам относится к числу стран, находящихся в наружном (среднем) круге и помимо установления международных связей выполняет весомую внутринациональную связующую роль, а также помогает сохранить и передать миру культурные особенности местного населения, говорящего на гуамском (чаморрском) варианте английского языка.

Коренные жители Гуама, чаморро — представители древнейшей цивилизации в Микронезии. В культурной традиции чаморро почитается культ семьи, передающийся из поколения в поколение на протяжении 4000 лет [12]. Со времен заселения острова по настоящее время на Гуаме установился крепкий матриархат. Имея 4000-летнюю историю и говоря на всем ее протяжении на чаморрском языке, жители Гуама, пережили оккупацию Испании, завоевание Японией и вхождение в состав США. Овладевая английским языком, но пытаясь сохранить свою исконную культуру, чаморрцы не могут избежать интерференции родного языка и не приносят элементы родной культуры в английский язык, ставший не толь-

ко связующим звеном между чаморро и представителями других национальностей, живущих в настоящее время на Гуаме, но и как язык, обеспечивающий связь с внешним миром, в том числе и с тем туристическим потоком, которым живет сейчас этот остров.

Как отмечают создатели словаря *English. The Chamorro Way* [13] и некоторые другие лингвисты, изучающие гуамский вариант английского языка [14—26], английский язык на Гуаме имеет ряд грамматических, фонетических и, несомненно, лексических особенностей. При этом следует подчеркнуть тот факт, что речь идет именно об инновациях (*innovation*) и девиациях (*deviations*), а отнюдь не об ошибках (*mistake, error*), допускаемых говорящими на английском языке чаморрцев. Эти инновации и девиации понятны всем говорящим на данном варианте английского языка, уместны и эффективны. Три вышеуказанных фактора свидетельствуют о том, что языковая модель (в данном случае чаморрского варианта английского языка) может быть признана [2. Р. 112].

Этапы и методы исследования

Перейдем непосредственно к рассмотрению нашей гипотезы. Настоящее описание обращений в гуамском варианте английского языка является итогом следующих этапов исследования.

1. Анализ проведенных на Гуаме опросов местных жителей. Поприветствовав наших респондентов и дав определения интересующих нас понятий о гуамском варианте английского языка и обращении, мы пытались настроить участников опроса на размышления о способах обращения в родном для них варианте. Вопросительный ряд был сформирован авторами по мере более глубокого проникновения в изучаемую область (в процессе описания обращений в малазийском, сингапурском вариантах английского языка), однако основу опросника составляют пункты, указанные в многочисленных словарных определениях самого понятия «обращение». Общее число опрошенных составляет 84 человека. Возраст опрошенных ранжируется от 18 лет до 81 года, число опрошенных женщин составляет 52 человека, мужчин — 32. Основная масса опрошенных — работники сферы услуг (гостиничный и ресторанный бизнес: официанты, представители службы приема и расселения гостей, водители такси и автобусов, продавцы в торговых центрах, туроператоры) — 40% опрошенных, преподаватели и студенты школ и университета Гуама — 50% опрошенных, оставшиеся 10% опрошенных составляют пенсионеры, домохозяйки и находящиеся в поисках работы чаморрцы.

2. Анализ газетных статей *Guam Daily Post* за период с декабря по май 2017 года, где в колонках «Разное», «Образ жизни» и «Светская хроника» приводилась переписка местных жителей с психологами, редакторами и другими членами гуамского сообщества на различные волнующие их темы.

3. Работа с первым и вторым изданиями словаря *English. The Chamorro Way* и выборка обращений с учетом всего многообразия оттенков и выполняемых функций (привлечение внимания, комплимент, оскорбление и др.).

4. Анализ двух художественных произведений: “*Mariquita. The Tragedy of Guam*” и “*A Mansion on the Moon. A Guam Love Story*”, написанными гуамскими авторами и повествующими о быте, культуре, истории, традициях и чувствах местных

жителей. Изученные произведения содержат большие отрезки диалогической речи и позволили углубить наше исследование в области обращений в гуамском варианте английского языка.

5. Анализ деловой документации, в частности, форм приглашений иностранных туристов на Гуам, деловой переписки некоторых гуамских компаний с зарубежными партнерами.

5. Анализ личных наблюдений авторов.

6. Подсчет частотности выделенных обращений, их включение в анализируемый материал и составление классификации.

В процессе работы над изучаемой темой были использованы такие научные методы, как метод включенного анализа, описательный и метод количественного анализа.

Классификация обращений в гуамском варианте английского языка

В ходе исследования были отобраны 868 примеров обращений в гуамском варианте английского языка, которые представляется целесообразным классифицировать по двум большим группам в зависимости от выбранного показателя (степень родства) — родственные и неродственные обращения, которые, в свою очередь, делятся в первой группе на обращения к родственникам и обращения по имени, а во второй (в зависимости от степени знакомства и выполняемой функции) — на обращения, используемые в общественной жизни; сакральные обращения; поэтические и стилистически окрашенные обращения; общие обращения (неопределенно-личные); обращения-жесты; обращения-междометия; обращения к природе и животным и, наконец, особые обращения.

Рассмотрим выделенные группы более подробно.

I. Обращения к родственникам

При обращении к любому из родственников может быть использовано слово “relative”. При этом обращение может быть как косвенным, так и прямым. При обращении к дальним родственникам гуамцы используют имена, а также весьма распространенное обращение *Primo/Prima*.

К матери гуамцы, как правило, (95% опрошенных) обращаются *Mom/Mother/Nana/Mama/Mommy*, к отцу — *Dad/Father/Daddy/Pop*. В официальных случаях к матери могут обратиться *Ma'am*, к отцу — *Sir*. Обращение к родителям по имени считается невежливым. Многие респонденты (80% опрошенных) сопровождают обращение к родителям поцелуем в щеку. Женщины обнимаются, мужчины обмениваются рукопожатиями. Существует также традиция получения в качестве обращения-приветствия благословения от старших младшим (от родителей детям) с применением жеста, который описан в п. 9 части II настоящей классификации.

К брату/сестре обращаются по имени либо *bro/sis*. Встречается и обращение *Chelu* — к брату, сестре или иному близкому человеку. В неформальной обстановке могут использоваться обращения-прозвища.

К мужу/жене обращаются *baby/honey/love/sweetheart* (100% опрошенных), реже (64% респондентов) — по имени и еще реже (10%) — *husband/wife*. *X* — бывший

супруг/супруга. Например, I saw my X with another dude and it really pis me off! [13. P. 58].

Обращаясь к детям, родители чаще всего используют их имена либо обращаются к ним со словами son/daughter. Типичным для чаморро является обращение “chilgren”. Это обращение имеет форму единственного числа и может быть адресовано как сыну, так и дочери. Обращение к детям во множественном числе будет иметь форму “chilgrens” [13. P. 11]. Лишь один респондент указал обращение к детям — nene. В качестве обращения к детям (и не только своим) чаморро используют обращение “kits”. Ласково обращаясь к новорожденной дочери, мать называла ее “My little Helen” [26. P. 45]. Подобное обращение могла слышать к себе и взрослая девушка — от мамы, отца, женщины, старшей по возрасту: “Where are my children, Мама?” — “They are here with me and are asleep, my little girl” [26. P. 79].

При обращении к свекру/свекрови чаще всего используются обращения Mom/Pop (100%), Nana (90%), очень редко — имена.

Naо (Neow) — обращение к шуринау.

К двоюродным братьям/сестрам чаще всего обращаются по имени либо Naо (что означает на чаморрском «родной брат/сестра»). Реже (45%) встречаются обращения Male/Pare.

К дяде или тете, как правило, обращаются с использованием родственного титула и имени, однако большинство чаморрцев чаще всего знают только прозвища друг друга, поэтому даже дяде и тете в большинстве случаев будет адресовано их шутовое прозвище.

Женщины старшего возраста пользуются особым уважением, поскольку на Гуаме, несмотря на влияние испанской и американской традиций, сохранился матриархат и по-прежнему главой семьи является женщина-мать. Вот как описывает роль женщины в семье чаморро автор романа “A Mansion on the Moon. A Guam Love Story” («Особняк на Луне. Гуамская история любви») С. Саблан Голт:

Like other Chamorro wives, Pilar ruled the household... As eldest daughter, Amanda was destined someday to rule her own home and family, and to carry on the culture, traditions, and language of the Chamorro people. [27. P. 9—10]. (Как и другие жены чаморрцев, Пиллар управляла домашним хозяйством... Как старшей дочери, Аманде когда-нибудь суждено было управлять своим домом и семьей, а также продолжать культуру, традиции и язык народа чаморро.)

Широко распространены обращения к старшим по возрасту незнакомым женщине/мужчине с использованием терминов родства Auntie/Uncle либо их эквивалентам из чаморро — Tia (aunt), Tio (uncle). Использование терминов родства при обращении к посторонним людям свойственно многим вариантам английского языка (например, сингапурскому [28. С. 94—100], малазийскому [29. P. 44—45], в которых участвуют представители китайской национальности. Многие китайские термины родства свободно используются при обращении к любому человеку, старшему по возрасту и не обязательно являющемуся родственником адресанта. Это — способ выразить свое почтение и уважение старшему человеку.

Обращение по имени

Что касается самих форм имени, то в данном вопросе гуамский вариант английского языка имеет свои инновационные особенности, в связи с чем обращение по имени выделено в особую группу, но отнесено к родственным обращениям, поскольку имена даются родителями детям и часто имеют особый смысл.

Имена, общеизвестные англоговорящему миру, приобретают на Гуаме особые формы, отраженные в словаре English. The Chamorro Way, часто упоминаемые респондентами в опросниках, описанные в художественных произведениях, а также отмеченные в результате личных наблюдений авторов. Итак, приведем соответствия имен в чаморрском варианте английского языка всемирно известным именам из General (British, American) English.

General English	Guam (Chamorro) variant of the English language	General English	Guam (Chamorro) variant of the English language
Anthony	Ton	John	Juan
Arthur	Arter	Joseph	Jose/Ping/Piling
Barbara	Batbara	Josephine	Ofing/Fina
Carmen	Mummie	Manuel	Manet
Cecilia	Chilang	Maria	Mariquita ¹
Clotilde	Didi	Martin	Matin
Daniel	Dane	Michael	Miguet
Dave	Deaf/Dafe	Pilar	Pilat/Lala
Dolores	Lole	Ralph	Raff
Edward	Edrat	Richard	Ricardo
Felix	Lele	Rosita/Rose	Chai
Frances	Kika/Ching	Sylvia	Shylvia/Bibang
George	Jorge	Therese	Checha
Greg	Greck/Goro	Vince	Binse/Teti
Ignacio	Ike/Ignatz/Nantch	Vincent	Bicente
James	Gems (например, "Gems Bond, Double Jero Seven" [13. P. 22])		

¹ Это имя на Гуаме и Марианских островах означает «маленькая Мэри» и имеет сокращенную форму "Tita" [26. P. 9]. Впоследствии героиня романа по имени Mariquita получила иное имя — Tipyu. Так ее называл супруг, поскольку, чтобы дотянуться до его лица, ей приходилось вставать на цыпочки (tipyu — от английского существительного "tip" — кончик, верхушка, наклон, а суффикс "yu" используется как уменьшительно-ласкательный).

При выборе имен для будущих детей гуамцы чаще всего (70% респондентов) следуют семейным либо религиозным традициям. В некоторых случаях (10%) родители проявляют свои творческие способности и выбирают имена детей на ту же букву, на которую начинается имя отца или матери, либо просто выбирают любимую букву и дают имена, начинающиеся с этой буквы, всем своим детям.

Уточнение относительно наличия младшего члена семьи с тем же именем, что и у старшего, звучит не как привычное Junior, а Juner (например, Juner boy/girl)

Имена могут иметь и уменьшительно-ласкательную форму, например Timmy: "Ау, Timmy, borrow me fan five dollars?" [13. P. 8]. К человеку обращаются ласково, пытаясь выпросить у него 5 долларов, и при этом заемщик надеется, что ему дадут возможность их не возвращать ("fan five dollars").

Вторая группа обращений — к адресату, не являющемуся родственником адресату, определяется в дальнейшем глубиной знакомства с собеседником и функциями, которые выполняет обращение.

II. Неродственные обращения

1. Обращения к другу

К близкому другу обращаются по имени, прозвищу или “chelo”, что на языке чаморро означает “brother”. Среди часто встречающихся обращений к другу можно выделить следующие:

chum — прямое обращение к знакомому, другу;

gachong — как правило, косвенное обращение к другу;

Heu man!/Man! (например: Heu man, don't buck me! [13. P. 9] или “Man, I really dick you” — при обращении к понравившемуся мужчине (dick = like) [13. P. 15];

Heu boy! (с тем же значением, что и Heu man!);

rage/pag — обращение к другу;

grim — косвенное и прямое обращение к другу, товарищу, приятелю.

Следует отметить и наличие обращения, которое используют дети в целях подразнить товарища: Corn, corn youг panty's tear [13. P. 14].

2. Обращение к незнакомцу

К незнакомцу большинство респондентов (95%) обращаются с использованием общепринятых форм обращения Excuse me, Sir/Ma'am, Mr/Mrs, Hello, Hi. Однако часть опрошенных (45%) отметили, что к незнакомцам младшего возраста они могут обратиться традиционно по-чаморрски iha, а к старшему — saina либо поприветствуют наклоном головы (если человек старше по возрасту) или напротив, поднятием головы (если человек младше). Многие респонденты (80%) также отмечают, что обращение к незнакомцу сопровождается улыбкой и в некоторых случаях — рукопожатием.

Имеются и особые обращения к незнакомцам в определенных ситуациях, в частности:

Buddee — часто используемое местными игроками в бейсбол, данное обращение обычно адресовано незнакомцам [13. P. 9].

3. Обращения к иностранцам

Что касается обращений к иностранцам, то это чаще всего традиционное обращение-приветствие Nafa Adai!, улыбка, рукопожатие, взмах рукой, иногда комментарий “You've got a lovely accent — where are you from?” Могут быть использованы и традиционные обращения Sir/Ma'am или Excuse me.

Существует целая группа обращений, подчеркивающих национальную принадлежность адресата:

bakuku — косвенное обращение к темнокожему человеку [13. P. 5];

flip — ласковое обращение к филиппинцу;

guamies — обращение к жителю Гуама: “See you next week, Guamies!”¹;

guralau — к любому представителю Микронезии;

halfcas — к ребенку, родившемуся в смешанном браке (как правило, между чаморро и европейцем);

iris — к представителю Ирландии;

KimChee — к корейцу;

¹ Guam Daily Post. Tuesday, May 6, 2017: 22.

Stateschman — обращение к представителю США (от Statesch — название США);

Yigolo — обращение к уроженцу деревни Йиго, расположенной на севере Гуама. “No, I am not from San Diego, California, chum, I am from Yigo” [13. P. 58].

4. Обращения в профессиональной сфере

К начальнику большинство жителей Гуама (90% опрошенных) обращаются традиционно Sir/Ma’am, либо Mr./Ms, титул + фамилия, очень редко по имени (10%). К коллеге обращаются по имени, в редких случаях — по фамилии (10%).

Имеются весьма специфичные варианты обращения к начальнику. Например, *mafrontoffice* — в политической жизни гуамцев косвенное обращение к начальнику, которого вызвали к губернатору по поводу того, что он не принял на работу человека, которого ему настойчиво рекомендовали взять в качестве сотрудника [13. P. 35].

Обращаясь к преподавателю в школе или университете, говорящий в большинстве случаев использует формулу: титул (Dr./Professor/Teacher) + фамилия. Используются также обращения Sir/Ma’am/Miss. Редко (10%) можно услышать обращение по имени. При этом многие респонденты отмечают, что обращение по имени к преподавателю является не очень вежливой формой.

Обращение к выпускникам школы может звучать таким образом:

High school valedictorians, например: “Congratulation, high school valedictorians! Would you like to share to the community how you overcame your challenges, and what motivated you to rise to the top of your graduating class?”¹;

cambrite — обращение к офицеру военно-морского флота, приехавшему на стажировку по программе обмена;

huts — косвенное обращение к известному радиоведущему;

Nurse Margaret — обращение к медсестре.

Когда необходимо обратиться к официанту в ресторане или продавцу в магазине, чаще всего будут использовать общепринятые обращения Excuse me, Sir/Miss/Ma’am, Hello/Hi либо имя.

5. Обращения-характеристики, подчеркивающие определенные черты внешности либо эмоционального состояния адресата

Обращаясь к человеку с ярко выраженными, но не красящими его внешними чертами (тучному, с длинным носом, рыжими волосами и т.д.) адресант выберет в зависимости от степени знакомства такие средства, как обращение по имени, титулу Sir/Ma’am, никогда не оскорбляя и не подчеркивая недостатки. Изредка, в шутку, при близком знакомстве высокого человека могут спросить: “What are they feeding you with?”

В качестве косвенного и прямого обращения к симпатичной девушке чаморрцы используют целый ряд эпитетов: bebedoll/poksquid/chicks/ascam/broads/pies/chad/rickk-rew/sis/bonita (что означает beautiful), например, “Hey, bebedoll, so on-sale este?” [13. P. 40].

Dude — прямое и косвенное обращение к парню, красавчику.

Atanbaba — косвенное обращение к грязнуле, неопрятному человеку.

¹ Guam Daily Post. Tuesday, May 7, 2017: 7.

Brodie/Matapang — обращение к человеку с ограниченными умственными способностями.

Chino — обращение к жадине.

Froc — обращение к «ботанику», «тупице», основанное на сравнении с лягушкой [13. P. 21].

Jombie — обращение к полубессознательному, чем-то потрясенному человеку, например, “Juan was so drunk he was walking around like a jombie” [13. P. 28].

Kadukoo/Mental — косвенное и прямое обращение к человеку, обозначающее «сумасшедший».

Pikaro — косвенное и прямое обращение к умному, хитрому человеку.

Tai Mamalao — чаще всего косвенное обращение-характеристика дерзкого человека “Lana, that Juner is so taimamalao, he just drink my beer without asking” [13. P. 51].

6. Обращения к природе

Многие респонденты отмечают, что любят обращаться в природе, например, к выращиваемым на своем приусадебном участке овощам или фруктам, небу, солнцу, деревьям: Good morning, my lovely bushes.

Самыми распространенными обращениями к животным являются такие варианты, кличка, girl/boy. В качестве обращения — привлечения внимания того или иного животного/птицы используются следующие:

duk-duk-duk — обращение к раку-отшельнику с просьбой показаться из раковины [13. P. 16];

kogorok — обращение — привлечение внимания к птицам (курам, петухам) во дворе;

Nina-nina — обращение — привлечение внимания к свинье;

psspspsps — обращение — привлечение внимания к котенку;

sape — обращение к котенку, когда его просят уйти, например: “Sape, kitty cat” [13. P. 47].

Обращаются чаморро и к неживым предметам, в основном — к машине, именуя ее “honey”, “baby” либо по имени (чаще всего женскому).

Обращение к Богу имеет на Гуаме следующие варианты: Chu (т.е. Jesus), OMNIGOD! (Oh, my God!), Got Dame (местное выражение проклятия, эквивалентное Goddamn!)

7. Поэтические, стилистически окрашенные обращения

Данная группа обращений встречалась только в письменной речи при общении психологов, риэлторов и представителей других видов деятельности с читателями газеты “Guam Daily Post”. Описывая свои жизненные ситуации, читатели просили о помощи, обращались за советами, которые следовали в ответных письмах от специалистов в затрагиваемых областях.

Среди обращений в подобного рода общении встречались такие, как Dear How to Last?¹ (человек, не подписавший письмо, получил такое именование по последнему заданному им вопросу); Dear Friend (так читатель подписал свое

¹ Guam Daily Post. Tuesday, May 7, 2017: 22.

письмо)¹; Dear Frustrated, (девушка обратилась с письмом по поводу организации свадьбы ее мамой и подписалась “Frustrated Bride-Not-to-Be”²).

8. Общие обращения (неопределенно-личные)

Nafa Adai! — обращение-приветствие, ставшее визитной карточкой Гуама. Это обращение используется в таких официальных документах, как, например, «Приглашение» от туристической компании, которое прибывающий на Гуам турист обязан предъявить при прохождении таможенного контроля; это приветствие можно увидеть в аэропорту Гуама и услышать повсюду — в магазинах, ресторанах, университете, на пляже — везде, где говорят на чаморрском варианте английского языка.

Помимо традиционного Nafa Adai! можно услышать и более привычное Hello there!³, а также видоизмененное обращение Excuse me!, представленное в чаморрском варианте английского языка как Scuse (обращение — привлечение внимания, чаще всего к незнакомцу).

Часто в качестве приветствия, независимо от времени дня (утро, день, вечер), жители Гуама используют заимствованное из испанского приветствие “Buenas”⁴.

9. Обращения-жесты

Помимо вышеупомянутых рукопожатий, поцелуев в щеку, улыбки, взмаха рукой, целовать руки старших в знак приветствия и уважения — еще один неотъемлемый жест, являющийся частью культуры народа чаморро.

Многие респонденты (70%) выделяют также такой жест, как «ладони, прижатые друг к другу как при молитве». Этот жест используется при приветствии детьми своих отцов и матерей.

Встречается и такой жест: правая рука приветствующего держит правую руку свекра/свекрови и дотрагивается до носа приветствующего в знак благословления (30% опрошенных).

10. Обращения-междометия

Aye, we can't survive like this! [13. P. 16] — Эй!

Aye, Aye, Aye: Что означает: «Я же тебя предупреждал!» — Oops! I told you so [13. P. 4].

Eck — эквивалент обращению-междометию — Oops!

Hey, who close the light? — Эй! Ну кто выключил свет?

Lakushit — обращение-междометие, используемое для выражения сомнения.

Lana — “Lana, the disco was so jampack” (“jampack” на чаморрском варианте английского языка означает “crowded” [13. P. 27]), а “lana” — обращение-междометие, означающее удивление, восхищение, раздражение, гнев и массу других эмоций. Приведем еще один пример: Lana, that Sonny Ada has a nice *Porch* [13. P. 44].

¹ Guam Daily Post. Tuesday, May 7, 2017: 22.

² Guam Daily Post. Tuesday, May 7, 2017: 17.

³ Guam Daily Post. Tuesday, May 7, 2017: 13.

⁴ Guam Daily Post. Tuesday, May 7, 2017: 22.

11. Особенности обращения

Ноу! — обращение, в переводе означающее «Эй, кто-нибудь дома?» [13. Р. 25]. Например, налоговый инспектор стучит в дверь и спрашивает: “Ноу, your car payments whersit?” [13. Р. 57].

Susmariajose! — обращение-угроза. Как правило, используется родителями по отношению к нашалившим детям.

Тока! — обращение — предупреждение со значением «Будь осторожен»/«О-о!», например: “Тока! You ate dat poisonous leef!” [13. Р. 53].

Umbre — обращение-просьба («пожалуйста, прошу тебя»).

Umbre lai — обращение-мольба («пожалуйста, умоляю»).

Umbre lai fangachong — обращение-мольба с обещанием сделать все в ответ на выполненную просьбу.

3. Выводы

Таким образом, глубоко проникая в культуру, образование и другие области жизни чаморро, с конца XIX века английский язык начал занимать те же позиции, что и родной язык жителей острова Гуам. Взаимодействие двух государственных языков в результате привело к появлению гуамского (чаморрского) варианта английского языка, имеющего ярко выраженные особенности на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Культурно-исторические особенности народа — носителя того или иного языка наиболее ярко отражены в формулах речевого этикета, куда входит и обращение. В речевом этикете чаморро имеется как известный всему англоговорящему миру перечень обращений (Sir, Ma’am, Professor, Excuse me, honey и др.), так и определенный набор типичных только для данного варианта языка способов обращения к собеседнику. Свойственными только говорящим на гуамском варианте английского языка обращениями являются обращения к родственникам (их разнообразие подчеркивает культ семьи и матери, глубоко почитаемый в культуре чаморро), друзьям, Богу, животным. Типичными только для жителей Гуама являются обращения к людям определенных профессий (например, Cambrite, huts), имена, косвенные и прямые именованья представителей других стран и национальностей (зачастую имеющие определенную стилистическую и политическую окраску). Безусловно, самым известным обращением-приветствием, ставшим визитной карточкой Гуама, мгновенно проникшим в лексикон как постоянно, так и временно проживающих на Гуаме представителей всех стран, является обращение Nafa Adai!

Описанная нами классификация обращений в гуамском (чаморрском) варианте английского языка является ярким подтверждением того, что использование типичных для жителей Гуама обращений, вошедших в местный вариант английского языка, позволяет коренным жителям Гуама передавать всему миру информацию о своей культуре и сохранять ее, несмотря на общение на английском языке.

Список литературы

1. *Bao Zh.* Theories of Language Genesis. Introduction. In Foley J., Kandiah T. (eds.) *English in New Cultural Contexts. Reflections from Singapore*. Singapore: Oxford University Press & Singapore Institute of Management. 1998.
2. *Kachru B.* *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes*. Oxford. 1986.
3. *Kachru B.* Teaching World Englishes // *The Other Tongue: English Across Cultures*. Ed. by B. Kachru, 2nd ed. Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. P. 335—363.
4. *Pandharipande R.V.* On Nativization of English. *World Englishes*, 6 (2), 149—158.
5. *Smith L., Christopher E.M.* Why Can't They Understand Me when I Speak English so Clearly? In Edwin Thumboo (ed.) *The Three Circles of English: language specialists talk about the English language*. Singapore: UniPress, 2001. P. 91—100.
6. *Везжицкая А.* Японские культурные сценарии: общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Язык. Семиотика. Культура. Малая серия. М.: Языки русской культуры, 2001.
7. *Крылова О.А.* Русский речевой этикет приветствия [Электронный ресурс] URL: <http://rus.1september.ru/2001/07/4.htm> (дата обращения: 17.07.2019).
8. *Dunkling L.* *A Dictionary of Epithets and Terms of Address*. London and New York: Routledge. 1990.
9. Словарь-справочник лингвистических терминов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/grammar/114.Rosental/14-o/html/unnamed_18.html (дата обращения: 06.01.2019).
10. *Курилова К.А.* Обращения в современном китайском языке (к вопросу о речевом этикете китайцев): учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.
11. Guam. Retrieved from: <https://en.wikipedia.org/wiki/Guam>
12. Guam Visitors Bureau. GVB guide book. Guam: USA. 2014.
13. *Santos D., Tydingco D., Guerrero M.L., Guerrero V.L., Pangelinan B., Santos M., & Matanane T.* *English the Chamorro way* (2nd ed.). Guam, USA: Pacific Color Press. 1987.
14. *Goetzfridt N.J., & Goniwiecha M.C.* Language dictionaries and grammars of Guam and Micronesia. Paper presented by M. C. Goniwiecha, August 7, 1989 at the 6th Annual Pacific Educational Conference "The Pacific Child: Quest for Cultural Literacy" (Aug. 7—9, 1989) at Koror, Palau (Belau). 1989.
15. *Gumataotao N.I.* Guam public school teacher attitudes toward non-standard English (Unpublished master's thesis). 1998.
16. *Ilina S.* English on Guam: Preliminary Study. *The Journal of Asia TEFL*. 2018. Vol. 15 (4). P. 1122—1130. doi: <http://dx.doi.org/10.18823/asiatefl.2018.15.4.1122>
17. *Kehoe M.* English on Guam. Guam Recorder. 1973.
18. *Kehoe M.* Language and politics in Guam and Micronesia. In F. King (Ed.) *Oceania and beyond*. Westport, CT: Greenwood Press. 1976.
19. *Kuske E.* Guam English has numerous distinctions from mainland English, researcher says. Pacific Daily News. Date: 2018, July 10 Retrieved from: <https://www.guampdn.com/story/news/2017/04/01/researcher-english-spoken-guam-unique/98996898/>
20. *Odo C.* A survey of language use and attitudes in Guam (Unpublished study). Agana, Guam: Guam Dept. of Education. 1972.
21. *Underwood R.* Language survival: The ideology of English and education in Guam. Guam, USA: University of Guam. 1984.
22. *Underwood R.* American education and the acculturation of the Chamorros of Guam (Doctoral dissertation). LA, California: University of Southern California. 1987.
23. *Underwood R.* English and Chamorro on Guam. *World Englishes*. 1989. Vol. 8 (1). P. 73—82.
24. *Underwood R.* Guam's political status. Interpretive essay: Subject of controversy. Data: 2018, August 14. Retrieved from: <https://www.guampedia.com/guams-political-status/>

25. *Thompson L., Barcinas J.C.* Guam and its people (3rd ed.). Princeton: Princeton University Press. 1947.
26. *Howard C.P. & Mariquita.* A tragedy of Guam. Bluebird Printery Ltd, Fiji. 1986.
27. *Gault C.S.* A Mansion on the Moon. A Guam Love Story. Edwards Brothers Malloy, USA. 2015.
28. *Ильина С.С.* Обращения в сингапурском варианте английского языка. Монография. Владивосток, Изд-во Дальневосточного университета, 2007. 209 с.
29. *Lee S., Shanmuganathan S.* Cultural conceptualizations of English Aunty in urban Malaysia. *World Englishes & Multilingual Realities. Evolutions, Interfaces, and Trajectories. Materials of the 23rd Annual Conference of the International Association for World Englishes.* Aneteo de Manila University, Philippines, May 31 — June 2, 2018.

References

1. Bao, Zh. 1998. Theories of Language Genesis. Introduction. In Foley J., Kandiah T. (eds.) *English in New Cultural Contexts. Reflections from Singapore.* Singapore: Oxford University Press & Singapore Institute of Management. P. 41—72. Print.
2. Kachru, B. 1986. *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes.* Oxford. Print.
3. Kachru, B. 1992. "Teaching World Englishes" in *The Other Tongue: English Across Cultures.* Ed. by B. Kachru, 2nd ed. Urbana & Chicago: University of Illinois Press. P. 335—363. Print.
4. Pandharipande, R.V. 1987. "On Nativization of English". *World Englishes* 6 (2): 149—158. Print.
5. Smith, L., and E.M. Christopher. 2001. "Why Can't They Understand Me when I Speak English so Clearly?" In Edwin Thumboo (ed.) *The Three Circles of English: language specialists talk about the English language.* Singapore: UniPress. P. 91—100. Print.
6. Vezhbitskaya, A. 2001. "Yaponskie kul'turnye stsenarii: obshchestvennye znaki kak klyuch k ponimaniyu obshchestvennykh otnoshenii i kul'turnykh tselestei" in *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki. Yazyk. Semiotika. Kul'tura.* Malaya seriya. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury. S. 159—165. Print. (In Russ.)
7. Krylova, O.A. 2001. *Russkii rechevoi etiket privetstviya.* Web. URL: <http://rus.1september.ru/2001/07/4.htm> (data obrashcheniya: 17.07.2019).
8. Dunkling, L. 1990. *A Dictionary of Epithets and Terms of Address.* London and New York: Routledge. Print.
9. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov.* Web. URL: http://www.classes.ru/grammar/114.Rosental/14-o/html/unnamed_18.html (data obrashcheniya: 06.01.2019).
10. Kurilova, K.A. 1999. *Obrashcheniya v sovremennom kitaiskom yazyke (k voprosu o rechevom etikete kitaitsev): ucheb. posobie.* Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. 280 s. Print. (In Russ.)
11. Guam. Web. Retrieved from: <https://en.wikipedia.org/wiki/Guam>
12. *Guam Visitors Bureau.* GVB guide book. Guam: USA. 2014.
13. Santos, D. et. al. 1987. *English the Chamorro way* (2nd ed.). Guam, USA: Pacific Color Press. Print.
14. Goetzfridt, N.J., and M.C. Goniwiecha. 1989. *Language dictionaries and grammars of Guam and Micronesia.* Paper presented by M. C. Goniwiecha, August 7, 1989 at the 6th Annual Pacific Educational Conference "The Pacific Child: Quest for Cultural Literacy" (Aug. 7—9, 1989) at Koror, Palau (Belau).
15. Gumataotao, N.I. 1998. *Guam public school teacher attitudes toward non-standard English* (Unpublished master's thesis). Print.
16. Ilina, S. 2018. *English on Guam: Preliminary Study.* *The Journal of Asia TEFL* 15 (4): 1122—1130. doi: <http://dx.doi.org/10.18823/asiatefl.2018.15.4.1122>
17. Kehoe, M. 1973. *English on Guam.* Guam Recorder. Print.
18. Kehoe, M. 1976. "Language and politics in Guam and Micronesia" In F. King (Ed.) *Oceania and beyond.* Westport, CT: Greenwood Press. P. 34—43. Print.

19. Kuske, E. 2018. Guam English has numerous distinctions from mainland English, researcher says. Pacific Daily News. Date: 2018, July 10. Web. Retrieved from: <https://www.guampdn.com/story/news/2017/04/01/researcher-english-spoken-guam-unique/98996898/>
20. Odo, C. 1972. A survey of language use and attitudes in Guam (Unpublished study). Agana, Guam: Guam Dept. of Education. Print.
21. Underwood, R. 1984. Language survival: The ideology of English and education in Guam. Guam, USA: University of Guam. Print.
22. Underwood, R. 1987. American education and the acculturation of the Chamorros of Guam (Doctoral dissertation). LA, California: University of Southern California. Print.
23. Underwood, R. 1989. "English and Chamorro on Guam". World Englishes. 1989 8 (1): 73—82. Print.
24. Underwood, R. 2018. Guam's political status. Interpretive essay: Subject of controversy. Data: 2018, August 14. Web. Retrieved from: <https://www.guampedia.com/guams-political-status/>
25. Thompson, L., and J.C. Barcinas. 1947. Guam and its people (3rd ed.). Princeton: Princeton University Press. Print.
26. Howard, C. P., and Mariquita. 1986. A tragedy of Guam. Bluebird Printery Ltd, Fiji. Print.
27. Gault, C.S. 2015. A Mansion on the Moon. A Guam Love Story. Edwards Brothers Malloy, USA. Print.
28. Il'ina, S.S. 2007. Obrashcheniya v singapurskom variante angliiskogo yazyka. Monografiya. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta. 209 s. Print. (In Russ.)
29. Lee, S., and S. Shanmuganathan. 2018. "Cultural conceptualizations of English Aunty in urban Malaysia". World Englishes & Multilingual Realities. Evolutions, Interfaces, and Trajectories. Materials of the 23rd Annual Conference of the International Association for World Englishes. Aneteo de Manila University, Philippines, May 31 — June 2, 2018.

Благодарности: Авторы выражают искреннюю благодарность Наталье Беспаловой, генеральному директору туристического агентства «Гуам-Вояж», Анне Люхан, менеджеру и гиду туристического агентства «Гуам-Вояж», а также коллегам из Университета Гуама за неоценимую помощь в работе над исследованием.

Acknowledgments: The authors are sincerely grateful to Natalya Bespalova, Director General of the Guam-Voyage Travel Agency, Anna Lyuhan, manager and guide of the travel agency "Guam-Voyage", as well as colleagues from the University of Guam for invaluable help in research work.

Сведения об авторах:

Ильина Светлана Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка Восточного института — Школы региональных и международных исследований. E-mail: svilyina@mail.ru

Бекишева Юлия Валерьевна — ассистент Академического департамента английского языка Восточного института — Школы региональных и международных исследований. E-mail: julia.bekisheva@gmail.com

Bio Notes:

Svetlana S. Il'ina is a PhD in Philology, Associate Professor of the Academic Department of English at the Eastern Institute — School of Regional and International Studies. E-mail: svilyina@mail.ru

Yuliya V. Bekisheva is an Assistant of the Academic Department of English at the Eastern Institute — School of Regional and International Studies. E-mail: julia.bekisheva@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-157-167

Научная статья

Инвариантная модель полилингвального образования

Ф.Г. Ялалов

Институт татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан
Российская Федерация, 420015, Казань, ул. Пушкина, д. 56
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Казанского федерального университета
Российская Федерация, 420021, Казань, ул. Татарстан, д. 2

Статья посвящена вопросам реализации языковых прав граждан в сфере образования в соответствии с требованиями Федерального закона от 03.08.2018 № 317-ФЗ. Согласно новому закону, у российских граждан значительно расширились права в выборе образовательных программ по родному языку, а также в выборе языков обучения и воспитания в общеобразовательной школе. Проанализировав содержание определения, данное ЮНЕСКО полилингвальному образованию, автор статьи выделяет в нем два взаимосвязанных положения. На этой основе полилингвальное образование подразумевает, во-первых, изучение и преподавание в школе не менее трех языков, во-вторых — организацию единого целенаправленного процесса обучения и воспитания по меньшей мере на трех языках. На материале языковой картины Республики Татарстан автором представлена инвариантная для многоязычных регионов России линейка изучения языков, а также обозначены перспективы использования в системе образования трех языков.

Ключевые слова: мультиязычная парадигма, статус языков, мажоритарные и миноритарные языки, доминирующий язык, инвариантная линейка языков

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.10.2019

Дата принятия к печати: 15.02.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Ялалов Ф.Г. Инвариантная модель полилингвального образования // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 157–167. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-157-167

© Ялалов Ф.Г., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Invariant Model of Polylingual Education

F.G. Yalalov

Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of Tatarstan Academy of Sciences
56, Pushkin St., Kazan, 420015, Russian Federation
Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University
2, Tatarstan St., Kazan, 420021, Russian Federation

The article is devoted to the implementation of citizens' language rights in the field of education in accordance with the requirements of Federal Law No. 317-FZ of August 3, 2018. Under the new law, Russian citizens significantly expanded their rights to choose educational programs in their native language, as well as to choose the languages of training and education in a comprehensive school. After analyzing the content of UNESCO's definition of polylingual education, the author of the article identifies two interrelated meanings in it. On this basis, polylingual education implies, firstly, the studying and teaching at least three languages at a school, and secondly, the organization of a single, focused process of training and education in at least three languages. Based on the materials of the language picture of the Republic of Tatarstan, the author presents a line of language learning which is invariant for multilingual regions of Russia, and also outlines the prospects for using three languages in the education system.

Key words: multilingual paradigm, status of languages, majority and minority languages, dominant language, invariant line of languages

Article history:

Received: 15.10.2019

Accepted: 15.02.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Yalalov, F.G. 2020. "Invariant Model of Polylingual Education". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 157—167. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-157-167

1. Введение

Напряженная ситуация вокруг языкового вопроса, возникшая в 2017 году, показала, что в стране существует немало проблем, связанных с изучением и преподаванием родных языков. К сожалению, как заявил председатель Комитета по образованию и науке Госдумы РФ В.А. Никонов, приходится констатировать, что в последние годы система поддержки изучения и преподавания родных языков в России ухудшилась. Исчез целый ряд исследовательских институтов, которые занимались научно-методическим обеспечением национального образования, практически сведена на нет система подготовки педагогов по языкам коренных, малочисленных народов. Имеются также проблемы в разработке и утверждении

образовательных стандартов по родным языкам, вопросах обеспечения школ федеральными учебниками (<http://duma.gov.ru/news/27352/>).

Законодательная власть достаточно оперативно отреагировала на сложившуюся в стране языковую ситуацию, и в 2018 году был принят Федеральный закон № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808030079?index=0&rangeSize=>). В соответствии с этим законом у российских граждан значительно расширились права не только в выборе образовательных программ по родному языку, но и в выборе языков преподавания общеобразовательных дисциплин. При сложившихся правовых условиях в многоязычных регионах России возникла новая волна полилингвального образования, направленная на обеспечение возможности получения общего образования на трех языках: русском, родном и иностранном. На становление и развитие в стране системы многоязычного образования потребуются годы и дополнительные инвестиции.

В этой связи парламентариями было внесено предложение о создании фонда сохранения и изучения родных языков. Указом Президента РФ от 26.10.2018 № 611 был создан Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации. Деятельность фонда направлена на создание условий для сохранения и изучения родных языков народов России (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/43670>).

2. Обсуждение

В последнее десятилетие идея полилингвального образования охватила ряд стран мира. В Казахстане новую парадигму, направленную на реализацию мультиязычного образования, назвали «триединством языков» (казахский, русский и английский) [1]. В соответствии с президентским Посланием «Новый Казахстан в новом мире» в Республике Казахстан начиная с 2007 года осуществляется поэтапная реализация проекта «Триединство языков» (http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-ppazarbaeva-narodu-kazahstana-28-fevralya-2007-g).

В многоязычной Швейцарии, где жители говорят на четырех языках (немецкий, французский, итальянский, ретророманский), официально изучают три языка: два государственных (немецкий и французский) и один иностранный (английский) язык. В такой маленькой стране, как Черногория, также изучают три языка: родной (черногорский) и два иностранных (немецкий и английский) языки.

На IV Всероссийском конгрессе кафедр ЮНЕСКО, проходившем с 4 по 6 марта 2019 года в г. Казани, генеральный директор ЮНЕСКО Одри Азуле обратилась к участникам конгресса с призывом о сохранении и развитии культурного и лингвистического многообразия в мире. На вопрос корреспондента электронного издания «БИЗНЕС Online»: «Какая из проблем современности для Вас является главной?» Азуле ответила: «Образование и еще раз образование!» (<https://www.business-gazeta.ru/article/416112>). А также заявила, что вопросы сохранения и изучения языков должны решаться на местах посредством образования. Неслучайно генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН) 2019-й

был провозглашен Международным годом языков коренных народов. Это сделано в целях привлечения внимания к критическим рискам, которые угрожают языкам коренных народов.

В повестку осенней сессии Исполнительного совета ООН (2019 г.) по инициативе Франции включены вопросы преподавания иностранных языков, проблемы сохранения и развития лингвистического многообразия в мире. Франция предложила странам — членам ООН вести преподавание как минимум двух иностранных языков в дополнение к родному языку на всех уровнях образования. Кроме того, внесено предложение об увеличении инвестиций в подготовку преподавателей иностранных языков, в исследование и использование эффективных лингводидактических технологий в преподавании языков.

Сегодня проблемы многоязычного образования, вопросы изучения родных языков решаются системно в правовых условиях, возникших после принятия в 2018 году Федерального закона № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В настоящее время в Казани функционирует многопрофильная полилингвальная гимназия № 180 (<http://mpg180.ru/>). Кроме этого, работает сеть полилингвальных детских садов «Бала-Сити», в которых реализуется идея мультилингвального обучения детей дошкольного возраста (<https://www.kids.balacity.ru/>). В 2020—2024 годах в городах Республики Татарстан будут построены и задействованы шесть полилингвальных комплексов, направленных на обеспечение конкурентного образования на трех языках.

В Республике Башкортостан в 2019 году свои двери открыли две полилингвальные школы. Первая школа разместилась в микрорайоне «Яркий» Демского района г. Уфы, а вторая — на базе средней общеобразовательной школы № 44 г. Уфы. На 2021 год запланировано открытие полилингвальной гимназии в г. Нефтекамске (<https://ufa1.ru/text/education/66185779/>).

Возникает закономерный вопрос: в чем отличие полилингвальной школы (гимназии, лицея) от общеобразовательной школы? При ответе на данный вопрос практические работники образования часто испытывают затруднение. Их ответы касаются в основном количества изучаемых языков, классов с углубленным изучением языков, профильных предметов, возможностей дополнительного образования в изучении иностранных языков и т.д. У большинства учителей представление о полилингвальной школе связано с внешними факторами. Немногие имеют ясное представление о содержании понятия «полилингвальное образование». В поиске ответа следует обратиться к опыту зарубежных стран, идущих в этом вопросе впереди нас.

В европейских странах парадигма мультиязычного образования появилась еще в конце XX века. В 1999 году на 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Резолюция 12/30С, которая утвердила содержание термина «мультиязычное образование». В соответствии с этой резолюцией мультиязычное, или полилингвальное, образование подразумевает применение в образовании по меньшей мере трех языков, а именно родного языка, регионального либо национального языка и международного языка (<https://ru.unesco.org/themes/gced/languages>).

Страны, реализующие полилингвальное образование, придерживаются официального определения ЮНЕСКО 1999 года.

Для более полного понимания сущности определения ЮНЕСКО следует проанализировать смысловое содержание выражения «применение в образовании языков». Здесь речь идет о применении языков в конкретной сфере, а именно в образовании. Нельзя применять в образовании язык, которого не знаешь. Процесс систематического обучения в школе начинается с изучения языков и предметов. По мере усвоения языка его функции расширяются. Наряду с коммуникативной функцией язык выполняет ряд образовательных функций (когнитивные, воспитательные, развивающие и т.д.). В образовательном процессе язык применяется как средство обучения, т.е. посредством языка знания передаются от учителя к ученикам.

Итак, выражение «применение в образовании языков» представляет собой единство двух взаимосвязанных положений. Первое положение связано с изучением и преподаванием языков, второе — непосредственно с применением языков в процессе образования. Взаимообусловленность этих положений проявляется в следующем: с одной стороны, систематическое изучение языка, например английского, способствует лучшему усвоению школьного предмета, например информатики, с другой — преподавание на английском языке информатики способствует более совершенному усвоению самого английского языка. Кстати, на этой логике построена предложенная Дэвидом Маршем в 1994 году CLIL-технология предметно-языкового интегрированного обучения (Content and Language Integrated Learning), представляющая собой одну из самых распространенных в последнее время лингводидактических технологий (<http://proenglish-blog.ru/metody-i-metodiki/chto-takoe-clil-ili-poznaem-mir-cherez-anglijskij.html>).

В соответствии с частями 1, 2, 3 статьи 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» понятие «образование» представляет собой единый целенаправленный процесс обучения и воспитания обучающегося (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/). Соответственно, более полный вариант второго положения определения состоит в применении нескольких языков при осуществлении единого целенаправленного процесса обучения и воспитания обучающихся.

Таким образом, в системе общего образования Российской Федерации содержание термина «полилингвальное образование» подразумевает, во-первых, преподавание и изучение в школе не менее трех языков, во-вторых — организацию единого целенаправленного процесса обучения и воспитания обучающихся по меньшей мере на трех языках. Отсюда следует, что общеобразовательная школа (гимназия, лицей), реализующая содержание полилингвального образования лишь частично, не в полной мере соответствует статусу полилингвальной школы. На практике реализация полного содержания полилингвального образования происходит, как правило, поэтапно: на начальном этапе осуществляется изучение и преподавание в школе как минимум трех языков, на последующих — организация единого процесса обучения и воспитания обучающихся по меньшей мере на трех языках.

Прежде чем приступить к рассмотрению вариантов реализации языковых прав граждан — носителей разных языков, необходимо разобраться в вопросах, связанных с некоторыми понятиями социолингвистики. Высказывание «все люди равны» правомерно, но равенство не распространяется на языки. По отношению к языкам и их носителям более корректным будет выражение «в своих правах носители языков равны, но языки не могут быть равны по своему статусу, по масштабу распространения и использования». Для более грамотной трактовки и правильного применения языковых прав граждан следует иметь общее представление о таких понятиях, как «стадии развития языков», «статус языка», «мажоритарный и миноритарный языки», «доминирующий язык».

Стадии развития языков. Известный социолингвист, специалист по языковым сдвигам Джошуа Фишман, выполнивший классификацию языков по степени их распространения и применения в различных сферах деятельности, выделил 8 стадий для оценки состояния развития языка. Высшая стадия распространения и развития языка — первая. На этой стадии язык представлен во всех сферах человеческой деятельности (государственной службе, политике, экономике, на всех уровнях образования, во всех направлениях науки, здравоохранения, культуры, во всех видах средств массовой информации и т.д.). Самая низкая стадия — 8-я. Языки, находящиеся на 7-й и 8-й стадиях, относятся к исчезающим.

На высшей стадии своего развития находятся языки ведущих стран, многочисленных народов мира, в том числе русский язык, который занимает 8-е место в мире по количеству людей, говорящих на нем. На сегодняшний день шесть языков мира: английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский — имеют статус официальных рабочих языков ООН.

Татарский язык, занимающий по количеству носителей второе место в России, первое место — в Татарстане, является государственным языком Республики Татарстан. Татарский язык, имеющий тысячелетнюю письменную традицию, развитую научную терминологию, благодаря тому, что применяется в дошкольном, начальном общем, основном общем образовании, частично — в среднем профессиональном и высшем образовании, используется в культуре, во всех видах средств массовой информации, относится к 3-й стадии развития. Языки остальных коренных народов России по классификации Фишмана находятся между 4-й и 8-й стадиями (<http://uralistica.com/profiles/blogs/gids-8-stadij-vozhrozhdenija-jazyka>).

Образовательный статус языков. Статус языка в образовании зависит от места проживания его носителей. Выстраивая татарстанскую модель полилингвального образования, мы рассматриваем статус языков народов Российской Федерации, проживающих в Республике Татарстан. В соответствии с данными переписи 2010 года 54% жителей республики являются носителями татарского языка, 39,7% — носителями русского языка, т.е. количество носителей татарского и русского языков вместе составляет 93,7%.

Статус русского языка. В соответствии с частью 1 статьи 68 Конституции РФ русский язык является государственным языком Российской Федерации на всей ее территории. В то же время на основе республиканского закона от 1992 года

«О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», русский язык является также государственным языком Республики Татарстан (<https://base.garant.ru/8102506/>). Русский язык, имеющий статус рабочего языка ООН, за пределами Российской Федерации является официальным международным языком. Для русскоязычных носителей, независимо от их местожительства, русский язык является родным языком.

Статус татарского языка. На основании того же республиканского закона от 1992 года «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» татарский язык является государственным языком Республики Татарстан на всей ее территории (<https://base.garant.ru/8102506/>). Для татароязычных носителей, вне зависимости от места их проживания, татарский язык является родным языком.

Таким образом, два языка — русский и татарский — будучи государственными, являются *мажоритарными языками* на территории Республики Татарстан. Татарский язык вне Татарстана теряет свою мажоритарность, а русский язык сохраняет мажоритарность на всей территории Российской Федерации.

Статус других языков. В Республике Татарстан, по данным переписи 2010 года, кроме татар и русских проживают чуваша (3,1%), удмурты (0,6%), марийцы (0,5%), украинцы (0,5%), мордва (0,5%), башкиры (0,4%) и представители других народов. Языки всех перечисленных народов на территории Республики Татарстан являются *миноритарными языками*.

Следует обратить внимание на то, что из всех мажоритарных и миноритарных языков, используемых в системе образования Республики Татарстан, русский язык является *доминирующим*. Доминирование русского языка обусловлено объективно сложившимися факторами. Особо значимым является то обстоятельство, что сфера использования русского языка в образовании значительно шире по сравнению с другими языками. Количество аккредитованных образовательных программ, учебников, включенных в Федеральный перечень, выполненных на русском языке, значительно превышает число изданий, подготовленных на других языках. Оценка знаний выпускников в форме ОГЭ после 9-го и ЕГЭ после 11-го классов осуществляется только на русском языке.

Все вопросы, связанные с практической реализацией языковых прав граждан в сфере образования, лежат в двух плоскостях. В первой находятся вопросы, имеющие отношение к изучению языков в школе (язык как предмет изучения и преподавания), во второй — вопросы, связанные с применением языков в образовании. Рассмотрим их по порядку.

О преподавании и изучении языков. С 2018 года изучение и преподавание русского языка в Республике Татарстан осуществляется по двум образовательным программам. Во-первых, в соответствии с частями 1 и 2 статьи 14 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», преподавание и изучение государственного языка Российской Федерации осуществляется на основе ФГОС в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ. Во-вторых, изучение русского языка как родного осуществляется по отдельной образовательной программе на основе выбора родителей (законных

представителей) обучающихся в соответствии с частью 4 статьи 14 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Преподавание и изучение татарского языка осуществляется также по двум образовательным программам. Изучение татарского языка как государственного языка Республики Татарстан осуществляется на основе выбора родителей (законных представителей) обучающихся по образовательной программе в соответствии с частью 3 статьи 14 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Кроме того, преподавание и изучение татарского языка как родного осуществляется по другой образовательной программе также на основе выбора родителей (законных представителей) обучающихся в соответствии с частью 4 статьи 14 названного закона.

Если родители обучающегося являются носителями мажоритарных языков (русского или татарского), то в качестве родного языка они выбирают одну из трех предложенных образовательных программ:

- русский язык как родной;
- татарский язык как государственный язык Республики Татарстан;
- татарский язык как родной.

Образовательная организация наряду с созданием условий для реализации прав носителей мажоритарных языков не должна при этом ущемлять образовательные права носителей миноритарных языков [2. С. 79]. Если родители обучающегося являются носителями миноритарного языка, например, чувашского или удмуртского, марийского, украинского, мордовского, башкирского, то им в качестве родного языка должно быть предложено изучение образовательной программы чувашского (удмуртского, марийского, украинского, мордовского, башкирского и др.) языка. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого количества соответствующих образовательных организаций, классов, групп, наличием педагогических кадров, аккредитованных образовательных программ, учебников, включенных в Федеральный перечень, и иных необходимых условий. При выборе образовательной программы по родному языку важно, чтобы носители миноритарных языков не подвергались языковой дискриминации [3. С. 500]. В зависимости от количества носителей миноритарных языков и имеющих для реализации их прав условий может быть несколько образовательных программ по изучению миноритарных языков.

Таким образом, родителям (законным представителям) обучающихся — носителям миноритарных языков образовательная организация может предложить на выбор одну из образовательных программ:

- русский язык как родной;
- татарский язык как государственный язык Республики Татарстан;
- миноритарный язык (может быть несколько) как родной.

Выбор образовательных программ родного языка осуществляется на свободной основе по личному заявлению родителей обучающегося. Важно то обстоятельство, что в учебных планах начального общего, основного общего образования на изучение образовательной программы по родному языку, вне зависимости от вариантов образовательных программ, отводится одинаковое количество часов. Поэтому в вопросах выбора и изучения образовательных программ родного языка

носители мажоритарных и миноритарных языков оказываются в одинаковых образовательных условиях. Все эти меры способствуют искоренению языковой дискриминации в образовании.

В действующих ФГОС начального и основного общего образования присутствует лишь один иностранный язык, на практике это английский. В марте 2019 года Министерством просвещения РФ были опубликованы для общественного обсуждения проекты обновленных ФГОС начального и основного общего образования. В разделе «Требования к структуре программы» статус второго иностранного языка указан в следующем виде: «В целях обеспечения индивидуальных потребностей обучающихся, по выбору родителей (законных представителей) обучающихся и при наличии необходимых условий в предметную область “Иностранные языки” может включаться предмет “Второй иностранный язык” из перечня, предлагаемого образовательной организацией» (<https://www.preobra.ru/fgo00019>). Пока обновленные ФГОС не утверждены, поэтому полилингвальные школы (гимназии, лицеи) изучение и преподавание второго иностранного языка осуществляют на факультативной основе либо в рамках дополнительного образования.

Таким образом, преподавание и изучение языков в системе общего образования Республики Татарстан осуществляются по многоязычной линейке (рис.):

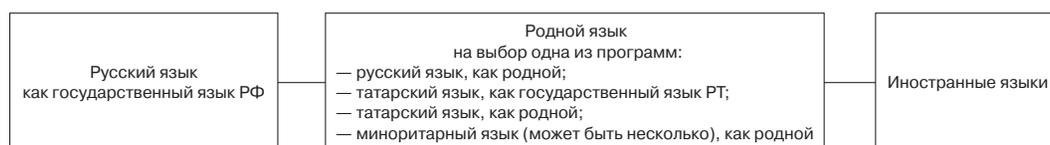

Рис. Преподавание и изучение языков в Татарстане

Представленная линейка языков, реализуемая в Республике Татарстан, является инвариантной для многоязычных регионов России по своей структуре и логике построения, вариативной — по количеству образовательных программ родных языков. Названия образовательных программ по родным языкам, их количество в каждом регионе определяются на основе идентификации родного языка его носителями. Носителям языков следует иметь в виду, что в современных условиях языковая идентичность не всегда совпадает с этнической идентичностью [4].

Организация образовательного процесса на трех языках. Как было отмечено выше, полилингвальное образование, наряду с ведением преподавания и изучения в школе как минимум трех языков, подразумевает организацию единого процесса обучения и воспитания обучающихся по меньшей мере на трех языках. Действующее в сфере образования российское законодательство сегодня позволяет применение в системе общего образования трех языков: русского, родного и иностранного.

Итак, образовательная деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях России в соответствии с частью 2 статьи 14 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» осуществляется на русском языке — государственном языке Российской Федерации.

С учетом статуса русского языка как доминирующего преподавание большинства школьных предметов в школе осуществляется на русском языке.

Далее, в соответствии с частью 4 статьи 14 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» российские граждане имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке. Каждая школа, учитывая желание родителей, самостоятельно решает, преподавание каких предметов целесообразнее вести на родном языке. Это могут быть предметы, связанные с изучением литературы, географии, истории родного края.

Наконец, на основании части 5 статьи 14 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» общее среднее образование в России может быть получено на иностранном языке в соответствии с образовательной программой и в порядке, установленном законодательством об образовании и локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность. Поэтому вопросы о целесообразности преподавания предметов на иностранном языке также решает образовательная организация, принимая во внимание пожелания родителей, с учетом собственных образовательных возможностей.

Таким образом, законодательная основа для осуществления образовательной деятельности в школе на трех языках достаточная. Для практической реализации многоязычного обучения должны быть решены организационные вопросы, связанные с осуществлением образовательного процесса на трех языках. Прежде всего это обеспечение квалифицированными педагогическими кадрами; аккредитованными образовательными программами; учебниками, включенными в Федеральный перечень учебников.

Общеобразовательные организации, функционирующие в национальных республиках России, уже обладают необходимой учебно-методической базой, опытом организации единого процесса обучения и воспитания обучающихся на двух языках (русском и родном). Такие образовательные организации при наличии квалифицированных педагогических кадров, способных вести преподавание предметов на иностранном языке в соответствии с образовательной программой и в порядке, установленном российским законодательством, будут готовы к применению в образовании третьего языка (иностранного).

3. Выводы

Контентный анализ термина ЮНЕСКО «полилингвильное образование» позволил полнее раскрыть его смысловое содержание, а на этой основе сформулировать новое определение: полилингвильное образование подразумевает, во-первых, преподавание и изучение в школе не менее трех языков, во-вторых — организацию единого целенаправленного процесса обучения и воспитания обучающихся по меньшей мере на трех языках.

Линейка языков, реализуемая в системе общего образования Республики Татарстан, является инвариантной для многоязычных регионов России по своей

структуре, логике построения, вариативной — по количеству образовательных программ по родным языкам.

Свободный выбор образовательной программы родного языка, осуществляемый на основе языковой самоидентификации родителей (законных представителей) обучающихся, способствует искоренению языковой дискриминации в образовании. Языковой подход к формированию групп, классов приводит в процессе совместного обучения к установлению прочных языковых связей между учащимися — представителями разных национальностей, что способствует поддержанию между ними дружеских, миролюбивых отношений, в конечном счете ведет к установлению межэтнического согласия.

Список литературы

1. *Джусупов Д.* Школьное полиязычное образование в Казахстане // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 64–71.
2. *Tollefson J.W.* Language policies in education: Critical issues. Oxford: Blackwell, 2002.
3. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992.
4. *Марусенко М.А.* Двухязычное обучение и проблемы этнической и языковой идентичности в СССР и современной России // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. № 2. С. 190–203.

References

1. Dzhusupov, D. 2015. "Shkol'noe poliyazychnoe obrazovanie v Kazakhstane". Vestnik RUDN, seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' 5: 64–71. Print. (In Russ.)
2. Tollefson, J.W. 2002. Language policies in education: Critical issues. Oxford: Blackwell. Print.
3. Phillipson, R. 1992. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press. Print.
4. Marusenko, M.A. 2019. "Dvuyazychnoe obuchenie i problemy etnicheskoi i yazykovoi identichnosti v SSSR i sovremennoi Rossii". Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki 2: 190–203. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ялалов Фарит Габтелович — доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по науке Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, профессор кафедры татаристики и культурологии Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского федерального университета. E-mail: yalalov51@mail.ru

Bio Note:

Farit G. Yalalov is a Doctor of Education, Professor, Deputy Director of Science at the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of Tatarstan Academy of Sciences, Professor of the Department of Tatarism and Cultural Studies at the Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University. E-mail: yalalov51@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-168-175

Научная статья

Отражение полилингвизма при общении в цифровом пространстве

Л.Ю. Мирзоева, О.В. Сюрмен

Университет им. Сулеймана Демиреля
Республика Казахстан, 040900, Каскелен, Абылай-хана пр., 1/1

Одной из характерных примет современной коммуникации является активное использование цифрового формата общения. Специфика письменной коммуникации в цифровом пространстве (посредством мессенджеров типа WhatsApp, Viber) предопределяет многие характеристики, такие как лаконизм, сжатость представляемой информации, четкое целеполагание сообщения и пр. Тем не менее даже при таком специфичном общении в полилингвальной среде налицо явление переключения языкового кода, отражающее определенные процессы, которые имеют место в акте коммуникации и, более того, в языковом сознании говорящих.

Авторами был рассмотрен речевой материал (около 100 речевых ситуаций), наглядно демонстрирующий переключение языкового кода в однородной среде, среди коммуникантов с одинаковым социальным и образовательным статусом, предполагающим элитарный тип речевой культуры. Вместе с тем даже представители этого типа речевой культуры демонстрируют в процессе общения смешение языковых единиц как минимум двух языков (казахского и русского), а также ряд отступлений от нормы, носящих интерференционный характер.

Ключевые слова: цифровое пространство, переключение кодов, полиязычная среда, письменная коммуникация

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 04.10.2019

Дата принятия к печати: 25.02.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Мирзоева Л.Ю., Сюрмен О.В. Отражение полилингвизма при общении в цифровом пространстве // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 168–175. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-168-175

© Мирзоева Л.Ю., Сюрмен О.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Multilingualism in Digital Communication

L.Yu. Mirzoyeva, O.V. Syurmen

Suleyman Demirel University
1/1, Abylaykhan St., Kaskelen, 040900, Republic of Kazakhstan

Digital communication is one of the typical features of modern society. The specificity of written communication in digital space (by means of such messengers as WhatsApp and Viber) determines various peculiarities of the process, such as conciseness, clear goal-setting and others. Nevertheless, code switching representing specific processes in the act of communication and linguistic consciousness of speakers takes place in such a specific communication mode in multilingual environment. The authors examined about 100 contexts showing code-switching process in a homogeneous environment among the communicants with the same social and educational status and having the elite type of speech culture. However, the communicants demonstrate mixing of linguistic units of at least two languages (Kazakh and Russian) as well as mistakes made due to interference.

Key words: digital space, code-switching, multilingual settings, written communication

Article history:

Received: 04.10.2019

Accepted: 25.02.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Mirzoyeva L., and O. Syurmen. 2020. "Multilingualism in Digital Communication". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 168–175. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-168-175

1. Введение

Специфика письменной коммуникации в цифровом пространстве (посредством мессенджеров типа WhatsApp, Viber) предопределяет многие характеристики, такие как сжатость представляемой информации, четкое целеполагание сообщения и пр. Исследование языка текстовых сообщений в настоящее время находится на начальной стадии своего развития; так, не выработаны критерии оценки такого языка, не изучена степень его воздействия на повседневную коммуникацию — как в аспекте информативности, так и в плане его экспрессивного потенциала и в сфере культуры речи. Следовательно, изучение коммуникации такого рода является весьма актуальным, в особенности если речь идет об общении через мессенджер в полилингвальной среде. Как справедливо отмечает Н.О. Кушакова, «изменяющиеся коммуникативные потребности современного человека провоцируют постоянную адаптацию коммуникационных средств. Это приводит к расширению жанрового репертуара технически опосредованного, в частности SMS-

опосредованного, дискурса» [1. С. 62]. В этой же работе находим утверждение о том, что «временная ориентация диалога может быть как квазисинхронной, когда сообщение-реакция поступает максимально оперативно, так и асинхронной, когда присутствует относительно большая отсрочка. В рамках дискурсообразующего жанра SMS-переписки могут реализоваться различные комплексные речевые жанры как персонального, так и институционального общения (small-talk, деловая переписка), которые в свою очередь включают элементарные жанры (приветствие, прощание, шутка, поздравление, вопрос, ответ и пр.). SMS-переписка тематически неограничена» [1. С. 63]. Все вышесказанное можно с полным правом отнести к письменной коммуникации в WhatsApp как наиболее популярном мессенджере в Республике Казахстан. Общение в WhatsApp характеризуется широким разбросом тематики, отвечает нуждам текущего момента. Различные темы при этом могут развиваться параллельно; четких требований к композиционному оформлению текста нет, так как мы имеем дело в основном с коммуникацией неофициального характера. Вариативно и использование этикетных формул.

Специфика полилингвальной ситуации, которая наличествует в Республике Казахстан, предопределяет и особенности коммуникации в формате цифровой среды. В частности, одной из наиболее типичных характеристик общения в условиях многоязычия является переключение языковых кодов (code-switching). Как отмечают Р. Эредиа и Дж. Алтарриба, «билингвы часто используют переключение языкового кода, переходя с одного языка на другой, и особенно в том случае, когда оба языка используются в данной языковой среде... Говоря вкратце, переключение языковых кодов основано на определенных функциональных и грамматических принципах и является сложным феноменом, подчиняющимся специфическим законам. Сейчас необходимо исследовать когнитивные механизмы, которые позволяют билингвам как интегрировать, так и разделять два языка в процессе коммуникации» [2. С. 164].

2. Обсуждение

Существуют различные принципы классификации функций, реализуемых при помощи переключения языкового кода. Так, социолингвистическая классификация обычно связывается с именами Яна-Петтера Блума и Дж. Гамперца, описавших ситуативное и метафорическое (разговорное) переключение кода. В качестве подтипов разговорного переключения кодов в рамках данной классификации были выделены: 1) упоминание в речи (цитата); 2) спецификация получателя (в том случае, если сообщение адресуется одному получателю в присутствии нескольких возможных адресатов) [3; 4]; 3) междометия/восклицания (эта функция связана с символическим типом переключения кода, потому что в обоих случаях речь идет о междометиях, которые не вредят структуре предложения, а только содержат короткие высказывания); 4) повторение; 5) оценка сообщения (сообщение часто повторяется на другом языке по буквам или в измененном виде). Эта функция нацелена на уточнение высказывания, объяснение или акцентирование внимания на каком-либо моменте) [3]. Особого внимания

заслуживает функция персонализации/объективации (для выражения собственного мнения используется один язык; объективированная информация подается на другом языке). «Использование переключения кода позволяет получить больше веса для высказывания или подчеркнуть личное мнение» [5. С. 240].

В соответствии с целями и задачами нашей работы мы посчитали возможным использовать классификацию, предложенную Р. Аппелем и П. Муйскеном, в рамках которой выделяются следующие социальные функции, актуализирующиеся при переключении языкового кода: 1) референциальная функция (актуализируется при невозможности вспомнить название того или иного объекта на языке общения); 2) директивная функция (выбор языка в зависимости от включенности/отторжения конкретного реципиента применительно к данной речевой ситуации); 3) экспрессивная функция; 4) фатическая (контактоустанавливающая) функция, которая «применяется в тех случаях, когда говорящий использует переключения на другой язык для поддержания, установления или завершения контакта с иноязычным или двуязычным собеседником» [6]; 5) металингвистическая функция (реализуется путем комментариев о языке средствами иного языка и пр.); 6) поэтическая функция (в частности, использование переключения языкового кода для языковой игры, намеренное создание комического эффекта и пр.).

Нельзя не упомянуть и выделяемую в социалингвистических исследованиях функцию этнической идентификации [7. С. 219], также весьма характерную для переключения кодов. По утверждению Е. В. Головки, сознательное переключение кодов можно расценивать как свидетельство стремления «к выделению себя как особой этнической и социальной группы» [7. С. 117–125], как демонстрацию окружающим «маркера своей этничности» [8. С. 3–10].

Авторами было проанализировано 112 речевых ситуаций, отраженных в сообщениях в мессенджере WhatsApp (письменная коммуникация). Материалом для исследования послужили сообщения из двух групп в WhatsApp; количество коммуникантов в каждой группе — более 20. Представители обеих групп характеризуются одинаковым профессиональным и социальным статусом: наличие высшего образования и соответствующего — элитарного или близкого к нему — типа речевой культуры. Обе группы представляют собой своего рода «профессиональные объединения» преподавателей, в цели которых входит: а) быстрая передача необходимой информации, связанной с профессиональной деятельностью; б) передача эмоционального отношения к тем или иным событиям/фактам, значимым для членов данной языковой микрогруппы; в) общение на социально-бытовые темы. Большинство участников письменной коммуникации в цифровом пространстве, осуществляемой в рамках данных групп мессенджера WhatsApp, являются естественными билингвами (русско-казахское/казахско-русское двуязычие); при этом преобладающий тип билингвизма может быть охарактеризован как координативный, при котором имеет место «установление соответствий мыслительных категорий и поверхностных вербальных структур их выражения в данном конкретном языке без посреднической функции родного языка» [9. С. 44]. Более того, для представителей обеих групп характерен мультилингвизм; при этом в качестве третьего языка выступает английский (тип полиязычия в данном случае можно охарактеризовать как искусственное, сформированное в рамках

профессиональной деятельности и профессионального общения вне естественной языковой среды). Следовательно, английским языком члены данных языковых микроколлективов владеют на профессиональном уровне (согласно градации Европейского языкового портфеля, это уровень не ниже B2-C1).

Как показал анализ, преобладающей функцией переключения языкового кода в данном случае является референциальная: как уже говорилось выше, общение в чате WhatsApp зачастую требует быстрого ответа и немедленной реакции; функция саморефлексии если и осуществляется, то не синхронно с продуцированием высказывания, т.е. не в момент речи. В этом случае би-, полилингв для обозначения того или иного понятия вынужденно включает в свою речь языковую единицу, которая была актуализирована или являлась ответом на соответствующий стимул. Зачастую реакция на стимул происходит именно в виде переключения языкового кода, ср., например, следующую ситуацию общения: в группе идет разговор о посещаемости студентов, а также о постановке оценок для тех, кто не посещал занятия:

K1: Обычно студент жок болса не коюшы едик? 0 ма -1? (Что выставлять отсутствующим студентам? 0 или -1?)

K2: Абсент *емесна?* (очевидно переключение языкового кода с задействованием пары языков казахский/английский) Разве не absent?

K1: ОК, *рахмет* (аналогичная языковая пара, но ОК уже невозможно расценивать как словарную единицу, сопряженную исключительно с английским языком).

K2: (полностью переходит на русский язык) Я не уверена.

Сравните также во многом сходную ситуацию, где отмечено переключение языкового кода не только на уровне лексики, но и на уровне грамматики:

K1: Салеметсиздерме (далее следует имя студентки), деген студентка (имеет место грамматикализация в рамках переключения языкового кода, так как в казахском языке существует заимствованное слово «студент», но не обозначается родовая принадлежность) кимде? Ким эдвайзер? Биринши курс, телефононын бересиз ба?

K2: Кайырлы кун. Казир жиберемин.

K3: (полностью переходит на русский язык) (имя студента 1) и (имя студента 2) Эти студенты вообще существуют?

Тематика коммуникации может быть принципиально иной, но референциальная функция переключения языкового кода также будет преобладающей, ср., например, диалог о продаже телефона:

K1: Продам (фото телефона).

K2: Канша? (Сколько стоит?)

K1: (цена) Состояниеси жаксы.

В рамках избранного нами материала референциальная функция представлена в 54 контекстах, что составляет около 49% всех случаев.

Следующей по частотности можно считать экспрессивную функцию, которая зачастую оказывается неотделимой от функции эмотивной, которую достаточно условно можно назвать поэтической. Ср., например, дискуссию о переводе казахского языка на латиницу:

K1: (Возможное написание имени Индира — I'ndi'ra): Дурьс емеской мынау. Кто предложил тупизм? Зачем эти запятые?

K2: Наши ученые.

K1: Indira болу керек. Идиоты.

Ср. также реакцию на сообщения о возможном длительном солнечном затмении (в данном случае мессенджер выполняет функцию распространения ложной информации, что побуждает коммуникантов выступать с опровержением, которое также может содержать переключение языкового кода):

K1: Все ОК, и ОК болады. Алла бизбен бирге (Все будет хорошо, так как с нами бог).

Переключение языкового кода (в том числе сопровождаемый грамматической контаминацией Я1 и Я2) реализуется и в ситуациях этикетного характера, к числу которых может быть отнесено, в частности, поздравление (с рождением ребенка):

K1: Всем доброго вечера. Сүйінші. Айгерим родила дочку. Поздравляю, Айгеримка. Бауы берік болсын дочаңның!

K2: Уаууууу! (английское в своей основе восклицание междометного характера — *Авт.*) Какие хорошие новости! Кутты болсын! Бауы берік болсын! Денсаулығы мыкты болсын! (Поздравление, пожелания здоровья.) Мисс мира болсын.

K3: (комментарий о том, что молодая мама после рождения ребенка уже присутствует в Whats App, также содержит переключение языкового кода; при этом эмоциональную функцию выполняют как специализированные на ее экспликации высказывания Я1, так и Я2) Мәссаған. Уже как огурчик ватсапта отырысын ә.

В целом, представленность данной функции переключения кодов в цифровой коммуникации на нашем материале составила 36 контекстов, что соответствует 32%.

Значительно уступает по частотности, но тем не менее представлена в нашем материале фатическая, или контактоустанавливающая, функция переключения языкового кода (нами отмечено 11 случаев, т.е. около 10% рассматриваемого материала), ср.:

Люди, ИС (специальность «Информационные системы» — *Авт.*) кай факультетке жатады?

С большой долей условности можно выявить металингвистическую функцию (если соотнести с ней не только комментарии об использовании тех или иных языковых феноменов, но и этикетные формулы приветствия/прощания, а также позиционирование себя как носителя определенного языка либо идентификацию владения тем или иным языком); данная функция переключения языкового кода реализуется в 8 случаях, что составляет около 7%, ср.:

K1: Уважаемые коллеги! Добрый день! Всем большое человеческое спасибо за оперативную и аккуратную работу по выставлению рубежного контроля! Пока все! Have a great weekend!

K2: У нас уже опыт есть по выставлению рубежного контроля аккуратно и быстро. Спасибо большое. Үлкен рахмет.

Оставшиеся несколько случаев (4% всего материала) можно соотнести с директивной функцией; однако нами практически не выявлено отторжения какого-либо участника (в нашем случае — не владеющего казахским/английским языком) и «выключенности» из акта коммуникации. На наш взгляд, отсутствие данной функции переключения языкового кода может расцениваться как свидетельство толерантности языкового коллектива.

3. Заключение

Цифровая коммуникация посредством мессенджеров в настоящее время представляет собой практически не исследованную область; тем более актуальным является изучение процессов, связанных с переключением языкового кода, и их отражением в цифровой коммуникации. Как уже говорилось, в нашем материале имеет место превалирование референциальной функции переключения языкового кода; на наш взгляд, это предопределяется спецификой коммуникации в WhatsApp, которая предполагает: а) быструю, практически мгновенную спонтанную реакцию на тот или иной коммуникативный стимул; б) минимум рефлексии относительно формы выражения; в) приближенность письменной коммуникации к устной, разговорной речи.

Наблюдения за процессами переключения языкового кода в процессе коммуникации в формате цифрового мессенджера дают возможность проследить, каково отношение к использованию того или иного языка в поликультурной мультилингвальной среде, а также позволяют выявить круг функций, выполняемых определенным языком в условиях полиязычия.

Список литературы

1. Кушакова Н.О. Специфические жанры sms-дискурса // Коммуникативные исследования. 2016. № 1. С. 60—72.
2. Heredia R., Altarriba J. Bilingual Language Mixing: Why Do Bilinguals Code-Switch? // Current Directions in Psychological Science. 2001. Issue 5. Vol. 10. Pp. 164—168.
3. Blom J.P., Gumperz J.J. Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1972.
4. Gumperz J. Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
5. Milroy L., Muysken P. One speaker, two languages: cross-disciplinary perspectives on codeswitching. New York, 1995.
6. Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. London, Baltimore, MD: Edward Arnold, 1987.
7. Головки Е.В. Медновских алеутов язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 117—125.
8. Головки Е.В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности // Санкт-Петербургский научный центр РАН. Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. 2001. № 1. С. 3—10.
9. Уланович О.И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 1. С. 44—52.

References

1. Kushakova, N.O. 2016. “Spetsificheskie zhanry sms-diskursa”. *Kommunikativnye issledovaniya* 1: 60–72. Print. (In Russ.)
2. Heredia, R., and J. Altarriba. 2001. “Bilingual Language Mixing: Why Do Bilinguals Code-Switch?” *Current Directions in Psychological Science* 5 (10): 164–168.
3. Blom, J.P., and J.J. Gumperz. 1972. *Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc. Print.
4. Gumperz, J. 1982. *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Milroy, L., and P. Muysken. 1995. *One speaker, two languages: cross-disciplinary perspectives on codeswitching*. New York. Print.
6. Appel, R., and P. Muysken. 1987. *Language contact and bilingualism*. London, Baltimore, MD: Edward Arnold. Print.
7. Golovko, E.V. 1997. “Mednovskikh aleutov yazyk”. In *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki*. Moskva: Indrik. S. 117–125. Print. (In Russ.)
8. Golovko, E.V. 2001. “Yazykovye izmeneniya i konstruirovaniye gruppovoi identichnosti”. *Sankt-Peterburgskii nauchnyi tsentr RAN. Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Filologicheskie nauki* 1: 3–10. Print. (In Russ.)
9. Ulanovich, O.I. 2010. “Yazykovoe soznanie: osobennosti struktury v usloviyakh dvuyazychiya”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* 1: 44–52. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Мирзоева Лейла Юрьевна — доктор филологических наук, ассоц. профессор, профессор университета им. Сулеймана Демиреля. E-mail: leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz

Сюрмен Оксана Валерьевна — магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры филологии университета им. Сулеймана Демиреля. E-mail: oxana.syurmen@sdu.edu.kz

Bio Note:

Leila Yu. Mirzoyeva is a Doctor in Philology, professor of Suleyman Demirel University. E-mail: leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz

Oxana V. Syurmen is MA in Education, senior lecturer of Philology Department of Suleyman Demirel University. E-mail: oxana.syurmen@sdu.edu.kz

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-176-195

Research Article

What “the Semantic Sieve” Determines in the Process of Translation

Albert Antwi Boasiako

Department of Modern Languages, University of Ghana
P O Box LG 207, Legon

“Semantics is meaning communicated through language” (Saeed I.J.). Semantics is the study of relationship between words and their meanings; it is directly linked with the conceptual meaning of words, and the associative meaning. Semantic sieve as a concept is an innovative phenomenon. This linguistic phenomenon is a process whereby a word is dispersed through a semantic tunnel which in some cases produces different meaning. This is explained through different models. The ‘semantic sieve’ is related to translation, where the deep structure of words differs from the surface structure. There are some concepts and words in Akan and English that are absent in Russian, others are known in Akan but virtually absent in the English language.

Key words: semantics, sieve, equivalence, translation

Article history:

Received: 11.02.2020

Accepted: 14.03.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Boasiako, A.A. 2020. “What “the Semantic Sieve” Determines in the Process of Translation”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 176–195. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-176-195

© Albert Antwi Boasiako, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Роль «семантического решета» в процессе перевода

Альберт Антви Босиако

Кафедра современных языков Университета Ганы
Р О Почтовый ящик LG 207, Легон

«Семантика — это значение, переданное через язык» (Saeed I.J.). Семантика — изучение отношений между словами и их значениями; оно напрямую связано с концептуальным значением слов и ассоциативным значением. «Семантическое решето» как понятие — инновационное явление. Этот лингвистический феномен представляет собой процесс, посредством которого слово рассеивается по семантическому туннелю, который в различных случаях продуцирует разное значение. Это возможно продемонстрировать на примере разных моделей. «Семантическое решето» связано с переводом, где глубокая структура слов отличается от структуры поверхностной. Есть некоторые понятия и слова в аканском и английском языках, которые отсутствуют в русском; другие известны в аканском языке, но практически отсутствуют в английском.

Ключевые слова: семантика, сито, эквивалентность, перевод

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11.02.2020

Дата принятия к печати: 14.03.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Босиако А.А. Роль «семантического решета» в процессе перевода // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 176–195. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-176-195

1. Introduction

Semantic Sieve as a Concept

The study is about semantic sieve in the translation process even though semantic sieve has been mentioned in the work of Julian Szymanski, Henryk Krawczyk, and Marcin Deptula. The article is about an algorithm called semantic sieve which is applied for refining search results in texts documents. Semantic sieve is also mentioned in the works of Ying Liu, Dengsheng Zhang and Guojun Lu entitled “SIEVE- Search Images Effectively through Visual Elimination”. In their approach, text-based image search results for a given query are obtained first. Then the Sieve is used to filter out those images which are semantically irrelevant to the query. This aspect of the semantic sieve deals with information technology spearheaded by Monarch University Technology (www.infotech.monash.edu).

The Semantic Sieve in these two documents has been mentioned purposely to alert readers of the fact that this study is not mentioning Semantic Sieve for the first time. It is important to know that the Semantic Sieve in the Translation Process which this paper concerns itself with has no relation with the two instances where Semantic Sieve has been mentioned. The author sees it as a mere coincidence.

Methodology

The method used is quantitative and qualitative. Translation theory was employed, specifically Roman Jakobson's theory of equivalence and Nida's dynamic equivalence.

The Purpose of Study

The study concerns itself with the relationship between translation and semantics. The aim of the study first is to confirm the semantic meaning of lexical items in the context of the conceptual meaning and then compare it to the translated text and see whether there is a matching or a mismatching. It is to establish the concept 'Semantic Sieve' and unfold how it operates in the translation process.

Semantics is the study of words and their meanings. Semantics which is an aspect of a branch of linguistic is the study of meaning of linguistics expressions (1. Richmond H. Thomason. <http://www.cecs.umich.edu/~rthomuso/documents/general/what-is-semantics.html>). Semantics has a direct relation with the dictionary. The dictionary suggests a number of meanings of a particular word. This gives an insight into the semantics of a particular word. In a nutshell it is the study of relationships.

It is important to note that before one constructs a sentence that needs to be explained in the course of teaching a language, there is the need to concentrate on the semantic meaning of the specified words, more especially on its syntagmatic relation.

According to Thomason, in assigning meanings to sentences, one need to know the substance of the sentence. Syntax as an aspect of linguistics is to provide rules that show how these sentences and other expressions are built up out of smaller parts, and eventually out of words. The syntactic make up of a sentence is equally important as the words it contains.

For instance, these modal words in Russian, *должен* (*doldzen*), *нельзя* (*nelzya*), *невозможно* (*nevoz modzna*), means or explains compulsion, or obligation, prohibition and impossibility. They can be expressed at the level of phrases or sentences “*Ты должен йдти*” (*Ti doldzen idti*) — You have to go, you must go.

Нельзя говорить (*Nelzya gavarit*) — Speaking or talking is not allowed here, or here speaking is prohibited.

Невозможно читать (*Nelvozmodzna chitat*) — It is not possible to read.

Semantically there is no difference, between the Russian “*нельзя*”, “*невозможно*” and “*должен*” and the English. “It is not done, ‘don’t do that’, then ‘невозможно’ and the English” it is not possible, “*должен*”, and the English, must.

The intention of the speaker is realized through the sentence, these words in isolation cannot mean anything. So while dealing with semantics the syntagmatic and the paradigmatic relations of words are crucial to understanding fully the noun. In Akan, we

also have the same modal words, “esese” meaning ‘have to’, but just a letter is added to “esese” to change the meaning to the opposite side “ensese” you don’t have to, the two words have acted confrontationally. In Russian the contrast is realized in a sentence and not in the addition of a letter. Russian “Ты не должен” “You don’t have to” is contrasted with Russian “Ты должен”-you have to. This is expressed in a phrase and not a single word, “Нельзя” is expressed in Akan “yenyε no sa”, “enyesa”, “yekyi” “akywadee”. Here the meaning is expressed through two phrases and two words.

Special phrases such as “The secrets of good health” and “God father”, “секреты здоровья” (Sekreti Zdorovia) and “крестный отец” (Krestni Otets) in Russian maps with that of the English language, while translation consists of changing of the form of one language to another without changing the meaning, the exceptional case in this semantic sieve phenomenon is that the English and Russian maps with each other in certain cases while the meaning in Akan in some cases is totally removed from the meaning of the source language (SL). While in translation the meaning of the receptor’s language does not change but rather the form, there are exceptional cases in Akan as this paper will unfold in the subsequent pages. This contradicts Larson’s position which states that any translation that changes the form and meaning of both the semantic and surface structure deviates from the standard norms of translation [1].

What is Translation

Translation is defined as changing from one form or state to another. Translation is the change of form. In the linguistics sense, form of a language is referred to words, phrases, clauses and sentences. Translation is basically the transfer of meaning of the source language into the receptor language. The meaning is transferred from the source language or the first language to the receptor language also referred to as the second language. The form of the source language is replaced by the form of receptor language after the translation process [1].

Definition of translation represents the perspective and attitude to translation theory, which is the basis and starting point of relative translation studies, so deep understanding to definition will deepen the recognition to the theory. According to Nida and Taber in *The Theory and Practice of Translation*, “Translating consists in reproducing in the receptor language the closest natural equivalent of the source-language message, first in terms of meaning and secondly in terms of style” [2]. There are Chinese translations from Tan Zaixi, Li Tianxin and Ma Huijuan, and Ma thinks equivalence is the closest possible approximation”. Whatever the translation is, the original definition is the same, so the discussion seems a little confusing and useless. In fact the problem is the two words “closest” and “equivalent”, which lead to absolutization and indeterminacy of meaning from perspective of philosophy.

Translation is a process and a product. According to Catford [3], translation is the replacement of textual material in one language (SL) by equivalent textual material in another language (TL) [3. P. 20]. This definition shows that translation is a process in the sense that is an activity. Performed by people through time, when expressions are translated in to simpler ones in the same language (Rewording and para-phrasing). It can be done also from one language into another different language. Translation is, on the other hand,

a product since it provides us with other different cultures, to ancient societies and civilization life when the translated texts reaches us [4].

According to Brislin [5. P. 1] translation is a general term referring to the transfer of thoughts and ideas from one language to another, whether the language is in written or oral form, whether the languages have established orthographies or not; or whether one or both languages is based on signs, as with signs of the deaf.

Another expert, Wilss [6. P. 3], states that translation is a transfer process which aims at the transformation of a written source language text (SLT) into an optimally equivalent target language text (TLT), and which requires the syntactic, the semantic, and the pragmatic understanding and analytical processing of the source text. Syntactic understanding is related to style and meaning. Understanding of semantics is meaning related activity. Finally, pragmatic understanding is related to the message or implication of a sentence. This definition does not states what is transferred. Rather, it states the requirement of the process.

2. Discussion

What the Semantic Sieve Determines

What is a Sieve?

A sieve according to the Cambridge International Dictionary of English is to put something through a tool counting of wood, plastic or metal frame with a wire or plastic net fixed to it. You use it either to separate solids from liquid or you rub larger solids.

A semantic sieve based on the conceptual meaning of sieve will mean how semantics is determined through the context. The sieve will be fixing the same word into different meanings.

Semantic Sieve

In one language the same word could be given a different meaning. Some of these meanings could be detected through the context.

Thief is somebody who steals. It is not a good linguistic expression.

1) *You are a thief*; you stole the teachers note book.

2) I will pay you a surprise visit like a *thief in the night*.

An analogy is being made between a real thief and a metaphorical thief

1) Who asked you to be *the watchman* over this girl? Are you interested in her or you are just watching over her for somebody.

2) *The watchman* raped the student while she was coming from the Balme Library.

In the first sentence, the action is about a real thief, but in the second sentence an analogy is made. The second sentence or the action is being referred to a *watchman* who indeed raped a student in a university campus. The clear picture is unveiled, a noun, the name of a person who provides some decency or who watches over something to ensure that those objects are preserved. In the first sentence the *watchman* is being referred to as a person acting like a watchman. His action does not depart entirely from the conceptual meaning of a watchman.

This confirms the position of Yule that in semantics there is always an attempt to focus on what the words conventionally mean, rather than on what a speaker might want the words to mean on a particular occasion.

In these two cases, we are concerned with the conceptual meaning and the associated meaning to determine the behaviour of the determinant instrument. The determinant instrument determines the meaning of the target language at the next stage of the sieving process.

For example in Russian language

1) Ты ее охранник;

Are you her security?

Охранник (Ohrannik) in Russian which emanates from the infinitive охранить means to watch over, to protect. Ты ее Охранник implies are you her security, meaning again that your attitude calls for suspicion, are you in love with her?

2) “Охранник убил вора” (Ohrannik ubil Vora).

The *security man* killed the thief.

Here the security man is referring to the first semantic meaning of the word security. There is an analogy between a security man (Охранник) and a thief (Vор)

The determinant instrument brings out two meanings, the conceptual and associative.

1) “Я тебя убью” — I will kill you

“Ты меня убил” — You have killed me

“Ты меня убил, сказав, что я самая красивая девушка в мире” — You have killed me by saying that I am the most beautiful girl in the world.

In Akan the same analogy could be applied

1) Mato ntoma ama wo maame

Meaning, (I have bought a cloth for your mother)

And your mother responds

“Kwame waku me”, (You have killed me)

It doesn't mean that Kwame really killed the mother, but he has given a present so precious to her. But if it is said in one of the Twi statements in Ghana that ‘*Abrantee bi akum otaame wo wuram*’, a gentleman *has killed* the mother in the bush. The news becomes national, amplified and frightening. This refers to a real killing and for that matter the first semantic meaning or the conceptual meaning is applied.

2) Oman Panin Abenfo mu Akunin Atta Mills aye Dr. Abrompa Mensah a oye okyerekyerefo wo Legon suapon no mu no nanan musi ni a owo Engrisi aburokyire.

3) Professor Atta Mills has appointed Dr Abrompa Mensah, a lecturer at the University of Ghana as Ghana's High Commissioner to Great Britain.

4) Профессор Жон Еванс Атта Мильс назначил доктора Авромпа Менса полномочным Послом Ганы в Великобритании (Russian).

5) Ei ennea waku no

The news of his appointment as the Ghana High Commissioner to Britain will contradict the phrase ‘*waku no*’ in a logical sense. The perception is that somebody has been uplifted. The sound of ‘*waku no*’ in this sentence or in the news brings out a perception that something good (news) happened. In all the cases, the components of the sentences will assist the reader who understands Akan to determine whether it is a conceptual meaning or an associated meaning.

The instrument of determinant (b) will assist us to differentiate between meanings, the features of the sentences will signal the direction of the sieving results.

The Semantic Sieve Correlating with Translation

According to Larson, “Another way of looking at form and meaning is to think of them as surface structure and deep structure”, he continues to state that “An analysis of the surface structure does not tell all that we need to know about the language in order to translate” [1. P. 29].

The ‘semantic sieve’ is not a visible instrument; it is perceived that before a translation is accomplished there are unseen processes that occur between the source language (SL) (TT) and the translated text.

There are lexical, grammatical, cultural processes that occur before the work of the sieve will be visible. Languages have got their own structures and semantically they have their special places in the communicative and written spheres. The idea of intranslatability comes in only when the issue is about equivalence and non-equivalence. In non-equivalence the semantic sieve cannot change the form through translation, aside this, semantic structure is universal, even where there is non-equivalence, there could be parallelism. Kremlin in Moscow, White House in the United States and Jubilee House in Ghana are examples of Presidential residents.

Concepts in languages are identical but there are instances where translation changes the meaning entirely, departing from the conceptual meaning. There are instances where the relationships are the same, once they have meaning components which are categorized into things, events, attitude, relations (Mildred 1998).

The semantic sieve basically deals with words that have to do with events, attributes and relations.

E.g. Стул — chair
Stool land (English)
Nkonya Asaase (Akan)

This concept does not exist in Russian, but “chair” which is translated “Стул” (Stul) in Russian exists. To attempt to translate it to Russian, one will not produce any meaningful phrase.

A chief dies and in Akan it is translated “Akonya no ato” which literally means the chair is dead. If it is to be translated semantically and literally to a non-Akan speaker, being it English or a Russian. A ‘chair’ is a thing, but when “akonya no ato” has been translated into Akan, it takes a different meaning.

Nkonya yere — The chair’s wife

A wife who is traditionally attached to a monarchy or a palace is referred to as ‘Nkonya yere’. The occupant of the stool until his death marries from that particular family; this marriage covenant between the two lineages is a relation. This relation emanates from a concrete object, *chair* or *stool* which is also a concrete object to what is less concrete and just a relation.

Russia does not practice this system, therefore contemporary Russia may have to refer to history, Russia had a monarchy, the Tzars, so this concept will not be seen as totally removed from their lexicon in any case.

Mildred opines that “meaning is structured and that it is “not an inaccessible mass. It can be analyzed and represented in ways that are unique to the translator”.

According to N. Chomsky “Linguistics cannot be expected to specify any reasonable procedure for translating between languages because “an encyclopedia of extra linguistic information would be demanded” (<http://www.beaugrande.com/translationsemanticslitan>).

‘The semantic sieve’ therefore will be concerned with one-to-one meaning or in the dictionary, it will concern itself with the contextual environment of the word or phrase. ‘The semantic sieve’ will be diagrammatically represented to explain the process of sieving in translation with special reference to semantics.

Examples derived from Russian Phrase “Sekret Zdorovia”

Here there is going to be an expatiation of the semantic sieve through translation. Examples in Russian transcribed.

1. Секрет здоровья (Sekret Zdorovia) — Это постоянное увлечение спортом.
2. Секрет здоровья (Sekret Zdorovia) — Регулярное употребление витаминов.
3. Секрет здоровья Российской экономики — это пересмотр программы 500 дней.
4. Секрет здоровья межпарламентских отношений СНГ — это обмен информацией.
5. Секрет здоровья российского образования — это повышение качества учебников.
6. Секрет здоровья российско-украинских отношений — это разрешение проблемы Черноморского флота.

English Translation

1. The secret of good health is a continuous engagement and interest in sports.
2. The secret of good health is the continuous use of vitamins with higher components.
3. The secret of a healthy Russian economy is the reconsideration or re-analyzing or reappraisal of the programme “five hundred days (500 days).
4. The secret of a healthy relationship between the parliaments in the Commonwealth of Independent States, (C.I.S.) lies in the exchange of information.
5. The secret of a healthy Russian education lies in the improvement of the quality of the text books used in schools.
6. The secret of a healthy relation between the Russians and the Ukrainians is the settlement of the conflict around the black sea fleet in Krim.

Akan Translation

1. Ahintansem a ewo apomuoden mune se wobekoso atenefuo wo mpo mu.
2. Ahintasem a ebema Russiafoo asikasem a tu mpon (ate apo) no ne se wobehwehwe asikasem nkosuo nhyehyee a wato ne din nna ahanum.
3. Ahintansem a ewo apomuoden mune se wobe ko so anom nnuro a ebema wahooden agyina bere nyinaa mu, (saa nnurro yi bema wo ahooden a wobanya afari nuane ne nuaba ahodoo mu).
4. Ahintasem a ebema mmrahye bedwafoo a ewo aman aman a kanee na won nyinaa wohye Rossiafoo ase na see sei wannya won faahodie no ne se wobedi nkitaho na obiara ate ne yonko asem.

5. Ahintasem a ebe ma Rossia adesua atu mpon no ne se wobema nhoma a wode sua adee no adi mu awie pe ye.

6. Ahintasem a ebema Rossiafuo ne Ukrainifoo ayonkofa no adi mu na awie pe ye no ne se wobesie sie ntatwa ntawa a abeto wo mo ntam. Esa ne nsem nsem bi a efa ahyen a ewo opo tuntum ho wo krim no.

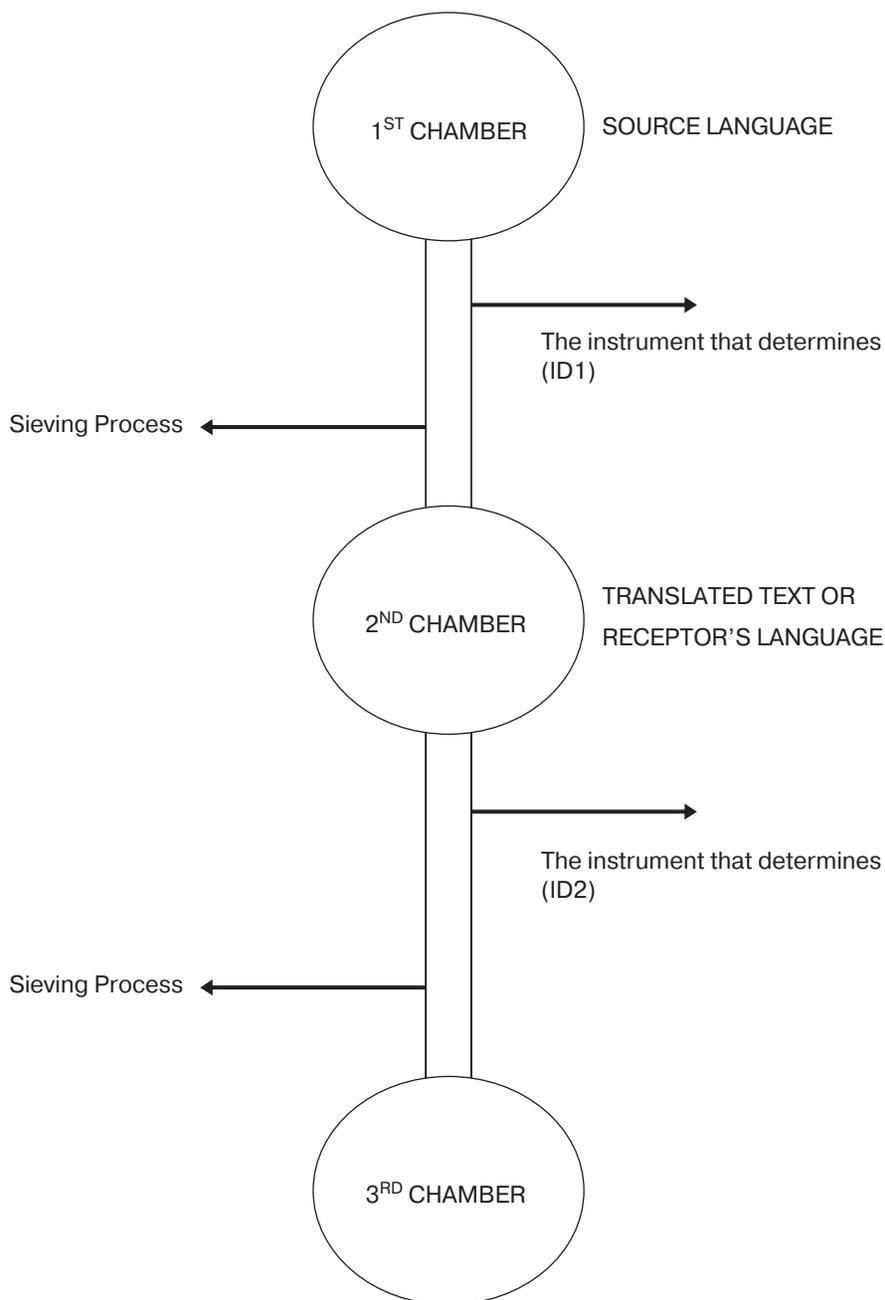

Fig. The Semantic sieve and How It acts in the Three Languages in Translation

The first chamber is the Russian language (SL). The second chamber is the English Language (RL) and the third chamber is the Akan language (RL). Translation starts with Russian in the first chamber. The sieving process is the process of translation, where all the words pass through the sieve to be silted. The instrument that determines the next colour of the language is the determining or determinant instrument.

This instrument determines the end product after the sieving. In this diagram, we have classified the groups into three categories, where the translation process starts from Russian then to English then to Akan. It is our own classification and that the sieving process could start from Russian to Akan and then to English. This is to suit the taste of the majority of Akan speakers. The English language is the official language in Ghana where Akan is spoken.

If the second sieving should take place in the second chamber then there will be the need for another instrument of determinant in the second chamber which is the English language. Linguistically Russian and English are closer to each other and that once English is the language used in the official circles in Ghana, it is appropriate that we translate to Akan from chamber two. If the language analysis is being operated strictly within the cultural perspective, then Akan could be in the second chamber. Though culture plays a role in this translation process, it is however not our focus.

In chamber A, in the first and the second examples the word “Zdorovia” or health has been used in the first semantic sense in the English language, Russian and Akan. It was possible to use “Секреты здоровья” or “The secret of good health” in the first and second examples in the English language but couldn’t be used in the other four examples. The two examples in Akan match that of the English and Russian in the semantic sense but not in the structural sense. In translation the English and Russian seems to have lexical and semantic identity.

This has a direct relation with field theory which is essentially concerned with paradigmatic relations. Health and Sports, Health and food, Health and vitamins, Zdorovia and sports, Zdorovia and vitamin in Russian are all medical or health terminology and therefore in the semantic field the paradigmatic and the syntagmatic relations could be easily established [7].

In the lexico-semantic plan it will be inappropriate to use the secret of good health or *Sekrety Zdorovia* in the other cases. In translation it is observed that meaning and equivalence have been established in the first and second examples before the semantic sieve was divided into two zones or two chambers. This involves two equivalent messages in two different codes [8].

The translation process can be divided again into two zones within the framework of translation. The source language(s) which is the Russian is termed as the first zone, the English language is the second zone and Akan is the third zone. This differs from the first diagram which also mentions first and second chambers. In the first two examples,

- 1) Секрет здоровья — увлечение спортом.
- 2) The secret of good health is a continuous engagement in sports.

The semantic structures of the two languages are almost the same. The universality of semantic structure makes it easier to translate the source language to the other language. Even though generally semantic structures are universal than grammatical structures,

here the appearance of international lexis like, secret, sports, put into phrases like “The secret of good health” *Sekriti zdoorovia* comparatively matches well with one another.

In the other four examples the word ‘health’ changes to “a healthy” to suit the grammatical conditions of the English language.

In the second chamber which is the English language, the semantic structures are still identical with the Russian, especially with examples 2 and three.

The task of the semantic sieve is made easier. In the third chamber which is the Akan language, the task of the (SS) semantic sieve becomes more difficult.

In examples 3, 4, 5 and 6 words like “Rossiafoo” (Russians), “Ukrainefoo” (Ukrainians), Krim are the only universal words used, they are without equivalents, they cannot be translated.

The translated text in Akan is more detailed because of the linguistic distance between Russian and Akan, between English and Akan. The diagram shows that the linguistic distance between English and Akan is quite closer. The meaning of the sentences in Russian and English have been restructured, and have been analyzed and represented in ways that are convenient to the Akan speaker. The semantic units in the two foreign languages are represented in various ways in Akan.

The translation is from English to Akan though the original source language is Russian, the table depicts that the English language is the second chamber. In Akan the first and second examples also reflects on the first conceptual meaning. Jacobson opines that concepts may be transferred by rewording without, however attaining full equivalence. His position is linked with the theory that deals with lexical and grammatical differences between languages [8].

In Russian and in English, the phrase *Sekrety Zdoorovia* and the secret of a good health have been used metaphorally in the other four examples (2, 3, 4, and 6). In Akan “Ahintasem a ebe ma mmrahye bedwafoo...” There is a semantic agreement in word order, from Russian and the English variant. There is some level of structure consonance between Russian and English, almost a syntagmatic or textual equivalent.

In Akan all the four sentences starts with ahintasem but the process that goes on in the transfer of lexical grammatical units in Akan is more detailed and involving. This confirms the position of Susan Bassnett that “translation involves more than replacement of lexical and grammatical items between languages, the process may involve discarding the basic linguistics elements of the SL text so as to achieve Popovic goal of expressive identity between SL and TL text” [9. P. 24].

The form of composition in the SL changes to different form of TL or the Receptor’s language.

Because of the development of the mass media in Ghana with Akan being the dominant language after the English language, Ghanaians are very closer to these interpretations. The political culture in Russia does not differ widely from the political culture in Ghana.

Translating S.N.G to C.I.S is easier; the two abbreviations when expanded are semantically and linguistically equivalent, but it will need a long explanation in Akan. Highly educated persons in Akan are closer to this concept where the uneducated or semi-educated will need the detailed explanation. Within the frame work of translation, there is no other way than to say “aman aman a na kanee wo ne Rossiafoo nyinaa aka abo mu aye oman baako no a seesei won nyinaa anya won faa wo ho die”. The two foreign

languages, Russian and English must come to terms with Akan for a common linguistic goal, the end product being clarity of expression in English and then Akan.

The difference between the source language and the language of the receptor becomes the bone of contention in translation theory making total equivalence virtually impossible. Grammatical and semantic structures in Russian, English and Akan are widely different especially between Akan and Russian and between Akan and English.

The Second Illustration of How the Semantic Sieve Operates

This part of the paper focuses on how certain words and phrases have been translated from Russian to English and Akan. Specifically the section deals with how different groups of words have been used in different spheres. In this last instance, scholars have paid particular attention to the differences between languages, particularly on the universality of lexis. In any case, this paper examines the universality and the limitations of certain words in different spheres.

There are fundamental features found in every language. Semantic structures in one language differ from the other grammatical designs as well. It has been mentioned by Charles F. Hockett that within the frame work of language design, semantic system falls under the peripheral system [10]. To the translator, the central issue is semantics. In our daily communications we observe the swimming of one word to the territory of another language, we also observe the transfer of a word to another conversation terrain with quite different meaning or completely different meaning with a different style of presentation.

V.G. Kostomarov, an academic, a renowned linguist, President of the Pushkin State Institute of Languages, and a specialist in the Russian language says that in characterizing our daily conversation practices, it is observed that one word swims to the territory of another language; we also observe the transfer of a word to another conversation terrain with quite different meaning, words that are doubtful in that particular context, words that are freely used, detached from its original meaning. It is observed that barriers are taken away.

In most cases speakers use words that suits their taste, sometimes they use words that could be in any language situation. Sometimes there is coincidence of meaning, sometimes there is some comparison in the other language (Kostomarov V.G. 1994).

The Impact of the Semantic Sieve on Translation

An example

1. God the Father — (English).

“Наш небесный отец” (Russia).

Шеварнадзе Э.А. встретился с государственным секретарем США Д. Шульцем, который сопровождает прибывшего с официальным визитом в СССР президента Р. Рейгана. В ходе переговоров некоторые политические обозреватели считали, что Шеварнадзе Э.А. — это крестный отец международной политики.

(Shervenadze E.A. met with the U.S Secretary of State D. Schuldt, accompanied the president of United State of America Ronald Reagan, who was on a state visit to USSR. During the discussions, some political commentators were of the opinion that, E.A. Shervenadze is the godfather of international politics.)

A. Academic Primakov has been described as the Godfather of Oriental Studies.

B. If Russia wants to succeed in her market reforms then they should talk to the *God fathers* of the world economy in Canada next week (G.8). Middle.

C. If you want to establish an industry then go and talk to the *God fathers* at the Ministry of Trade and Industry.

God the Father, God father belongs to a particular lexico-semantic group that is it belongs to a group of words that have religious connotation: our Father in heaven, Father in the Catholic Church, Father in the Russian Orthodox Church. It should be noted that *God the Father* is used exclusively for the only one God “the creator”. If God father or God fathers is used in the political context, definitely they have a different semantic meaning, in the sphere of stylistic they differ with “God the Father” as a religious phrase “God father” is also used in different communicative spheres: sports, economics, medicine etc. etc.

1. Pele is the God father of Modern Football.

2. The late Feodrov an ex-Presidential candidate in Russia was the *God father* in the treatment of eye disease in the Russian Federation.

In the series of sentences we observe the different semantic potentials of the word “God father. The article, ‘the’ distinguishes “God the father” as the only God from the other gods related to traditional religion, occultism, and Spiritism. In any case small letters are used to denote the small god ends, they are normally written “gods” or “god” (“The god of water” for example. The word has the potential of acquiring the usual meaning and it has the potential of acquiring occasional meaning [11].

There is some semantic resemblance that is an object of worship. In this direction the word ‘God’ and ‘god’ relates to one another in terms of the notion of entailment and contradiction. The contradiction comes with the use of small letters for “gods” and the use of capital letters for the only one creator. But there is an entailment, which is worship, an object and a subject [12. P. 103].

Linguistically this is universally accepted that small letters relate to small gods and the capital letter is related to the creator. In Akan “God the father” is translated — Yen Agya a owo soro. It coincides with the Russian “Отец небесный” which is directly translated “Our Father in heaven”. In all the three languages the only creator is distinguished from the other gods. The following examples will expatiate the concept “God Father” in relation to Akan.

1. Osuafo a ohwe amanone nsem so Owura Shervenadze wagye no atom se *wakwadri mu wo aman aman amanyosem mu*. In the place of the underlined we can use *se akukudanfoo no mu baako wo wiase aman amanman amanyo sem mu*.

2. Se Rossiafoo pe se wodi yie wo won adwadie ne won asikasem mu a gye se wo ne ewiase *aman man a wowo sika no kasa* yie wo Kanada. It could also be expressed “as ewiase aman aman adefoo no. It can also be expressed as ewiase *aman akukudam foo a owo sika no*.

3. Se wope se wobebue adwuma bi wo oman yi mu a gye se wo ne *akukudamfoo* a owo asoe a ehwe dwadie so no di nkitahoo.

‘Крестный отец’ is a direct equivalent to ‘God father’ in English. In the lexico-semantic plan they coincide.

Translation to Akan could not produce any phrase; sentences have rather been produced in examples one and two. In example 3 *akukudamfo* is a word and could not match the two forms in Russian and English.

It is evident that the concept ‘God father’ or ‘крестный отец’ is absent in the Akan language. In all the cases “God father” has been translated to suit the communicative context of Akan. The alternative form of “God father” in Akan is *wakwadiri* in example I and it is also synonymous to ‘an experienced person’ in English. The important issue in translation is to interpret the concept through related words and expressions in the receptor’s language.

The other way that God father is used is when a child is born. The parents may decide to make some closer friend to the family. “God father” of the child, semantically has no relation with somebody who has been named God father of international politics (Крестный отец). There is semantic disparity between the two. It is therefore in place to admit Mildred’s position that meaning components are packaged differently in one language than the other and that, this characteristic has a direct bearing on the principle of translation.

The concepts are different, the form is the same but the meaning is completely different. So the process has been accomplished using the same word “God father” but it has been translated to a different representation. The meaning cannot be associated to each other. The fact that a form indicates supremacy or authority has been established by naming him “God father” in relation to the child could mean there is some semantic resemblance but there is no class equivalence ([http://en.wikipedia.org \(wiki\) semantic translation](http://en.wikipedia.org/wiki/semantic_translation)).

This concept does not exist in Akan, in Akan a child is named after somebody and that does not necessarily means he or she is the God father. It is not prominent in Russia.

The Differences between the Three Languages

1. The three languages; Russian, English and Akan are separate linguistic entities. They are languages spoken by people with distinct socio-linguistic backgrounds.

2. Though there could be a slight difference between the source language text (SL) and the translated text (TT), semantic knowledge of the source language text is preserved in both cases.

3. Russian and the English language belong to the Indo-European group of languages and that they have common lexical-semantic identity/features in some cases.

4. There are certain socio-linguistic concepts that are absent in Akan but present in Russian and English. Translation all the same has to transmit a meaning to the receptor in Akan.

5. In certain cases, the first semantic meaning in the source language text differs from the way it is interpreted in certain language context in Akan like *убью*, kill being the first semantic meaning and “waku me” representing something positive in Akan. It means “waku me” represents a different linguistic knowledge in Akan. A different definition must be attached to the word in Akan.

6. It could be established that there is a difference between the semantic meaning of “kill” which cuts across Russian and Akan and the conceptual meaning of ‘waku me’ (He/She has killed me) in Akan. The concept is not based on the universal meaning of

“kill or killing” — [“убью” in Russian] “waku me” representing the first semantic meaning in Akan.

7. Секреты здоровья “The sense of good health, sends semantic and lexical information to the receptor in the English language but not the receptor in Akan.

8. The difference between the three languages is that at the level of translation each of the languages can be represented as the source language text but in this paper, Russian language is represented as the source language text.

9. The translated text in Akan is often lengthy because most of the concepts are absent in Akan and needs more detail in the translation, in other words, certain words have to be explained in a lengthy sentence to bring the meaning to the receptor in Akan.

QUESTIONNAIRE ON THE “SEMANTIC SIEVE” IN TRANSLATION

1. Are you convinced that there is an unseen process between the source language text and the translated text?

- a) Yes;
- b) No;
- c) There is no need asking such a question;
- d) Find it difficult to answer.

2. We just have to talk about translation and stop talking about any process between source language text and the translated text

- a) Absolutely true;
- b) There is the need to talk about those processes;
- c) Processes are indirect with translation;
- d) Find it difficult to answer.

3. All the processes that occur between the source language and the translated text should be determined by the translator

- a) Absolutely true;
- b) It must be governed by certain translation principles;
- c) Translators don't have such rights;
- d) Find it difficult to answer.

4. Do you support the claim that both the target language and the translated text play a role in the end product of translation?

- a) Only the source language;
- b) Only the target language;
- c) Both the source language and the target language;
- d) None of these.

5. We need to explore new areas in science

- a) We should stick to what has already been carried out by earlier scholars;
- b) Science is stagnant and it does not need changes;
- c) Language has nothing to do with science;
- d) Absolutely true.

6. Translation theory does not permit the development of new ideas and new hypothesis

- a) Absolutely true;
- b) Absolutely false;

- c) New hypothesis are welcome only if they don't depart from the existing ones;
d) Find it difficult to answer.

Based on the diagram on the semantic sieve, answer the following questions by ticking or circling any one of them.

	Strongly disagree	Disagree	Agree	Strongly agree
7. The semantic sieve should be accepted as a new hypothesis in translation studies				
8. The Semantic sieve can only be used for bilingual translation				
9. The semantic sieve cannot impact the translation process				
10. The semantic sieve is just a guess work and has no scientific basis				
11. As a result of the sifting process the receptor language is manufactured.				
12. The semantic sieve is suitable for multi- lingual translation				
13. The semantic sieve has not respect for Chambers				
14. Apart from the source language the two languages can correspond as target languages				
15. The semantic sieve brings out differences between meaning components				
16. The semantic sieve is a good invention but it must be improved through its working mechanism				
17. The semantic sieve is a good representation of the translation process				
18. The sifting process indicates the mental activities of the translator				
19. The semantic sieve enhances the study of comparative linguistic within the framework of translation				
20. The semantic sieve applies to all languages and it enhances cross cultural studies				

	a	b	c	d	N/A
1	43			2	
2	1	41	2	1	
3	16	29			
4	6		39		
5	1	1		34	9
6	2	39	4		
7		5	25	15	
8	5	31	7	2	
9	14	27	3	1	
10	17	27	1		
11		3	33	9	
12	1	1	26	17	
13	19	23	1	2	
14			24	21	
15			23	22	
16			21	24	
17		1	17	25	2
18			29	12	4
19		1	12	30	2
20		1	6	37	1

Analysis of the Quantitative Response

45 Senior Members and Graduate Students actively took part in filling the questionnaire above. Primary analysis of the questionnaires indicates the varied opinions on translation with special reference to the employment of Semantic Sieve in the translation process.

On the whole respondents agreed to an unseen process between the source language text and the translated text. On question 1, 43 respondents are convinced that there is an unseen process between the source language text and the translated text. This underpins the fact that mental activities goes on to determine the equivalence of the source language.

On question number 2, 41 respondents are of the opinion that there is the need to talk about the translation process including the semantic sieve. The 2 respondents who believed there is no need to talk about those processes presumed that once translation as a process is mentioned it implies that the translator or anyone with knowledge in the translation process automatically knows all the translation process.

On question number 3, 29 respondents are of the belief that translation must be guided by certain principles. A considerable number of respondents are of the opinion that all the processes that occur between the source language and the translated text should be determined by the translator.

On question number 4, 39 respondents are of the view that the source language text and the target language play a role in the end product of translation. This group believes that the end product is derived from the source. Under the two points, the source language and the target language gives meaning to translation. 6 respondents are of the opinion that only the source language determines the end product of translation. This group believes that with the presence of the source language, there will definitely be a source language and that the source language produces the target language. It is important to emphasize on the role of the source language but a translated text comprises of the source language text and the target language.

On question number 5, 34 respondents admitted that there is the need to explore new areas in Science, and 9 people did not respond to any of the question.

On question number 6, 39 respondents are of the opinion that translation studies permits the development of new ideas and new hypothesis. 4 respondents are of the opinion that new hypothesis are welcomed only if they don't depart from existing ones. The implication is that new ideas should conform to some extent to the theoretical orientation of translation theory. There is a correlation between B and C.

On question 7, 25 people accepted that the semantic sieve should be accepted as a new hypothesis in translation studies. 15 of the respondents strongly agree to this assertion. It implies that they are very passionate about the semantic sieve been accepted as a new hypothesis in translation studies. 5 people expressed disagreement on the semantic sieve been accepted as a new hypothesis in translation studies.

On question 8, 31 people agreed to the fact that the semantic sieve can only be used for bilingual translation. They are of the opinion that it can also be used for multilingual translation. Most bilinguals are also multilingual and especially in this context where Russian, English and Akan are been used as the lexical items in the translation process.

On question 9, 27 respondents disagree to the fact that the semantic sieve cannot impact the semantic process. Based on the information available to them on the semantic sieve, it can impact the translation process. 14 of the respondents strongly disagree. Much

as that is a smaller group, the intense nature of their disagreement is evident. 3 of the respondents agree to this assertion. They believe in the existing fundamental principles and theories in the translation process

On question 10, 27 respondents are of the opinion that the semantic sieve cannot be guess work and that it has a scientific base.

On question 11, 33 respondents agree to the fact that the receptor language is manufactured as a result of the sifting process. The receptor language is the product of the processes that stems from the source language. 9 respondents are of the same opinion with a strong indication. 3 respondents disagree to this position.

On question number 12, 26 respondents agree to the fact that, the semantic sieve is suitable for multilingual translation even though translation proper deals with 2 languages; the Source language text and the Target language (TL). A third language brings in the multilingual factor for the purposes of the working mechanism of the semantic sieve, multilingual translation is suitable for this translation process. 17 people strongly agree to this position. 1 person expresses a strong disagreement and the other person expresses disagreement.

On question number 13, 23 respondents opted for B and 19 opted for A. this implies that the sieving process can take place between any of the two languages. Akan could be the source language text or English or Russian. There is an interpretation of the content from one chamber to the other. The sieving process, the instrument to determine how the text is translated in the next stage is not restricted to one chamber. The 19 respondents who indicated that they strongly disagree have no room for argument implying that any of the language could be the tagged as the source language text (SL) or the Target language (TL).

On question 14, 24 respondents agree to the fact that one language can be the source language, and any one of the two languages can be the target language (TL). There is a relationship between question 13 and 14.

On question 15, 23 respondents adhere to the opinion that there are differences between meaning components, 22 respondents strongly agree to the questions.

On question number 16, 24 respondents expresses their strong agreements to the fact that the semantic sieve needs an improvement. As a new language phenomenon in translation theory, much work has to be done on it clearer to many who may not grasp the understanding from the first reading of its nature; 21 respondents agree to this assertion by the 24 respondents.

On question number 17, 25 respondents strongly agree to the fact that the semantic sieve is a good representation of the translation process in any bilingual or multilingual translation. Between the source language text (SL) which is in one chamber and the target language which is another chamber, there are unseen natural activities that goes on between the two chambers. The translator is the subject acting to bring a process unto action. This calls for ability to interpret the meaning of the contents in one chamber and be able to translate it into another chamber. 17 respondents agree as well to the facts on this position. There were no responses from 2 people.

On question number 18, 29 respondents agree to the facts that the sifting process indicates the mental activities of the translator. The process of sifting is synonymous to the sieving process. The sifting represents the efforts being made by the translator. This

represents the bilingual or multilingual competence of the translator. The creation of a logical relationship between the source language text (SL) and a translated text (TL). 4 people didn't respond to this question.

On question 19, 30 respondents strongly agree to the fact that semantic sieve enhances the study of comparative linguistics. The study brings various benefits to the students of translation studies. A comparative study within the framework of translation brings out lexical semantic specifics of the three languages and this enhances the study of comparative linguistics. There were no responses from 2 people.

On question 20, 37 respondents agree to the fact that semantic sieve applies to all languages. It means that 2 languages can be compared and at the same time 3 languages can be compared. Translation is a cross cultural activity. The efforts to make sure that meaning components in one chamber are meaningfully transferred to the other chamber implies the semantic sieve enhance cross cultural studies. 6 people expresses the same opinion and there were no responses from 1 person.

3. Conclusion

Semantics deals with the study of words and their meaning. Before one assigns meaning to a sentence one needs to know the substance of the sentence. The semantic sieve unfolds a linguistic philosophy. Although semantics is the central theme of the paper it is equally important to note that the syntactic make up of a sentence is equally important as the words it contains. While attention needs to be showered on the semantic specifications, the paradigmatic and syntagmatic relations of words cannot be divorced from semantics.

The semantic sieve as a process may obscure the results of the sifting process through translation. There could be identical results in two languages but completely different from the other language. In some cases English and Russia will have identical results after the sieving process.

The meaning after translation does not reflect any distortion of facts rather they reflect the linguistic realities of the translated text. In the case of "God Father", and "крестный отец" in Russian, we observe a linguistic parallelism whereas the concept is not popular in Akan, the understanding is existent in the Akan language but the phrase per se is not existent. Translation into Akan will require detailed explanation probably and extra linguistic means to explain the meaning. Translation as a linguistic concept within the frame work of the semantic sieve is not stagnant.

Translation as a linguistic concept implies transferring the meaning of the source language into the receptor language. By way of a semantic structure the form of composition of the source language changes to a different form of composition in the receptor's language.

The meaning should be constant while the form changes. In the case of the semantic sieve concept, the source language could differ from the translated text. In a case where "kill" was used as a positive word in Akan after an upliftment or favor. The word "waku me" indicating that a favor has been done to one is completely at war with words like "избран" (izbran) and "uplifted" or appointed in Russian and English respectively. It can be expressed in a different way in Akan. Oman panin "aye me yie", Waye me papa" but in Akan "waku me" vividly expresses the person's appreciation.

Semantically these words in English and Russian are not consonant to “waku me”, in Akan if translation from the source language to the receptor’s language were to be measured in terms of semantic accuracy or semantic structure then it is a complete opposite, indeed they are semantically incompatible.

The communicative situation of a given phrase or sentence in a given language will have an important bearing on translation. There are instances where the reconstructing of the source language using the lexicon and grammatical structure which are suitable and appropriate in Akan or English yields perfect results. That is, the source language and the receptor language agree, the meaning is preserved in the translated text.

The semantic sieve displays uniformity, example in its results. For example where “Секреты здоровья” is used the translation in English conforms to the Russian text in the sense that while all the sentences in Russian begins with “Sekriti Zdorovia” in the translated that in English also starts with “The secret of good health” in “Ahintasem” also starts with all the sentences. There is cordiality in the paradigmatic relation in all the three languages; there are close paradigmatic and syntagmatic relation between Russian and English.

There is even some closeness with Akan in the Paradigmatic and the syntagmatic sense, except that Russian and English are indo-European languages. The semantic sieve can produce clear results after the sifting process in translation while it can obscure the meaning in the same language, in this perspective the Akan language can be obscured from a semantic point of view in some cases as the paper upholds.

References

1. Larson, M.L. 1998. *Meaning-based Translation: A Guide to Cross-Language. Equivalence*. University Press of America, Inc. Lanhan. New York. Oxford. Print.
2. Nida, E. A., and Ch. Taber. 1982. *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: E.J. Brill. Print.
3. Catford, J. 1995. *A Linguistic Theory of Translation*. London. Oxford University Press. Print.
4. Yowell, A., and Muftan S. L. 1999. *Principles of Translation*. Dar Annahda Alarabiya. Print.
5. Brislin, R.W. 1976. *Translation: Application and Research*. New York: Gardner Press Inc. Print.
6. Wilss, W. 1982. *The Science of Translation*. Stuttgart: Gunter Narr verlag Tubingen. Print.
7. Palmer, F.R. 2004. *Semantics*. Cambridge University Press. Print.
8. Jacobson, R. 1959. “On Linguistic Aspects of Translation” In *Translations Studies Reader*. London: Routledge. Pp. 113–119. Print.
9. Bassnett — McGuire, S. 1980. *Translation Studies*. Methuen, New York. Print.
10. Hockett, Ch. 2006. *Course in Modern Linguistics*. Surject Publications, Delhi, India. (Reprint).
11. Kostomarov, V.G. 1994. *Yazikovoi Vkus Epohy*. Moscow. Print. (In Russ.)
12. Bell, R.T. 1991. *Translation and Translating*. Longman London and New York. Web. <http://en/wikipedia.org/wiki/semantic-translation>

Bio Notes:

Antwi Boasiako Albert is a Doctor of Modern Languages Department of University of Ghana. E-mail: aaboasiako@ug.edu.gh

Сведения об авторе:

Антви Босиако Альберт — доктор филологических наук Департамента современных языков Университета Ганы. E-mail: aaboasiako@ug.edu.gh

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-196-203

Научная статья

Двоязычие или моноязычие? (О некоторых аспектах билингвизма и диглоссии в литературном творчестве)

Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева

Московский государственный областной университет
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А

В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятиями билингвизма и диглоссии в литературном творчестве. Основным объектом исследования является оппозиция: стандартный язык/территориальный диалект, а ведущим критерием разграничения названных понятий — наличие/отсутствие кодифицированной литературной нормы. Также рассматривается степень генетической близости коррелирующих идиомов и языковая политика, проводимая по отношению к ним.

Ключевые слова: билингвизм, диглоссия, авторский, литературный, норма, кодификация, язык, диалект

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.11.2019

Дата принятия к печати: 29.02.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Двоязычие или моноязычие? (О некоторых аспектах билингвизма и диглоссии в литературном творчестве) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 196—203. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-196-203

© Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Bilingualism or Monolingualism? (Some Aspects of the Bilingualism and Dyglossia in Literary Creativity)

Georgy T. Khukhuni, Irina I. Valuitseva

Moscow State Region University
10A, Radio St., Moscow, 105005, Russian Federation

The paper deals with some issues connected with the notions of bilingualism and diglossia in literary creativity. The main object of the investigation is the opposition: standard language / territorial dialect, and the leading criterion of the delimitation between the said phenomena — the existence / absence of the specific codified norm. Some other factors such as the genetic affinity of the idioms and the language policy towards them are also considered.

Key words: bilingualism, diglossia, author's, literary, norm, codification, language, dialect

Article history:

Received: 14.11.2019

Accepted: 29.02.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Khukhuni, G.T., and I.I. Valuitseva. 2020. "Bilingualism or Monolingualism? (Some Aspects of the Bilingualism and Dyglossia in Literary Creativity)". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 196–203. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-196-203

1. Введение

Введенное в конце 50-х годов XX века Ч. Фергюссоном понятие диглоссии [1] получило широкое распространение в науке, прежде всего — как оппозиционное понятию билингвизма. Хотя моносемия считается основным требованием, предъявляемым к научному термину (во всяком случае, в пределах одной терминосистемы), применительно к диглоссии оно не всегда соблюдается. Не останавливаясь на подробном рассмотрении данной проблемы (некоторые наши соображения по этому вопросу были высказаны в [2; 3]), ограничимся только одним примером: оппозиция русского и французского языков в отечественной культуре XVIII—XIX веков одними авторами трактуется как проявление диглоссии [4. С. 136], тогда как другие отрицают правомерность подобной трактовки [5. С. 109–110].

Отчасти подобную неоднозначность можно объяснить тем, что при характеристике диглоссии принимаются во внимание разные признаки: генетическая

близость взаимодействующих идиомов, их функциональное распределение по различным сферам речевого общения, престижность каждого из них, разная оценка по шкале «высокий—низкий» и т.п., которые не всегда удается четко развести, что отчасти признавал и сам Ч. Фергюссон. В большинстве случаев проблема разграничения билингвизма и диглоссии рассматривается применительно к использованию самих явлений в соответствующих языковых коллективах. В предлагаемой статье анализируется аспект, связанный с индивидуальным писательским творчеством.

2. Обсуждение

Прежде всего отметим, что из представленных в специальной литературе проявлений диглоссии в данном случае наиболее актуальным и наиболее распространенным ее видом приходится считать оппозицию: стандартный язык/диалект, которую, Ч. Фергюссон не склонен был в нее включать, ссылаясь на то, что «при диглоссии никакая часть речевой общности не использует регулярно вариант Н (т.е. *high* «высокий» — Г.Х., И.В.) как средство обычного общения» [1. С. 56]. Поскольку нас интересует не *обычное общение*, а *литературное творчество*, постольку критерием здесь может служить иной фактор — область применения соответствующего идиома тем или иным автором. Иными словами, используется ли он исключительно в произведениях, касающихся данной территории и данной этнической группы (т.е. имеет место в произведениях, тематика которых окрашена локальным колоритом), а также в юмористических и пародийных целях, или же его применение не имеет подобных ограничений. Так, украинский элемент весьма обильно представлен в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», где понадобился даже особый словарь соответствующих лексических единиц, приложенный к произведению; есть он и в «Тарасе Бульбе»; но, скажем, в «Петербургских повестях» он полностью отсутствует. Таким образом, в данном случае можно говорить о проявлении диглоссийности, тогда как современник Н.В. Гоголя Тарас Шевченко, написавший по-украински не только, например, «Катерину», но и переложение библейских псалмов Давида, должен рассматриваться как билингвальный автор.

Второй момент, который приходится учитывать — степень близости сосуществующих идиомов. Данный признак не всегда считается необходимым для диглоссии, но применительно к литературному творчеству, думается, он является обязательным. Независимо от того, как расценивали относительную престижность бенгальского по отношению к английскому в Индии начала XX века, тексты, созданные, например, Рабиндранатом Тагором на этих языках, однозначно представляют собой авторский билингвизм, а не диглоссию.

Третий момент связан с тем, что, как неоднократно отмечалось многими исследователями, «в отличие от билингвизма, когда социолингвистическими переменными являются сами языковые коды... в условиях диглоссии, когда грани между разновидностями одного и того же кода оказываются “размытыми”, в качестве социолингвистических переменных часто выступают отдельные элементы языковых систем» [6. С. 130]. А отсюда — поскольку речь идет о художественном

тексте — возникает вопрос: является ли текст диглоссийным, т.е. созданным на отличной от стандартного языковой форме, представляющей собой отдельный идиом, или же перед нами произведение, написанное на литературном языке с некоторым включением — в целях создания местного колорита, речевой характеристики персонажей и т.п. — элементов, находящихся за его пределами? Ими могут быть как территориальные диалекты, так и различные социальные разновидности языка — профессиональная речь, жаргоны, аргы и т.п.

Данная проблема имеет не только теоретическое значение. В частности, она возникает при межязыковой передаче соответствующего текста. Поскольку языком перевода практически всегда является его стандартная разновидность, возникает вопрос о том, каким образом диглоссийность может на нем отразиться и есть ли в этом необходимость. Процитируем в этой связи монографию С. Влахова и С. Флорина: «Если все произведение (включая авторский текст) написано с определенным отклонением от литературной нормы — на диалекте, наречии, аргы — мы его рассматриваем как созданное на определенном языке: переводим, допустим, с “ланкаширского языка”... на русский. Такой подход позволяет пользоваться при переводе средствами обычного литературного языка... лишь расставляя здесь и там “сигналы”, указывающие на своеобразие языка подлинника» [7. С. 322].

Хотя в собственно лингвистическом плане такая позиция представляется вполне обоснованной (основное коммуникативное средство, используемое в оригинале, передается также основным коммуникативным средством языка перевода), в плане социолингвистическом не учитывается отношение и самого автора, и аудитории, для которой текст предназначен, к *выбору* подобного идиома в качестве орудия литературного творчества. Если традиционно таковым обычно признается стандартная форма (остальные рассматриваются как выделяемые на ее фоне стилистические средства), то нарушение этого правила будет рассматриваться либо как стремление к нарочитому эпатажу (в случае с жаргонами или аргы), либо как попытка поднять статус данного идиома до литературного. Так часто обстоит дело с территориальными разновидностями. В качестве примера упомянем термин *Kulturdialekt*, применяемый, в частности, к идиому, распространенному на территории Швейцарии. Его использование, причем не только в бытовой сфере, имеет давнюю традицию (см., в частности [8]). Различие, хорошо понятное первичной аудитории, при реализации принципа «переводить с ланкаширского языка на русский» вряд ли доступно носителю другой лингвокультуры без соответствующих объяснений и комментариев.

Четвертый момент тесно связан с тем, представляют ли собой коррелирующие идиомы самостоятельные языки или разновидности одного языка, т.е. имеем ли мы дело, читая созданные на них тексты, с проявлением билингвального или диглоссийного творчества. По поводу критериев их разграничения существует обширная литература. Среди них называют наличие/отсутствие у каждого идиома собственной кодифицированной письменной нормы, наличие/отсутствие взаимопонимания, этноязыковое сознание членов соответствующих коллективов, пользующихся данными идиомами, и др. Однако выработать такую систему, которая смогла бы непротиворечиво их применять в каждом конкретном исследо-

вании, пока не удалось, что еще раз подтверждает положение: «граница между языком и диалектом является в значительной степени условной и существует только с социолингвистической, а не с чисто лингвистической токи зрения» [9. С. 43]. Хотя, даже руководствуясь только социолингвистическим подходом, провести «демаркационную линию» порой достаточно сложно.

Из перечисленных выше моментов нас интересует именно первый, поскольку если любая коммуникация предусматривает существование некоторого узуса, то в письменной речи необходимость его наличия многократно усиливается.

В данном случае приходится констатировать, что этот сугубо лингвистический/филологический момент имеет значимую не только социолингвистическую, но и социально-политическую сторону. При осуществлении языковой политики может проявляться относительная терпимость к языкам, принадлежащим чужо-му этносу, т.е. в случае, где соотношение двух идиомов заведомо рассматривается как ситуация билингвизма. В тех случаях, когда представители политической власти, а порой и значительная часть «титового народа», считают носителей идиома частью своего этноса, терпимость к нему может быть значительно меньшей, а отношение между идиомами трактуется как диглоссийное. Например, так обстояло дело с положением баскского языка во франкистской Испании. Между тем сами носители этого идиома отстаивают его самостоятельность (билингвальная оппозиция), в том числе и путем закрепления его в литературном творчестве.

Подобная ситуация наблюдалась и в дореволюционной России. Отметим, что языковой нетерпимости по отношению к «не своим» идиомам — во всяком случае, в литературном творчестве — часто не проявлялось. Каких-либо стеснений в публикации книг и периодических изданий, например, на языках народов Закавказья или Прибалтики (речь не идет о цензурных ограничениях, не имевших национальной подоплеки) не существовало, а раздававшиеся иногда утверждения о том, что «разных национальностей в могущественном государстве допустить нельзя», воспринимались как не очень умная крайность, о чем свидетельствуют слова А.К. Толстого: «Посмотрите в лексикон! Что такое национальности? Вы смешиваете государство с национальностями! Нельзя допустить разных государств, но не от вас зависит допустить или не допустить национальностей! Армяне, подвластные России, будут армянами, татары татарами, немцы немцами, поляки поляками!» (Из фонда Президентской библиотеки: «граф Толстой был по-этом мысли воинствующей...». URL. // Режим доступа: <http://seanews.su/component/content/article/31-general/4533----l----r-.html>).

Однако с литературой на наиболее близких русскому идиомах — украинском (по тогдашней терминологии, малороссийском) и белорусском — дело обстояло несколько по-иному, и порой их использование в печати наталкивалось на административные препятствия. При этом к художественным произведениям — в отличие от публицистики — отношение было более спокойным, и произведения Тараса Шевченко, Леси Украинки и др., для которых украинский и русский были разными языками, т.е. отношения между идиомами осознавались как билингвальные, а не диглоссийные, выходили в свет.

С другой стороны, безоговорочное признание права пользоваться соответствующим идиомом в любой сфере могло соединяться с отрицанием его статуса само-

стоятельного языка. Трактую в лингвистическом плане соотношение между идиомами как диглоссию, с социально-политической точки зрения их могли рассматривать как проявление билингвизма. Так, известна позиция А.А. Шахматова. Он ясно и недвусмысленно утверждал: «Каждый представитель русского племени, будь он великорусом, или белорусом, или малорусом, может назвать свой язык русским: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения остается русским, каким бы изменениям ни подвергся в течение времени... Исходя из этого положения... мы вправе рассматривать все современные русские языки во всем их разнообразии как одно, в научном отношении, целое» [10. С. 7]. Шахматов писал: «...малорусы, белорусы и великорусы — члены одной общей русской семьи... Самый скептический ум не станет этого отрицать». Это не мешало ученому указывать на ненормальность того положения, когда некоторые облеченные властью «политические деятели находили терпимыми в пределах России всякие инородческие литературы: евреи, татары, армяне, поляки имели право говорить и писать на своих языках, но этого права лишились православные русские» [10].

В качестве смежных с литературным билингвизмом/диглоссией явлений могут рассматриваться тексты, относимые к транслингвальному творчеству, подробно исследованные в трудах У.М. Бахтикиреевой [11; 12], З.Г. Прошиной [13] и др.

Не менее существенен и вопрос о соотношении друг с другом различных вариантов того или иного языка. В частности, заслуживает внимания проблема, связанная с возможностью закрепления особенностей региональных разновидностей языка за пределами его первоначального распространения, т.е. возникновение/создание территориальной нормы и ее реализация в литературном творчестве. Подобное явление теоретически может привести к результату, который применительно к английскому языку британский лингвист Дэвид Кристал охарактеризовал как возможность появления “An English family of languages” [14] (правда, снабдив соответствующий заголовок вопросительным знаком). Напомним, что, касаясь диахронических аспектов изучения диглоссии, Ч. Фергюссон приводил в качестве примера «латынь и новые романские языки в определенный исторический период в некоторых частях Европы. Для обычного разговора использовались местные говоры, но в письменных текстах и в особых ситуациях формальной речи употреблялась латынь» [1. С. 57].

3. Заключение

Когда в этих ситуациях произошел языковой сдвиг, то диглоссия сменилась сначала «латинско-романскими билингвизмами», а затем один из компонентов, составлявших диглоссийную пару, занимавший на шкале высокий/низкий наиболее престижное место, оказался вообще вытесненным как коммуникативное средство, в том числе и из области литературного творчества.

Таким образом, проблематика, связанная с различными аспектами авторского билингвизма/диглоссии, заслуживает дальнейшего рассмотрения и всестороннего анализа.

Список литературы

1. Фергюссон Ч. Диглоссия // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия. Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
2. Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Вековищева С.Н. Лингвистика и лингвисты: прошлое и настоящее. М.: ИИУ МГЛУ, 2013.
3. Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. О понятии «отдельный / самостоятельный язык» // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 16—22.
4. Виноградов В.А. Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000.
6. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.
8. Ключева Т.В. Швейцария, Люксембург, Лихтенштейн: учебное пособие по страноведению на немецком языке. М.: ИВИ — Тезаурус, 1999.
9. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия; Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
10. Шахматов А.А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию. Публикация О.В. Никитина. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/1999/09/01/o_gosudarstvennyh_zadachah_russkogo_naroda_v_svyazi_s_nacional_nymi_zadachami_plemen_naselyayuwih_rossiyu/ (дата обращения: 03.11.2019).
11. Бахтикиреева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 2 (50). 2016. С. 76—80.
12. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Кинг Ж. Транслингвизм: коммуникативный мост или «культурная бомба»? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 116—121.
13. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.
14. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press, 2010. 212 p.

References

1. Ferguysson, Ch. 2012. “Diglossiya” In Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Khrestomatiya. Otv. red. N.B. Vakhtin. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. S. 43—62. Print. (In Russ.)
2. Khukhuni, G.T., I.F. Belyaeva, Valuitseva I.I., and Vekovishcheva S.N. 2013. Lingvistika i lingvisty: proshloe i nastoyashchee. Moskva: IIU MGLU. 168 s. Print. (In Russ.)
3. Belyaeva, I.F., and G.T. Khukhuni. 2014. “O ponyatii «otdel'nyi / samostoyatel'nyi yazyk»”. Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika» 4: 16—22.
4. Vinogradov, V.A. 1990. “Diglossiya” In Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. S. 136. Print. (In Russ.)
5. Mechkovskaya, N.B. 2000. Sotsial'naya lingvistika. Moskva: Aspekt-Press. 2017 s. Print. (In Russ.)
6. Shveitser, A.D. 1983. Sotsial'naya differentsiatsiya angliiskogo yazyka v SShA. Moskva: Nauka. 216 s. Print. (In Russ.)
7. Vlahov, S., and S. Florin. 1986. Neperevodimoe v perevode. Moskva: Vysshaya shkola. 416 s. Print. (In Russ.)
8. Klyueva, T.V. 1999. Shveitsariya, Lyukseburg, Likhtenshtein. Uchebnoe posobie po stranovedeniyu na nemetskom yazyke. Moskva: IVI — Tezaurus. 90 s. Print. (In Russ.)

9. Vakhtin, N.B., and E.V. Golovko. 2004. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka*. Sankt-Peterburg: ITs «Gumanitarnaya akademiya»; Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 336 s. Print. (In Russ.)
10. Shakhmatov, A.A. O gosudarstvennykh zadachakh russkogo naroda v svyazi s natsional'nymi zadachami plemen, naselyayushchikh Rossiyu. Publikatsiya O.V. Nikitina. Web. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/1999/09/01/o_gosudarstvennykh_zadachah_russkogo_naroda_v_svyazi_s_nacional_nymi_zadachami_plemen_naselyayuwih_rossiyu/ (data obrashcheniya: 03.11.2019).
11. Bakhtikireeva, U.M. 2016. "O translingvizme i trunkul'turatsii cherez prizmu odnoi yazykovoï biografii". *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* 2 (50): 76–80.
12. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and King Zh. 2017. "Translingvizm: kommunikativnyi most ili «kul'turnaya bomba?»" *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* 14 (1): 116–121.
13. Proshina, Z.G. 2017. "Translingvizm i ego prikladnoe znachenie". *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* 14 (2): 155–170.
14. Crystal, D. 2010. *English as a Global Language*. Cambridge University Press. 212 p. Print.

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета. E-mail: khukhuni@mail.ru

Валуицева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Bio Notes:

Georgiy T. Khukhuni is a Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Language and English, Moscow State Regional University. E-mail: khukhuni@mail.ru

Irina I. Valuitseva is a Doctor in Philology, Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State Regional University. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-204-214

Научная статья

Поэтика диалогии Абдижамила Нурпеисова «Последний долг» в мифологическом аспекте

Э.Т. Какильбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Республика Казахстан, 050040, Алматы, Аль-Фараби, 71

Рассматривается поэтика диалогии Абдижамила Нурпеисова «Последний долг» в мифологическом аспекте, определяются функции мифологем, позволяющих интерпретировать те или иные сюжетные ситуации при помощи параллелей из мифологии. Предметом исследования является полифункциональность мифа, его семантика и структурообразующая функция. Основное внимание уделено интерпретации мифологем и смысла поступков главного героя, рассматриваемого нами как мифологический герой. В основе методологии статьи лежит многоаспектный подход, предполагающий использование сравнительно-исторического метода, позволяющего рассмотреть сходства и различия сюжетных ситуаций в тексте на основе прямых контактов, историко-генетического — для выявления источников мифов и структурно-семантического — для того, чтобы исследовать особенности мифологем в художественной структуре романаов.

Ключевые слова: миф, мифологема, полифункциональность мифа, мифологический сюжет, мифологизм, интертекст, мифотворчество

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.12.2019

Дата принятия к печати: 01.03.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Какильбаева Э.Т. Поэтика диалогии Абдижамила Нурпеисова «Последний долг» в мифологическом аспекте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 204–214. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-204-214

© Какильбаева Э.Т., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Abdijamil Nurpeisov' s “Last Duty” Dilogy in Mythological Aspect

E.T. Kakilbaeva

Al-Farabi Kazakh National University
71, Al-Farabi pr., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

We made an attempt to consider the poetics of the dilogy by Abdijamil Nurpeisov “Last Duty” in a mythological aspect, to determine the functions of mythologemes that allow one or another plot situation to be interpreted using parallels from mythology. The subject of research is the multifunctionality of myth, its semantics and structure-forming function. The main attention is paid to the interpretation of mythologemes and the meaning of the actions of the protagonist, whom we consider as a mythological hero. The methodology of the article is based on a multidimensional approach, which involves the use of a comparative historical method that allows us to consider the similarities and differences of plot situations in the text on the basis of direct contacts, historical and genetic — to identify sources of myths and structural-semantic — in order to explore the features of myths in the artistic structure of the novels.

Key words: myth, mythologeme, multifunctionality of myth, mythological plot, mythologism, intertext, myth-making

Article history:

Received: 17.12.2019

Accepted: 01.03.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Kakilbaeva, E.T. 2020. “Abdijamil Nurpeisov' s “Last Duty” Dilogy in Mythological Aspect”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 204–214. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-204-214.

1. Введение

Современную казахстанскую прозу отличает устойчивый интерес к мифам как национальным, так и западноевропейским и античным, что можно объяснить влиянием постмодернизма и тенденцией к усложнению сюжетной структуры произведений. Вместе с тем обращение литературы к древним национальным истокам, к вечным духовным истинам на фоне дегуманизации современного общества также актуализирует эту проблему.

Имя Адижамилы Нурпеисова, чей 95-летний юбилей был отмечен осенью 2019 года, без сомнения, относится к разряду говорящих имен. Среди лиц, явившихся во второй половине XX века в нашей культурной жизни, он отличался

(и по сей день отличается) «лица необщим выраженьем», что выражалось в сдержанном, зачастую негативном отношении к политической конъюнктуре среди деятелей культуры и в постоянном отстаивании традиционной казахской культуры в новых условиях независимого Казахстана. Он не принадлежит к оппозиции, не вошел в ряды профессиональных диссидентов и всю свою сознательную жизнь занимается любимым делом: создает неимоверно сложный, близкий и дорогой каждому казаху художественный мир, который полноправно граничит с иными мирами мировой культуры (русской, западноевропейской, восточной). Нам и будущим поколениям еще предстоит освоить созданное А. Нурпеисовым, осмыслить нравственное наследие этого яркого, самобытного представителя казахской культуры.

Проблема мифологизма в современном литературоведении разработана довольно обстоятельно, но тем не менее в казахстанском литературоведении существует немало малоизученных аспектов и белых пятен в этой теме. Хотя в последнее время появилось немало серьезных исследований о мифологизме казахской литературы, об использовании писателями в своих произведениях мифопоэтических образов. Определяющим для нас является утверждение Ю.М. Лотмана о том, что «постоянное взаимодействие литературы и мифа протекает непосредственно, в форме “переливания” мифа в литературу, и опосредованно: через изобразительные искусства, ритуалы, народные празднества, религиозные мистерии, а в последние века — через научные концепции мифологии, эстетические и философские учения и фольклористику» [1. С. 86].

В конце XX века в мировой культуре наблюдается устойчивый интерес к мифу, который дает живущему в кризисную эпоху человеку веру в его возрождение. Неслучайно Р. Барт утверждал, что «миф как живая память о прошлом способен излечить недуги современности» [2. С. 283]. Исследовательская практика Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, С.С. Аверинцева интерпретации проблем мифопоэтики художественного текста позволила нам прийти к мнению, что современные казахстанские писатели, в частности А. Нурпеисов, обращаются к мифологическим сюжетам с целью моделировать современную жизнь по законам мифологического мышления.

В последние годы исследователи тюркской мифологии говорят о появлении в казахстанской литературе мифологической школы, именующей себя «духовно-интеллектуальным течением» [3—6]. Появившиеся в рамках этого течения исследования по мифопоэтике, архитипам, символам, мифологемам составили методологическую и научную основу для изучения нами мифологизма в диалогии А. Нурпеисова. По их мнению, мифологизм прозы современных казахстанских авторов объясняется стремлением исследовать с помощью мифа происходящее в современной жизни, противостоять хаосу, разрушающему жизнь людей и угрожающему современной цивилизации.

Современная казахстанская проза в лице одного из ее лучших представителей Абдижамила Нурпеисова есть эстетическое целое, существующее в мультикультурном пространстве и активно включенное в более широкий контекст мирового литературного процесса. Исследователи и критики называют Абдижамила Нурпеисова личностью безусловно пассионарной, а его «Кровь и пот» и «По-

следний долг» — казахстанским пятикнижием, равным по значению пятикнижию Ф.М. Достоевского. В восточной литературе такого рода произведения представлены в жанре хамсе, вспомним «Пятерицу» Низами, Руми, Навои. Но в то же время последний роман Нурпеисова не получил до сих пор должной оценки: в основном о нем пишут обзорно, вскользь и в статьях юбилейного характера.

Исключение составляет московский ученый Н.А. Анастасьев, который рассматривает романы А. Нурпеисова в контексте западноевропейской литературы, ищет общее с романами Э. Золя, У. Фолкнера, М. Пруста. Он подчеркивает духовную переключку казахского писателя с всемирным пространством, говорит о «диалоге» А. Нурпеисова с его учителями и современниками [7], выявляет особенности интертекстуальной составляющей прозы А. Нурпеисова и уделяет внимание мифологизму его пятикнижия.

Несмотря на остроту проблем, поднятых А. Нурпеисовым в диалогии «Последний долг», критики и ученые-литературоведы сдержанно отнеслись к ее появлению. Из работ российских исследователей особо значимы статьи Льва Аннинского [8; 9]; из казахстанских исследователей творчества писателя можно отметить А. Арцишевского [10]; В.В. Бадикова [11]; В. Владимирова [12]; А. Машакову [13]; Э. Какильбаеву [14] и др. Исследователи единодушно отмечают особый фаталистичный настрой писателя, страдающего из-за трагедии Арала, разворачивающейся на его глазах. Л.А. Аннинский считает, что А. Нурпеисов — поистине сильная личность, которой пришлось говорить людям, как рушится мир, отвоеванный и выстроенный казахами после 17 года: «Герои “Крови и пота” верили, что мир, который ими выстрадан, будет принадлежать им. Их внуки и правнуки чувствуют, как этот мир леденеет и распадается» [9. С. 172]. По его мнению, именно ощущение приближившейся вселенской катастрофы определяет особое мифологическое мышление самого художника, нашедшее отражение в сквозных и лейтмотивных мифологемах. Круг проблем бытийного плана, поставленных писателем в романе, также требует философского осмысления, что определяет особенности мифопоэтики романа: кто повинен в происходящем хаосе и несет ответственность перед историей? Поэтому «Последний долг» А. Нурпеисова был назван романом-катастрофой, эсхатологическим романом, предсказывающим конец света.

2. Обсуждение

Процесс возрождения мифов стал особенно интенсивным в литературе Казахстана нового времени, когда появилась возможность освобождения от идеологических оков, цензуры и зародилось «свободное, непатетическое отношение к мифу, в котором интуитивное вникание дополняется иронией, пародией и интеллектуалистическим анализом и которое осуществляется через прощупывание мифических первооснов часто в самых простых и обыденных вещах и представлениях» [15. С. 110].

Диалогия Абдижамила Нурпеисова «Последний долг» представляет собой своеобразное продолжение эпопеи «Кровь и пот», но уже в социальных условиях, полностью нам современных. В романе-мифе передана боль писателя, оказавшегося невольным свидетелем гибели уникального творения природы — Араль-

ского моря. Сюжетное действие в дилогии имеет четко очерченные пространственные и временные границы: оно уместается в одни сутки, что нашло отражение в заглавиях частей «Был день» и «Была ночь». Но внутренний сюжет неисчерпаем, пронизан работой памяти и интуиции, работой ума и сердца. В нем нашла место драма не только главного персонажа, но и каждого из героев, хронотоп не знает границ, отсюда постоянные выходы в небесные и запредельные миры.

В структуре дилогии особо явственно ощущается влияние Библии, особенно главы о сотворении мира: «И был вечер, и было утро». По мнению писателя, речь идет не только о судьбе Арала, а обо всех катастрофах мира. Человек разрушает природу, сотворенную Богом. Мифологическое мышление художника настроено на то, чтобы показать путь человечества и отдельно взятой личности от сотворения мира до его гибели. В 1984 году первую часть он назвал «Долг», а в 2000 году дал книге другое название — «Последний долг», изменив интонацию и включив в другой контекст («Прощание с Матерой» и «Последний срок» В. Распутина, «Последний поклон» В. Астафьева) и в другое, мифологическое пространство. Писатель дает всем возможность рассматривать роман как мифологический, трагедийный, поэтому показывает «медленный процесс превращения Арала в некую самостоятельную субстанцию, необузданную, непредсказуемую. Он отвечает на вызов вызовом, приглашая в союзники силы куда более могущественные, нежели пресловутый Большой Дом. И глухое сопротивление этих сил определяет трагедию» [14. Р. 55]. В этом контексте особой функцией наделен эпиграф к роману, взятый писателем из «Книги мертвых», который есть констатация деяний смертного человека и в наше время воспринимается как укор всему человечеству:

Я не чинил людям зла...

Я не убивал...

Я не преграждал путь бегущей воде... [16. С. 5].

Сквозным образом-символом, порождающим главную мифологему, объединяющую пространство и время, является сам Арал, высыхающий, полный трагедий личных и общественных, обладающий памятью, живущий в воспоминаниях природы, людей, рыб и зверей. Он открыт людям и напоминает о былой красоте чуда природы, возникшего среди песков, он был сильным и могучим, а теперь стал «жертвой человеческой алчности и безрассудства». Неслучайно киргизский режиссер Болот Шамшиев, снявший фильм об Арале по роману Нурпеисова, называет писателя очевидцем Аральской Хиросимы, а Бель-Аран, небольшой поселок на берегу Аральского моря, где происходит действие, — эпицентром отчаяния, вызывающим к помощи перед лицом надвигающейся катастрофы, грозящей гибелью всему человечеству.

Символично появление в сюжете образа льдины, ставшей по ходу развертывания повествования мифологемой: три главных действующих лица — Жадигер, Бакизат и Азим — оказались волей обстоятельств на оторвавшейся от острова льдине, которую сильный ветер уносит в открытое море, т.е. в вечность:

Неистовая буря, разбушевавшаяся к ночи, гнала снежный вал пурги в смутной темноте, бесчинствовала и лютовала по всей земле... Дико завывал и гудел приараль-

ский ветер, ревели волны, глухой вселенский круг тьмы наложил тяжкие оковы на весь огромный бушующий мир... [16].

Происходящее на глазах людей безумие природы есть символ разрушения не просто быта, а бытия, существования человека, апокалипсис, случившийся и по вине людей, грозное предостережение природы, выражающей протест против людей. Поэтому льдина принимает вселенские размеры, уподобляется космосу, и в этой трансформации-символе отражено мифологическое мышление самого писателя А. Нурпеисова. Хаос не только на этой опасной льдине, но и во всем мироздании, и это сродни пастернаковскому «мело, мело по всей земле...».

В романе особая роль отведена главному герою Жадигеру Амиржанову.

Председатель колхоза, честный труженик, рыбак с вузовским дипломом, как презрительно величает его жена, «Передовик Труда» — насмешливо произносит теща. Он показан писателем далеко не идеальным героем, подавлен тяжелой работой, постоянным стремлением выполнить непосильный план по ловле рыбы, спускаемый сверху. Жадигер в повседневной жизни неудобный в общении человек, соответствует семантике своего имени: «вещь в себе», он беспощаден по отношению не только к самому себе, но и к другим, неистов в гневе, неласков в обращении с людьми. Но в глубине души — он носитель активного добра и сострадания, у него душа нежная и беззащитная, он верит в лучшее, в светлое, которое он надеется достичь не только для себя и семьи, но и для всего человечества.

Действие в романе начинается с описания следов этого героя: «Высокий темноголикий человек, сутулясь, оглядывался на свои следы» [16. С.11], «неровные, тяжкие следы усталого человека» вызывают у героя глухую тоску, он отмечает нечто несуразное в них, не сочетающееся с окружающим миром. Они вызывают у героя ассоциации с его собственной судьбой, которую его жена, красавица Бакизат воспринимала как несуразность. Мысли о следах от его шагов перерастают в метафору, символизирующую его жизнь: «нагнетающие уныние», «вялые», «словно бездомные бродячие псы», «отпечатки твоих неудач», которые начались когда-то и оборвутся когда-то, но в силу мифологичности этого образа символа обрыв следов означает новое начало: на груди умирающего Жадигера греется и спасается его теплом маленькая птичка — вестница вечного. То есть символ перерастает в миф о Вечности.

Жадигер в своих сновидениях и грезах видит Кок-Огуза, он появляется перед героем между сном и явью и в последние минуты его жизни. Кок-Огуз — это символ конца Арала, и, как следствие, символ-мифологема конца света. Он насыщен и хочет выпить до дна все море. В первом видении он спускается с западной стороны острова, вселяет в героя жуткий страх, вызывает потоки слез, от которых Жадигер и просыпается. Перед смертью на льдине замерзающему Жадигеру опять видится Кок-Огуз — исполин, спустившийся с высоты, который хочет выпить оставшуюся воду в высыхающем море. Этот сон глубоко мифологичен: намерение монстра совпало со смертью героя, т.е. гибель моря одновременно означает и гибель героя.

В сюжете романа значима также мифологема огненно-рыжей лисицы с плутоватой мордочкой, в которую превращается Бакизат, в реальной жизни учитель-

ница, мать двоих детей и неверная жена. Она несчастлива в личной жизни, тринадцатилетний брак с Жадигером, за которого она вышла замуж после того как ее возлюбленный Азим ради карьеры предпочел другую, более выгодную партию, распадается на глазах у всех жителей Бель-Арана. Следствием ее несложившейся жизни являются нелюбимые дети, родившиеся с физическими недостатками (сыну больше десяти лет, но он молчит, красавица дочь без трех пальцев на руке), нелюбимая работа, нелюбимое место обитания Бель-Аран, которое она давно мечтает покинуть.

Другая ее сущность проявляется в момент превращения в саму Мать-Белорыбицу, которую видит Жадигер рядом с собой во главе косяка рыб во сне: у его жены-рыбы «молодое тело», «гибкое, упругое, точно из серебра литое», она «сверкала своей ослепительной чешуей» [16. С. 175]. Писатель наделяет свою героиню природными первоначальными качествами самки, наделяет древними инстинктами хищницы, подчеркивает эротизм ее женского начала. Жадигер и восхищается своей женой, и жалеет ее из-за неудавшейся жизни, и пытается понять ее уход к Азиму, воспринимает все случившееся с ним и с ней и как дар судьбы, и как проклятие, рок.

Жадигер фатально одинок как носитель вины перед Аралом и перед природой, и в этом его особенность как мифологического героя, находящегося в состоянии «нераздельности» с морем и с остальной природой, с ее обитателями. Вспомним сон, в котором герой превратился в вожака косяка рыб Серого Ярого и вместе с Белорыбицей плывет к чистой воде, он пытается спасти всех и особенно заботится о маленькой Белой Рыбке. В реальной жизни эпизоды сна встают перед Жадигером. Когда он смотрит на улов рыбаков, то видит большую белую рыбу и маленькую Белую Рыбку, она кажется ему живой, но попытка спасти ее герою не удалась: один из рыбаков, старик Кошен, назло ему раздавливает это беспомощное существо.

Н.А. Анастасьев считает смерть мифологического героя Жадигера оправданной. Он несет ответственность за свершающееся на его глазах зло, не будучи виноватым в его действиях. Напротив, он как может противостоит этому процессу разрушения порядка, но не может предотвратить трагедию Арала, поэтому считает себя повинным в произошедшем с ним, его семьей и Аралом. Вспомним, что и мать героя была такого же мнения, а ее устами говорит народная мудрость. Жадигер умирает, и на него готов накинуться голодный волк. Но в последний момент хищника уносит в море отколовшийся от большой льдины маленький кусок. А Бакизат, бросившаяся к остывающему телу своего мужа, видит на его груди птичку-камышовку.

А. Ким восхищался таким финалом сюжета: «Так просто, без какой-либо риторики, преодолен апокалипсический пессимизм». Н.А. Анастасьев считает, что «здесь действуют законы мифологического мышления. Например, закон тотемизма, согласно которому душа человека помещается в груди животного» [7. С. 245]. В тюркских мифах есть сюжеты, когда душа умершего переселяется в птицу, готовую взлететь. Как видим, писатель А. Нурпеисов ориентировался на эти известные мифологические трактовки, но он предлагает свое прочтение этой

финальной трагической ситуации: Бакизат, приложив руку к груди Жадигера и почувствовав шевеление, сама оживает.

Здесь возникает еще одна оптимистичная микротема, преодолевающая трагизм происходящего: воскрешение к жизни Бакизат. Магическая формула «Жертвой бы пасть за тебя» — магический оберег, спасающий душу любимого человека, неукоснительно действует в историях любви и гибели молодых людей в казахских дастанах и романтическом эпосе.

Исследование поэтики вышеназванных современных казахстанских романов позволяет нам утверждать, что миф присутствует в них в разных ипостасях, прежде всего не просто как форма «второй или иной реальности», а как способ мировосприятия героев и самого автора. В дилогии А. Нурпеисова «Последний долг» пространство и время утрачивают границы, происходит сдвиг в Вечность, и события, связанные с судьбой бель-аранских рыбаков, происходят при свете вечности: “*Sub species aeternitatis*”. Арал в сюжете дилогии выступает в разных формах, главной из которых является символ жизни, поэтому в памяти обреченных людей живет воспоминание-легенда, из уст в уста передается мечта об Арале как о синей чаше воды, носители этой мечты — простые рыбаки во главе с председателем колхоза Жадигером Амиржановым, которые противостоят смерти и моря, и своей собственной, не хотят покидать этот многострадальный клочок земли, хотя признают, что обмелело море.

Таково реальное состояние Арала и его берегов в XX веке (действие происходит в 70—80-е годы, во времена брежневского застоя). А. Нурпеисов не обозначает точные временные границы своего повествования, потому что для него важно подчеркнуть мифологическую вневременность происходящего, отраженную в заглавиях, тяготеющих к библейским («И был день», «И была ночь»), и в страстных признаниях автора.

Образ моря столь сложен, в разных сюжетных ситуациях он удваивается, раздваивается, выполняет функции фона, места действия, где происходят события, пейзажа, но над всем этим возвышается Арал как символ вечности жизни, как символ самой жизни, как творение Бога, которое другие создания Бога — люди — стараются уничтожить.

Жадигер, как и сам писатель, создавший этого трагического героя, мифологичен. Поэтому поэтика этого образа насквозь пронизана мифологемами. Он — носитель народного сознания, вернее, родового, общечеловеческого, он неустанно думает об Арале и о людях, о бедах, свалившихся на них, и о том, кто виноват во всем происходящем, об уходе рыбы, о бытовых трудностях простых рыбаков, о детях, перед которыми он чувствует особую вину за их увечья и неполноценность. Он не снимает с себя ответственности за все беды, свалившиеся на него, его семью и его земляков, не может согласиться с решением властей переселить бель-арановцев с этих насиженных мест.

Память сильнее всего в судьбе человека — основной мотив сюжета о Жадигере как носителя родовой памяти, этой же памятью о родных местах наделены и его жена Бакизат, которая понимает, что новой жизни ей не построить, и его бывший друг Азим, ставший врагом, и его дядя, одноухий Сары Шая, и Жакен,

ставший кандидатом наук, Кошен, Рыжий Иван, шофер Кожбан, Быдык, Мукан, понимающий и воспринимающий трагедию Арала и Бель-Арана как свою личную, но не являющийся мифологическим героем подобно Жадигеру.

Для них происходящее с Аралом и Бель-Араном тоже катастрофа, как и окружающая природа, они трагически ощущают пошатнувшийся порядок жизни, понимают, что это приведет к катастрофе. Мотив единства мира людей и природы интенсивно развивается и перерастает в эсхатологический мотив конца света и жизни на земле. И каждый из героев приходит к осознанию своей роли и функций на этой земле. Жадигер на льдине, вороша в памяти былое, вспоминает старый тополь у студенческого общежития. Некоторые критики и исследователи видят в образе тополя аллюзию на эпизод с дубом из «Войны и мира» Толстого, символом вечной жизни. Нам предпочтительней догадка Н. Анастасьева, предложившего параллели с Кораном, с его 95 сурой, а Арал — с водой, «низведенной с неба и напоившей землю» [7. Р. 203]. В этом же мифологическом ключе воспринимаются разговоры «сивобородых старцев» о конце света, услышанные героем («К концу света в недрах земных иссякнет вода, девушки на юношах повиснут без стыда»), и легенда-миф об острове Барса-Кельмес, «одно лишь название которого вызывало у людей волнение и сердечный трепет». По легенде, в давние времена случился страшный джут, мор, выпал снег:

Словом, всемирный потоп. Тогда-то, в предверии конца света, столетний старец и указал племени дорогу в рай — на остров, куда, сказывают, со дня сотворения мира не ступала нога человека, было безмятежное царство птиц и зверей; трава там была высокая, густая; вода родниковая, медовая; и зверь, и птица не ведали страха [16. С. 351].

Картина потерянного рая, отделенного от остального мира водами, сродни легендарным сюжетам и мифам о граде Китеже, о Беловодье, о Жеруйык. Но в повествовании А. Нурпеисова происходит обратный процесс: изобилие, царившее не только в райском уголке Барса-Кельмес, но и на островах и на берегу Аральского моря, потеряно, море обмелело, рыбу и птицу истребили, зверь ушел, земля заброшена, остались лишь старики и старухи. Миф превращен в суровую, даже жуткую реальность: летчик из отряда спасателей, отправившийся на поиски пропавших людей, не узнает родные места, везде заброшенные дома, нет признака жизни — апокалипсическая картина конца жизни на земле.

3. Заключение

Исследование диалогии современного казахского писателя, ориентированного как на древние мифы, так и на создание авторских мифологических сюжетов, позволяет сделать вывод, что миф становится особым способом отображения современной действительности, дает возможность универсального осмысления происходящих событий перед лицом вечности. Попытка декодировать потенциальные и потаенные смыслы текстов А. Нурпеисова доказывает его тяготение к мифологическим сюжетам. А. Нурпеисов в своей диалогии соединил в один сюжетный узел и быт простых аральских рыбаков, и жизнь Природы, существующей по изначальным законам Бытия. Неслучайно, отвечая на вопрос о том, о чем этот

роман, он ответил: «Не кривя душой, мог бы ответить, — об экологии. Мог бы, с другой стороны, сказать, что это роман о любви, об извечной борьбе добра со злом. Но почему-то мне хочется сказать, что, в общем-то, в этом романе — мой расчет с веком, со временем. В нем весь я» [17]. Писатель, совершивший «расчет с веком», уверен, что он не преграждал путь бегущей воде, он чист в помыслах и деяниях, но готов нести ответственность за содеянное человеком.

Список литературы

1. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф — имя — культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Таллин: Александра, 1992. Т. 1.
2. *Барт Р.* Мифологии. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996.
3. *Кондыбай С.* Қазақ мифологиясына кіріспе. Алматы: «Арыс» баспасы, 2008.
4. *Наурызбаева З.* Аджигерей, Руслан и М: три судьбы казахстанской культуры. Немифологические заметки о современном казахстанском романе // <http://otuken.kz/topics/zira1/page/8/>
5. *Турсунов Е.Д.* Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы: Дайк-Пресс, 2004.
6. *Асемкулов Т.* Четыре интерпретации одного мифа // <http://www.otuken.kz/index.Php/mythtalasbek>
7. *Анастасьев Н.* Небо в чашечке цветка. Абдиджамил Нурпеисов и его книги в мировом литературном пейзаже. Алматы: Гылым, 2004.
8. *Аннинский Л.* След на льдине // Дружба народов. № 11. 1987. С. 243—252.
9. *Аннинский Л.* День? Ночь?: заметки о диалогии А. Нурпеисова «Последний долг» // Нива. 2001. № 1. С. 160—173.
10. *Арцишевский А.* Литература: мгновения и вечность: О романе А. Нурпеисова «Кровь и пот» // Централ Азия Монитор. 2008. № 24. 13—19 июня.
11. *Бадиков В.* Художественное постижение истории // Наука Казахстана. 1999. № 19-20. С. 7—10.
12. *Владимиров В.* Его незакатное солнце: К 80-летию со дня рождения А. Нурпеисова. // Мысль. 2004. № 10. С. 61—68.
13. *Машакова А.К.* Творчество Абдиджамила Нурпеисова в зарубежной литературной рецепции // Международные связи казахской литературы в период независимости. Алматы: Жибек жолы, 2008.
14. *Какильбаева Э.Т.* Проза А. Нурпеисова в свете литературных традиций // Динамика литературного процесса и актуальные проблемы современного филологического образования: материалы Междунар. научной конф. Алматы, 2010. С. 53—56.
15. *Аверинцев С.С.* Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1.
16. *Нурпеисов А.* Последний долг: Роман. М.: Культура, 2002.
17. *Секербаева Ж.* Небо в чашечке цветка», или Полчаса с Абдиджамилом Нурпеисовым // Инфо-Цес. 2009. 27 февраля.

References

1. Lotman, Yu.M., and B.A. Uspenskii. 1992. "Mif — imya — kul'tura" In Lotman Yu.M. Izbrannyye stat'i v 3-kh tomakh. Tallin: Aleksandra. T. 1. 472 s. Print. (In Russ.)
2. Bart, R. 1996. Mifologii. Moskva: Izdatel'stvo im. Sabashnikovoykh. 351 s. Print. (In Russ.)
3. Kondybai, C. 2008. Қазақ мифологиясына kirispe. Almaty: «Arys» baspasy. 376 b. Print. (In Kaz.)
4. Naurzbaeva, Z. "Adzhigerei, Ruslan i M: tri sud'by kazakhstanskoi kul'tury. Nemifologicheskie zametki o sovremennom kazakhstanskom romane". Web. <http://otuken.kz/topics/zira1/page/8/>

5. Tursunov, E.D. 2004. Proiskhozhdenie nositelei kazakhskogo fol'klora. Almaty: Daik-Press. 322 s. Print. (In Russ.)
6. Asemkulov, T. Chetyre interpretatsii odnogo mifa. Web. [http:// www.otuken.kz/ index. Php / mythtalasbek](http://www.otuken.kz/index.Php/mythtalasbek)
7. Anastas'ev, N. 2004. Nebo v chashechke tsvetka. Abdizhamil Nurpeisov i ego knigi v mirovom literaturnom peizazhe. Almaty: Gylym. 304 s. Print. (In Russ.)
8. Anninskii, L. 1987. "Sled na l'dine". Druzhba narodov 11: 243—252.
9. Anninskii, L. 2001. "Den'? Noch'?": zametki o dilogii A. Nurpeisova «Poslednii dolg» Niva 1: 160—173.
10. Artsishevskii, A. 2008. "Literatura: mgnoveniya i vechnost': O romane A.Nurpeisova «Krov' i pot". Tsentral Aziya Monitor 24. 13—19 iyunya.
11. Badikov, V. 1999. "Khudozhestvennoe postizhenie istorii". Nauka Kazakhstana 19-20: 7—10.
12. Vladimirov, V. 2004. "Ego nezakatnoe solntse: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. Nurpeisova". Mysl' 10: 61—68.
13. Mashakova, A.K. 2008. "Tvorchestvo Abdizhamila Nurpeisova v zarubezhnoi literaturnoi retseptsii" In Mezhdunarodnye svyazi kazakhskoi literatury v period nezavisimosti. Almaty: Zhibek zholy. S. 287—321. Print. (In Russ.)
14. Kakil'baeva, E.T. 2010. "Proza A. Nurpeisova v svete literaturnykh traditsii" In Dinamika literaturnogo protsessa i aktual'nye problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya Proceedings. Almaty. S. 53—56. Print. (In Russ.)
15. Averintsev, S.S. 1980. "Arkhetipy" In Mify narodov mira: Entsiklopediya. Moskva. T. 1. S. 110—111. Print. (In Russ.)
16. Nurpeisov, A. 2002. Poslednii dolg: Roman. Moskva: RIK «Kul'tura». 384 s. Print. (In Russ.)
17. Sekerbaeva, Zh. 2009. "Nebo v chashechke tsvetka", ili Polchasa s Abdizhamilom Nurpeisovym. Info-Tses. 27 fevralya.

Сведения об авторе:

Какильбаева Энкар Толымхановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби. E-mail: inkar.kakil@gmail.com

Bio Note:

Enkar T. Kakilbaeva is a PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Philology and World Literature of the Kazakh National University of al-Faraby, Almaty, Kazakhstan. E-mail: inkar.kakil@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-215-220

Abstracts

Chinese Insertions Functioning in English: A Comparative Approach to Fiction and Non-Fiction Texts

T.A. Lupachyova, V.V. Bereznitskaya

Far Eastern Federal University
8, Sukhanova St., Vladivostok, 690091, Russian Federation

The present article is devoted to the comparative analysis of Chinese insertions functioning in fiction and non-fiction written in English based on the works of Amy Tan and Peter Hessler. As the research showed, the leading function of insertions in non-fiction was documentary function, whereas in fiction it was the function of ethnic coloring and the function of hero speech characteristics. The functions in the analyzed texts overlap and complement one another. Structurally the insertions in non-fiction feature words and phrases, in fiction they vary from interjections to significant parts of texts.

Key words: foreign insertions, functions of insertions, fiction in English, non-fiction in English

Article history:

Received: 03.02.2020

Accepted: 05.04.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Lupachyova, T.A., and V.V. Bereznitskaya. 2020. "Chinese Insertions Functioning in English: a Comparative Approach to Fiction and Non-Fiction Texts". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 215–220. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-215-220

© Lupachyova T.A., Bereznitskaya V.V., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Китайские вкрапления в английском языке: сравнительный подход к художественным и научно-популярным текстам

Т.А. Лупачева, В.В. Березницкая

Дальневосточный федеральный университет
Российская Федерация, 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу функционирования китайских вкраплений в англоязычной художественной и документальной прозе на примере произведений Эми Тэн и Питера Хесслера. Как показало исследование, ведущей функцией вкраплений в документальной прозе является функция документализации, в художественной прозе — функция создания колорита и речевой характеристики персонажа. Функции, встречающиеся в текстах, накладываются и взаимно дополняют друг друга. Структурно вкрапления в документальной прозе представляют собой слова и фразы, в художественной прозе они варьируются от междометий до крупных отрезков текста.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, функции вкраплений, англоязычная художественная проза, англоязычная документальная проза

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.02.2020

Дата принятия к печати: 05.04.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Лупачева Т.А., Березницкая В.В. Китайские вкрапления в английском языке: сравнительный подход к художественным и научно-популярным текстам // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2020. Т. 17. № 2. С. 215—220. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-215-220

1. Introduction

The research of such linguistic phenomenon as foreign language inclusions lately has aroused a great interest among the linguists of different countries. Studying particular characteristics of speech occasional borrowings functioning in the recipient text both in general linguistic sense and in a complex of linguastylistical problems provides an opportunity to see the initial stage of borrowing in the dynamics. In spite of the problem scope there is still no single established definition of foreign insertions. The researchers discriminate the following characteristic features of foreign insertions: non-assimilation, grammatical non-assimilation, belonging to a foreign system, they are not fixed in the dictionaries of a recipient language, they are used by bilinguals.

Quite often foreign insertions are considered together with such connected notions as loan-words, exoticisms, barbarisms. The term “foreign insertions” is the most general of them and, according to many researchers, includes some connected terms and can be mostly seen in special literature. Foreign insertions are distinguished from the connected notions by a greater non-assimilation by a recipient language, mostly foreign graphic transference and a greater volume of language units.

In the present paper by foreign insertions we understand foreign linguistic units, transliteration of foreign linguistic units as well as different volume units of the donor language (from interjections to text extracts) used according to the laws of the recipient language, which are surrounded by the elements of the borrowing language (English), non-assimilated or partly assimilated in the system of the borrowing language, but not codified in it [1. P. 270].

There is a great number of foreign insertions classifications based on various features (correlation with the systems of the donor language and the recipient language, the degree of connection with ethno-cultural character of the text content, source of borrowing, position in the text, its volume). During the analysis of the current classifications it turned out that the researchers count as foreign insertions not only full insertions in their foreign graphics, but also the parts of texts translated into the recipient language; not only words, but foreign letters inside words as well; not only linguistic phenomena not having ethnic coloring, but also the elements having it. As a result, foreign insertions are being confused with exoticisms.

2. Discussion

The main reason of using foreign insertions of any volume is a language contact including code switching. Literary creativity, both fiction and non-fiction, can be considered a variety of a language contact. Notably, foreign insertions can be in the linguistic arsenal of a monolingual writer, not only a bilingual one.

The problem of foreign insertions functioning has been well-analyzed only on the material of fiction. Practically all the researchers have featured a nominative function, a function of creating a comic effect, a function of ethnic coloring, a function of speech individualization. Some investigators also differentiate a function of elaboration and semantics specification of a close word of the recipient text, a function of a character’s emotional state rendering, a function of ethnic peculiarity and mythology, a function of narration metaphorization as well as linguareflexive, repressive, intermediary, excluding functions along with a euphemistic one, etc.

The majority of researchers have pointed out that the dominating functions in fiction are nominative function and ethnic coloring function.

In the present paper there has been made an attempt to make a comparative analysis of Chinese insertions functioning in fiction and non-fiction texts written in English. “River Town: Two Years on the Yangtze” by Peter Hessler was chosen as a non-fiction source. This book is considered to be the most significant work of this author and it contains a sufficient for this analysis number of foreign insertions. A fiction text is represented by Amy Tan’s novel “The Hundred Secret Senses” abundant in the equivalent linguistic units.

Let us now proceed to the description of Chinese insertions and the functions performed by them in the abovementioned pieces of work. We should immediately mention that both authors represent Chinese insertions in transliteration due to the fact that Chinese hieroglyphs would be perceived as too exotic and absolutely incomprehensible for the readers.

According to the structural features classification the majority of insertions found in non-fiction material are words.

“People everywhere talked about Gaige Kaifang, Reform and Opening, which included both increased contact with the outside world and the Capitalist-style economic reforms that Deng Xiaoping had initiated in 1978” [2].

Insertions-expressions and insertions-phrases can be also found. It turned out that insertions-interjections and insertions-sentences are not present in non-fiction text. On the contrary, they can often be found in fiction text and there they create a decorative and an emotive functions.

And when the wind blew, the mouths of the caves would sing wu!wu! — just like the voices of sad ladies who have lost sons [3. P. 43].

I heard a girl’s voice say: “Gei wo kan” [3. P. 56].

This fact somehow signals that a set of functions delivered by foreign insertions in non-fiction is different from a set of functions in other genres. According to the subject classification insertions-toponyms and insertions-anthroponyms are most widely spread in the work under analysis. In the fiction the scope of insertions varies between interjections and text extracts. Both in fiction and non-fiction insertions are mostly represented by toponyms and anthroponyms, which is quite predictable, because they tie the narration to a certain place and time.

Whenever foreigners arrived in our province, everyone in the countryside — from Nanning to Guilin — talked about them [3. P. 35].

“My apartment was on the top floor of a building high on a hill above the Wu River. It was a pretty river, fast and clean, and it ran from the wild southern mountains of Guizhou province. Across the Wu River was the main city of Fuling, a tangle of blocky concrete buildings rising up the hillside” [2].

Let us now pass on to the foreign insertions functions performed in non-fiction. The majority of insertions (toponyms, anthroponyms, some realia) carry out the documentary function. Also the insertions perform nominative, euphemistic, culture oriented, linguareflexive, compensatory and separating functions. Herewith one insertion often performs several functions at the same time.

In the fiction describing a foreign situation the role of foreign insertions is not limited to sending a message. They appear in the text not only for nominative reasons, but also to perform aesthetic functions.

The stylistic potential of Chinese insertions on the background of English linguistic environment is contingent on their content as well as their unusual sound representation and exotic associations created by it. Semantic and stylistic functions performed by

Chinese insertions overlap and complement each other, they comply with the imagery perspective of the fiction whole. For example, one insertion can be used in nominative function and create ethnic coloring at the same time. That is why to illustrate the phenomena the insertions where the given function was the leading one were selected.

Having got into the linguistic environment of the recipient text written in English, Chinese insertions perform a number of semantic and stylistic functions: nominative, specification, expressive, creating a comic effect, cacophemism transmission, ethnic coloring and characteristics creation, leitmotif creation, depicting of characters emotional state, ethnic worldview and mythology peculiarity transmission, speech individualization. This is their main focus both in microcontexts and in the creative system of the whole book.

Thus, the undertaken analysis of foreign insertions performed on the material of fiction and non-fiction has allowed us to recognize the peculiarities of foreign insertions functioning in the present genres. In non-fiction the majority of Chinese insertions perform a documentary function due to which a realistic reproduction of events, factual authenticity is attained. In fiction the leading functions are the function of ethnic coloring and speech characteristics function. In both genres the functions performed by foreign insertions can overlap. During the research it was noted that some functions can be the same in fiction and non-fiction (for example, nominative, culture oriented, euphemistic, separating), but some functions are specific for each genre in particular (speech individualization, comic effect creation, cacophemism transmission, leitmotif creation in fiction; documentary function in non-fiction).

3. Conclusion

Thus, we came to a conclusion that Chinese insertions different in structure can be found both in fiction and non-fiction. However, in non-fiction the insertions on the text level were not found. The majority of the functions performed by insertions in the texts conform with each other, however there are some genre differences in this sense. The undertaken analysis can present some interest for linguistics in general, namely for linguacontactology and linguastylistics. We see the perspectives of the research in further specification of functions performed by foreign insertions in the texts of different genres.

References

1. Kolomiets, S.V. 2012. "Inoyazychnye vkrapleniya v tekstakh russkikh reklamnykh soobshchenii". *Vestnik KemGU* 4 (52): 268–272. Print. (In Russ.)
2. Hessler, P. 2001. *River Town: Two Years on the Yangtze*. New York: Harper Perennial. 418 p. Print.
3. Tan, A. 1996. *The Hundred Secret Senses*. New York: Ivy Books. 406 p. Print.

Bio Notes:

Tatiana A. Lupachyova is a Candidate in Philology at the Department of Linguistics and Intercultural Communication of Far-East State University. E-mail: lupachyova@yandex.ru

Viktoriya V. Bereznitskaya is a M.A. in Philology at the Department of Linguistics and Intercultural Communication of Far-East State University. E-mail: lupachyova@yandex.ru

Сведения об авторах:

Лупачева Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета. E-mail: lupachyova@yandex.ru

Березницкая Виктория Вячеславовна — магистр в области филологии кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета. E-mail: lupachyova@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-221-230

Научная статья

Феномен креатива в медиастратегиях поэтов XXI века

С.А. Данилова¹, Е.В. Бильченко²

¹ Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций
Санкт-Петербургский университет

Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, ул. 1-я лин. ВО, 26

² Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова
Украина, 02000, Киев, улица Пирогова, 9

В данном исследовании проанализирован ряд успешных кейсов с использованием поэтами XXI века креативных медиастратегий для продвижения личного бренда и авторского творчества в Интернете и за его пределами. В эпоху глобальной цифровизации и перенасыщенности арт-сферы поэту необходимо искать новые подходы к читателю в борьбе за его внимание и предпочтения. Такие акции арт-пиара, как геймификация, хайп, благотворительная акция, закрытый фан-клуб и многие другие, способны увеличить публицитный капитал современного поэта путем интерактивного вовлечения потенциального читателя. Для получения аналитических данных применяются метод контент-анализа, метод анализа дискурса и метод включенного наблюдения.

Работа представляет собой практическую значимость для поэтов XXI века, желающих повысить уровень узнаваемости своего личного бренда и достичь более высоких количественных и качественных показателей своей целевой аудитории.

Ключевые слова: креатив, арт-пиар, поэт, медиастратегия

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.12.2019

Дата принятия к печати: 08.03.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Данилова С.А., Бильченко Е.В. Феномен креатива в медиастратегиях поэтов XXI века // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 221–230. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-221-230

© Данилова С.А., Бильченко Е.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

The Creativity Phenomenon in the Media Strategies of XXI Century Poets

S.A. Danilova¹, E.V. Bilchenko²

¹ High School of Journalism and Media Communication, St. Petersburg University
26, 1st line V.I., St., Petersburg, 199004, Russian Federation

² National Pedagogical Dragomanov University
9, Pirogova street, Kiev, 02000, Ukraine

This research examines how modern poets use various creative media strategies as a means of promotion of their poetry as well as personal brands in the Internet and beyond. Promotional actions in their various forms used by XXI century Russian poets allow one to achieve new results both in offline and online events, so a cross-platform effect is at work here. The discourse analysis method, the content analysis method and the participant observation method were used to obtain analytical data.

Such actions of art PR as gamification, hype, charity event, closed fan club and many others can increase the public capital of a modern poet through the interactive involvement of a potential reader.

The work is of practical importance for poets of the 21st century who want to increase the level of recognition of their personal brand and achieve higher quantitative and qualitative indicators of their target audience.

Key words: public capital, media strategy, creative, art PR, poet

Article history:

Received: 13.12.2019

Accepted: 08.03.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Danilova, S.A., Bilchenko, E.V. 2020. "The Creativity Phenomenon in the Media Strategies of XXI Century Poets". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 221—230. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-221-230

1. Введение

Цифровая эпоха предлагает молодым поэтам богатый спектр возможностей для пиара и самопиара. Если методы цифрового арт-пиара изучаются современными исследователями как с точки зрения self-менеджмента [1], так и с точки зрения выбора площадки [2], в настоящий момент представление современной поэзии в медиасфере находится на периферии научного интереса. Актуальность данного исследования заключается в малой академической изученности такого богатого культурного пласта, как медиастратегии современной поэзии, которая, утратив способность собирать стадионы после распада СССР, была вынуждена заново укреплять свои публичные позиции и активно использовать возможности, открывшиеся с появлением и развитием Интернета. Если о феномене креатива

поэтов Серебряного века, выражающемся через различные, порой скандальные, акции арт-пиара [3], а также эстетику имен литературных журналов данной эпохи [4], подробно пишет в своих трудах представитель петербургской школы рекламы Е. А. Каверина, то о медиареализации поэтов современности упоминают лишь два исследователя из смежных областей: Т. Репина в своей магистерской диссертации на польском языке, а также поэт и критик Л. Вязмитинова в своем сборнике статей о жизни и творчестве поэтов XXI века [5].

Определим, что мы понимаем под терминами «паблицитный капитал», «медиастратегия» и «креатив» в координатах настоящего исследования. Изобилие открытых интернет-площадок для публикации и свободных микрофонов, Android- и Apple-приложений, фестивалей, слэмов, батлов, конкурсов, литературных журналов и альманахов — это малый перечень возможностей, используемых авторами для приобретения и расширения не только читательской аудитории, но и так называемого паблицитного капитала. Согласно представителям отечественной школы межкультурных коммуникаций Д.П. Гавра [5], М.А. Шишкиной [6], В.Ю. Ямбушеву [7] и Ю.В. Кудашовой [8], паблицитный капитал — это вид капитала субъекта рынка, действующего в пространстве публичных коммуникаций, особый, не сводимый к другим, обладающий семантическим полем узнаваемости, личного бренда, позитивного имиджа, привлекательного паблисити, деловой репутации, престижа. Под паблицитным капиталом в настоящем исследовании, касающемся мира современной поэзии, понимается органический пользовательский охват представительства поэта в Интернете: количество его «друзей» и «подписчиков» в социальных сетях без учета фейковых аккаунтов и ботоводства, пропорциональность лайков и репостов, а также тиражи его печатных произведений и ареал распространения. Так, например, поэт, которого еженедельно печатают в местечковой газете тиражом 10 000 экземпляров, и поэт, однажды напечатанный в «Нью-Йоркере», обладают принципиально разным по содержательным свойствам паблицитным капиталом: это разный репутационный уровень, во втором случае качество публикации превалирует над количеством, указанном в первом случае.

В рекламной науке не существует четкого определения медиастратегии на сегодняшний день. Однако, согласно М. Каримовой, в двух словах ее можно было бы определить так: медиастратегия — это комплекс мероприятий, проводимых в СМИ для достижения коммуникативных целей рекламной кампании [9]. Итак, в настоящем исследовании под термином «медиастратегия» мы рассматриваем акцию арт-пиара, реализуемую поэтом кросс-платформенно: как офлайн с целью пиара своего творчества онлайн, так и наоборот. Иными словами, это одно мероприятие или комплекс мероприятий из сектора креативного арт-пиара, осуществляемых не только в СМИ, но и в любом публичном пространстве с потенциальной целевой аудиторией, для достижения коммуникативной цели креативной кампании: привлечь новых читателей в свой мир, чтобы они впоследствии подписались на официальную страницу, посещали мероприятия с участием поэта, покупали сборники его стихотворений и другую атрибутику, голосовали за него на конкурсах и воспринимали его как поэта, исполнителя, медиаличность.

Стоит отметить, что у современных российских поэтов нет литературных агентов, как это широко распространено на Западе: специально обученный человек, менеджер, арт-директор заведует всеми бюрократическими, бухгалтерскими делами, а также заботится о продвижении литератора, в то время как автору необходимо писать новые книги, по необходимости появляться на публичных мероприятиях, получать гонорары и премии. В силу отсутствия агентов поэты занимаются своим продвижением самостоятельно, используя все доступные и допустимые методы, одним из которых является креатив.

Определение креатива, предложенное Е.А. Кавериной, подчеркивает взаимосвязь данного термина с вышеупомянутыми терминами «паблицитный капитал» и «медиастратегия»: креатив — это творчество стратегического назначения, основными задачами которого является успешное продвижение объектов (будь то компания, персона, торговая марка, бренд, товар, услуга или идея), формирование позитивного образа и хорошей репутации, повышение уровня лояльности и известности, создание позитивного диалога с общественными и целевыми аудиториями [10]. Иными словами, такая медиастратегия, благодаря которой показатели паблицитного капитала серьезно повысятся и укрепятся, возможна лишь при наличии креатива в методах своего воплощения.

2. Обсуждение

Цель настоящего исследования заключается в описании и систематизации наиболее актуальных креативных пиар-инструментов, используемых поэтами XXI века для донесения собственного творчества до целевой аудитории. При реализации этой задачи мы использовали метод контент-анализа, метод дискурсивного анализа и метод включенного наблюдения.

Геймификация. Одним из источников эмпирического материала является наш собственный коммуникативный опыт. В 2013 году, рассылая новогодние письма со стихотворениями и посланиями читателям, мы не ожидали ни того, что на участие в акции поступит более 300 заявок [11], ни того, что эта акция будет обладать ретардантным эффектом. Во-первых, спустя годы адресаты продолжают взаимодействовать с поэтом, приславшим письмо, и помнить об этом подарке; во вторых, акция станет своеобразным трендом через несколько лет: так, музыкант и поэт Азат Диваев, ныне проживающий в Санкт-Петербурге, в 2017 году собрал адреса пользователей «ВКонтакте», поддержавших его в крупном чарте. Таковых оказалось 170 человек, каждому из которых Диваев отправил личные письма [12]. В 2017 году поэтесса С. Капилевич организует схожую акцию, вкладывая стихотворения с координатами группы в Интернете в конверты формата А4 с ручной подписью «Привет, прохожий. Это тебе» [1]. Конверты поэтесса размещает в историческом центре города. О результативности акции свидетельствуют многочисленные сообщения горожан о «поэтических» находках в комментариях на официальной странице поэтессы. Так потенциальные читатели были вовлечены в игру с поэтом. Элементом данной акции стало и сарафанное радио: люди склонны запоминать неординарное и рассказывать об этом своим друзьям в социальных сетях, а история про знакомство с творчеством поэтессы через най-

денный у Казанского собора конверт более увлекательна, чем если бы стихотворение было просто найдено в Сети без какой-либо прелюдии и предыстории.

Таким образом, мы наблюдаем яркий пример геймификации как креативного приема, применяемого тремя авторами с целью популяризации собственного творчества. Каждый из авторов по-своему использует и переосмысливает данный прием, и получает далеко не нулевые результаты.

Реклама без рекламы. В 2016 году прием распространения поэтических текстов на бумажных носителях был переосмыслен организаторами фестиваля «Всемирный день поэзии 21 марта». За 2016 и 2017 год было распространено более 50 000 флаерсов с произведениями победителей конкурсной части фестиваля и координатами гала-концертов в России, Казахстане, Беларуси и Украине [13]. Данная акция позволила привлечь на мероприятия проекта в разных странах несколько сотен людей, большинство из которых не имело ни малейшего представления о том, что современная поэзия существует; часть из них впоследствии присоединилась к онлайн-комьюнити фестиваля, что говорит об эффективности кросс-платформенного пиара. Люди брали флаерсы, полагая, что в них содержится предложение что-либо купить по очень выгодной акции, но их ожидания не оправдывались: мероприятия фестиваля являлись бесплатными для всех посетителей. Вместо привычных коммерческих предложений на флаерсах были размещены стихотворения о городе, любви, моральных вопросах, вечных ценностях и хорошем настроении, что в конце концов вызвало доверие людей к организаторам акции. Опыт учредителей фестиваля «Всемирный день поэзии» свидетельствует о том, что акция Капилевич, несмотря на ее камерность, может превратиться в массовый тренд: все зависит от количества конвертов и желания вкладывать силы в осуществление геймификации. Если вспомнить оглушительный успех игры-приложения *Pokemon Go*, где люди искали покемонов в виртуальной реальности на базе реальных улиц и заведений, можно вообразить себе возможный потенциал данного приема арт-пиара.

«Хайпанутый» PR. По данным Mash, современным поэтессам Стефании Даниловой и Ире Ульяновой, выступающей под псевдонимом Знаменосец Ира, предложили принять участие в неординарной пиар-акции, основанной на хайпе [14]. Отличие «хайпанутого» пиара от традиционной рекламы в том, что методы подачи сообщения могут быть грубыми и даже агрессивными, чтобы сообщение было замечено как можно большим количеством людей в избыточном информационном потоке. В капиталистических обществах в годы после Второй мировой войны этот вид рекламы становится основным и превращается в отдельную высокодоходную индустрию [15. С. 151—152]. По сценарию поэтессы должны были сковать себя наручниками в обувном магазине, где продается обувь для всей семьи, вести себя неадекватно и буйно, громко декламировать свои стихи феминистического толка и кричать, что семья — это атавизм, прошлый век, после чего их увезли бы в отделение полиции. Автором предложения стал Лев Хлыновски, неоднократный зачинщик акций в подобном формате, самопровозглашенный преподаватель дисциплины «Хайпанутый PR» [16]. По словам Хлыновски, участие в данной акции должно было увеличить показатели посещаемости страниц

данных авторов и их узнаваемости, так как агентство пригласило бы на проведение акции федеральные СМИ.

Однако в гонке за неординарным креативным решением может возникнуть противоречие между целями и способами их достижения, поскольку в коммуникационной деятельности цель — положительный имидж и репутация, доброе имя компании — не может быть оправдана средствами — эпатазирующими действиями, агрессивными и радикальными идеями в коммуникационных технологиях [10]. Обе поэтессы, универсантки СПбГУ, отказались от приобретения славы такой ценой, так как понесли бы серьезные репутационные издержки.

Благотворительность. Поэтесса Виктория Манасевич создает благотворительный проект «ПоЛИфония» в пользу нуждающейся в помощи Алины Стародубцевой [17]. Проект работает на арт-пиар самой поэтессы: Манасевич создает видеоклипы на стихи других авторов, которые распространяются по их блогам и после окончания активного периода акции.

Бартер. Благодаря Интернету объединяются разные типы акционального поведения: в цифровую эпоху старые методы привлечения внимания получают новую подачу. Поэт Арчет пригласил художницу Наталью Классен для аналогичной цели на организованный им «Свободный микрофон» [8]. Данная акция работает на потребительский аспект потенциальных выступающих: человек приходит на мероприятие, зная, что получит свой портрет бесплатно. Если же в анонсе мероприятия не говорится о том, что пришедшие получают тот или иной бонус, зрители все равно получают его в финале концерта, что становится для них приятным сюрпризом — это является большим репутационным плюсом.

Вандализм. Одним из спорных, но действенных способов арт-пиара является вандализм — собственноручная ATL-реклама с элементом административного правонарушения. Как сами поэты, так и их восторженные читатели пишут на стенах зданий, расположенных в местах с высокой проходимостью, строки из произведений, по которым в Сети можно найти автора. Так, придуманное нами в 2013 году слово «Веснадцать» и производный от него контекстуальный синоним фразы «С Днем рождения» — «С Веснадцатилетием» появилось на стене магазина «Буквоед» на Загородном проспекте г. Санкт-Петербурга [18]. По кодовому слову «Веснадцатилетие» несложно было выйти на одноименную книгу автора, вышедшую в издательстве «АСТ»: так автор приобрел несколько представителей новой аудитории, с которыми установил крепкий контакт благодаря нестандартной акции.

Фортуна. Солидную роль в современном арт-пиаре играет его величество случай, случайные возможности и умение ими пользоваться, извлекая из них выгоду для себя. В 2011 году поэт Арчет становится Триумф-лауреатом Всероссийской поэтической премии «Послушайте!» им. Велимира Хлебникова. Среди призов был следующий лот: наименование одной из улиц в коттеджном поселке близ Санкт-Петербурга именем победителя [19]. Это принесло поэту волну упоминаний в СМИ и значительный рост публичного капитала на всех его ресурсах.

Элитарность. Особым инструментом для арт-пиара является социальная сеть Telegram, вызывающая доверие пользователей из-за отсутствия ботов. Так, певи-

ца и поэт Екатерина Яшникова создает фан-клуб в виде закрытого Telegram-канала, куда можно попасть, заполнив форму Google-анкеты, доказав, что действительно являешься ее фанатом [20]. В закрытом канале Екатерина делится закулисами своей творческой жизни. Этот способ арт-пиара позволяет имитировать элитарность: читатель понимает, что, став частью закрытого сообщества, он оказывается причастным к процессу творчества, в то время как всем остальным доступен только конечный продукт.

М. Каримова, подводя итог собственной классификации медиастратегий в бизнесе, подчеркивает, что приведенные ею примеры не означают, что запуск аналогичных продуктив должен быть именно таким и осуществляться по определенной схеме и что они были даны исключительно с целью показа вариативности медиастратегий для запуска нового бренда на рынок [21. С. 132]. Отметим, что данная рекомендация универсальна для любых медиастратегий, включая относящиеся к поэтической сфере, так как конечной целью исполнителя акции является увеличение своих капиталов: финансового, публицитного или обоих сразу.

Исходя из проанализированных материалов, можно сделать следующие выводы: в завоевании как социальных сетей, так и офлайн-пространства современные поэты используют самые разнообразные инструменты арт-пиара во имя кросс-платформенной эффективности. Успех продвижения поэтической персоны зависит не столько от качества самих произведений, сколько от новаторского и креативного использования уже известных способов и средств продвижения, а также от способности адресанта синтезировать разные виды искусств, например, поэзию и каллиграфию для красивого оформления промописьма; поэзию и умелое владение SMM с учетом появления новых платформ для культурной репрезентации. В то же время следует заметить, что массовость вследствие применения перечисленных пиар-инструментов иллюзорна. Исключение — улица имени поэта и бум в СМИ по этому поводу, а также полные залы людей, пришедших благодаря раздаваемым в оживленных и культурных центрах города флаерсам на фестиваль «Всемирный день поэзии». Почти во всех остальных рассмотренных случаях поэзия остается искусством камерным, не массовым, привлекая лишь единицы и десятки, реже — сотни человек. Однако не стоит забывать о том, что публицитный капитал измеряется не только количественными, но и качественными показателями. Следовательно, неординарные пиар-акции с использованием новейших возможностей цифровой эпохи работают на создание личного бренда автора, его позитивное (или негативное, если акция провалилась) публицити и сторителлинг.

3. Заключение

Важно отметить, что творчество принадлежит миру искусства, а креатив — сфере коммуникаций и креатив использует внутренние ресурсы художественного текста для достижения поставленных целей; именно в этом заключается его специфика [10. С. 150]. Так, например, современного поэта могут запомнить и

полюбить, пока он жив, не по созданным им произведениям, но по новогоднему письму, полученному благодаря его личной рассылке «Почтой России», что заметно выделяет его персону из ряда медийных «зубров», не совершающих подобных поступков, которые свидетельствуют об индивидуальном подходе к каждому читателю/адресату. В эпоху угасания агрессивного маркетинга именно личный подход является выигрышным компонентом любой медиастратегии, особенно направленной на такую неоднозначную сферу арт-коммуникаций, как современная поэзия.

Список литературы

1. *Капилевич С.* Акция «Рифмы в городе» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-56921241_189 (дата обращения: 20.10.2019).
2. *Нилова Л.* Поп-арт маркетинг. Insta-грамотность и контент стратегии. М.: АСТ, 2017.
3. *Каверина Е.А.* Событийные коммуникации в пространстве культуры XX века // *Общество. Среда. Развитие.* СПб., 2014. № 2(31). С. 151—155.
4. *Каверина Е.А.* Художественный журнал Серебряного века как эстетический феномен. СПбГУ. Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа. Материалы II международной научно-методической конференции, 02—06 июля 2017 г. СПб.
5. *Гавра Д.П.* PR «дваноль» // *Научно-практический журнал «Корпоративная имиджология».* 2011. URL: <http://www.ci-journal.ru/article/596/pr-dvanol> (дата обращения: 20.10.2019).
6. *Шишкина М.А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Паллада-медиа, 2002.
7. *Ямбушев В.Ю.* Теоретико-методологический анализ публикации по проблемам формирования публичного капитала руководителя // *Коммуникология.* 2013. Т. 1. № 1. С. 52—57.
8. *Кудашова Ю.В.* Технологии формирования публичного капитала в политическом позиционировании региона // *Государственное управление. Электронный вестник.* 2011. Вып. 27. С. 1—10.
9. *Классен Н.* Объявление о рисовании выступающих [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/archet?w=wall428340_40014 (дата обращения: 20.10.2019).
10. *Каверина Е.А.* Игры с целью: феномен креатива // *Terra Humana.* М., 2011. № 30. С. 148—152.
11. *Данилова С.* Акция «Фабрика Писем», 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/stefaniadanilova?w=wall-33426079_28871 (дата обращения: 20.10.2019).
12. *Диваев А.* Акция «Письма в поддержку» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/id12035964?w=wall12035964_7517 (дата обращения: 20.10.2019).
13. Международный фестиваль «Всемирный день поэзии 21.03», официальная страница [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/wearepoetry21> (дата обращения: 20.10.2019).
14. Mash на Мойке. Хайпанутый пиар, обувь и феминизм [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/mash.moyka?w=wall-179189462_137209 (дата обращения: 20.10.2019).
15. *Антонович И.И.* Современный капитализм, социология кризиса: производство. Вышэйшая школа, 1987.
16. *Хлыновски Л.* Хайпанутый PR [Электронный ресурс]. URL: vk.com/hype_pr (дата обращения: 20.10.2019).
17. *Манасевич В.* Благотворительный видеопроjekt «ПоЛИфония» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/odnasoprano?w=wall-37502366_4155 (дата обращения: 20.10.2019).
18. Граффити «С Веснадцатилетием» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/stefaniadanilova?w=wall-33426079_35688 (дата обращения: 20.10.2019).
19. Арчет. «Орден в поэзии нет»: интервью с лауреатом премии «Послушайте!» [Электронный ресурс]. URL: <http://gaude.ru/news/15439> (дата обращения: 20.10.2019).

20. Яшников Е. Информация о вступлении в фан-клуб [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/kanokayanshi?w=wall3142958_26464 (дата обращения: 20.10.2019).
21. Каримова М. Медиастратегия продвижения нового брэнда // Рекламные идеи. М., 2004. № 5. С. 128—132.

References

1. Kapilevich, S. Aktsiya «Rifmy v gorode». Web. URL: https://vk.com/wall-56921241_189 (data obrashcheniya: 20.10.2019).
2. Nilova, L. 2017. Pop-art marketing. Insta-gramotnost' i kontent strategii. Moskva: AST. 288 s. Print. (In Russ.)
3. Kaverina, E.A. 2014. "Sobytiinye kommunikatsii v prostranstve kul'tury XX veka". Obshchestvo. Sreda. Razvitie 2(31): 151—155. Print. (In Russ.)
4. Kaverina, E.A. 2017. "Khudozhestvennyi zhurnal Serebryanogo veka kak esteticheskii fenomen. SPbGU". In Medialingvistika. Yazyk v koordinatakh massmedia. Materialy II mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, 02—06 iyulya 2017 g. Print. (In Russ.)
5. Gavra, D.P. 2011. "PR «dvanol'»". Nauchno-prakticheskii zhurnal «Korporativnaya imidzhelogiya». Web. URL: <http://www.ci-journal.ru/article/596/pr-dvanol> (data obrashcheniya: 20.10.2019).
6. Shishkina, M.A. 2002. Pablik rileishnz v sisteme sotsial'nogo upravleniya. SPb.: Pallada-media. 444 s. Print. (In Russ.)
7. Yambushev, V.Yu. 2013. "Teoretiko-metodologicheskii analiz publikatsii po problemam formirovaniya pablitsitnogo kapitala rukovoditelya". Kommunikologiya 1 (1): 52—57. Print. (In Russ.)
8. Kudashova, Yu.V. 2011. "Tekhnologii formirovaniya pablitsitnogo kapitala v politicheskom pozitsionirovanii regiona". Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik 27: 1—10.
9. Klassen, N. Ob»yavlenie o risovanii vystupayushchikh. Web. URL: https://vk.com/archet?w=wall428340_40014 (data obrashcheniya: 20.10.2019).
10. Kaverina, E.A. 2011. "Iгры s tsel'yu: fenomen kreativa". Terra Humana 30: 148—152. Print. (In Russ.)
11. Danilova, S. 2013. Aktsiya «Fabrika Pisem». Web. URL: https://vk.com/stefianidanilova?w=all-33426079_28871 (data obrashcheniya: 20.10.2019).
12. Divaev, A. Aktsiya "Pis'ma v podderzhku". Web. URL: https://vk.com/id12035964?w=wall12035964_7517 (data obrashcheniya: 20.10.2019).
13. Mezhdunarodnyi festival' «Vsemirnyi Den' Poezii 21.03», ofitsial'naya stranitsa. Web. URL: <https://vk.com/wearepoetry21> (data obrashcheniya: 20.10.2019).
14. Mash na Moike. Khaipanutyi piar, obuv' i feminism. Web. URL: https://vk.com/mash.moyka?w=wall-179189462_137209 (data obrashcheniya: 20.10.2019).
15. Antonovich, I.I. 1987. Sovremenniy kapitalizm, sotsiologiya krizisa: proizvodstvo. Vysheishaya shkola. Print. (In Russ.)
16. Khlynovski, L. Khaipanutyi PR. Web. URL: vk.com/hype_pr (data obrashcheniya: 20.10.2019).
17. Manasevich, V. Blagotvoritel'nyi videoproekt «PoLIfoniya». Web. URL: https://vk.com/odnasoprano?w=wall-37502366_4155 (data obrashcheniya: 20.10.2019).
18. Graffiti «S Vesnadsatiletiem» [Elektronnyi resurs] URL: https://vk.com/stefianidanilova?w=all-33426079_35688 (data obrashcheniya: 20.10.2019).
19. Archet. «Ordenov v poezii net»: interv'yu s laureatom premii «Poslushaite!». Web. URL: <http://gaude.ru/news/15439> (data obrashcheniya: 20.10.2019).
20. Yashnikova, E. Informatsiya o vstuplenii v fan-klub. Web. URL: https://vk.com/kanokayanshi?w=wall3142958_26464 (data obrashcheniya: 20.10.2019).
21. Karimova, M. 2004. Mediastrategiya prodvizheniya novogo brenda // Reklamnye Idei 5: 128-132. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Данилова Стефания — аспирант Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, кафедра рекламы Санкт-Петербургского государственного университета, член Союза писателей РФ. E-mail: ichwerdewarten@gmail.com

Бильченко Евгения Витальевна — доктор культурологических наук, доцент Национального педагогического университета им. Драгоманова (Киев, Украина). E-mail: yevzhik80@gmail.com

Bio Note:

Stefania Danilova is a graduate student of the Higher School of Journalism and Mass Communications, Department of Advertising, St. Petersburg University, Member of Russian Writers' Union. E-mail: ichwerdewarten@gmail.com

Evgenia V. Bilchenko is a Doctor of Cultural Studies, Associate Professor of the National Pedagogical Dragomanov University (Kiev, Ukraine). E-mail: yevzhik80@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-231-244

Научная статья

Мотивы дома и бездомья в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

М.Б. Елеусизова

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Республика Казахстан, 050040, Алматы, Аль-Фараби, 71

Статья посвящена исследованию комплексного мотива «дом-антидом» в произведении Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». Исследуя мотив как ключевую единицу нарратологии, автор приходит к выводу, что в поэтике Достоевского особую роль занимают антиномичные мотивы, разнонаправленный семантический потенциал которых способствует усложнению поэтической диалектики писателя. Так, мотив дома в романе Достоевского неразрывно связан с мотивами бездомья, скитальничества, поиска своего места в мире героями произведения. Каждый из героев романа является «носителем функции мотива» дома. Образ старика Карамазова сопряжен с идеей десакрализации дома как интимного, семейного пространства. Каждый из братьев находится в ситуации транзитности, не имея, по формулировке Ю.М. Лотмана, закреплённости за определенным топосом. Бездомье становится для героев произведения отправной точкой духовного поиска. Используя методы лингвопоэтического и литературоведческого анализа, автор статьи делает вывод о том, что мотивы дома-антидома в романе «Братья Карамазовы» эксплицируют идею писателя о человеке и его месте в мире, а в более широком смысле — о прошлом и будущем России, утратившей связь с предшествующими поколениями и веру в Бога.

Ключевые слова: мотив, антимотив, поэтика, мотив дома, «Братья Карамазовы», Достоевский

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24.12.2019

Дата принятия к печати: 09.02.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Елеусизова М.Б. Мотивы дома и бездомья в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 231–244. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-231-244

© Елеусизова М.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Motives of Home and Homelessness in the Novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”

M.B. Yeleussizova

Al-Farabi Kazakh National University
71, Al-Farabi, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

The article is devoted to the study of the complex motive “home-antidome” in the work of F. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. Studying the motive as a key unit of narratology, the author comes to the conclusion that in Dostoevsky’s poetry a special role is played by antinomic motives, the multidirectional semantic potential of which contributes to the complexity of the poetic dialectic of the writer. Thus, the motive of the home in Dostoevsky’s novel is inextricably linked with the motives of homelessness, wandering, the search for the place in the world by the heroes of the novel. Each of the heroes of the novel is a “bearer of the motive function” of home. The image of old Karamazov is associated with the idea of desacralizing the house as an intimate, family space. Each of the brothers is in a transit situation, not having, according to the thesis of Yu.M. Lotman, fastening to a certain topos. Homelessness becomes for heroes of the work the starting point of a spiritual search. Using the methods of linguistic-poetic and literary analysis, the author of the article concludes that the motives of the anti-home in the “Brothers Karamazov” novelty explicate the writer’s idea of a person and his place in the world, and in a broader sense, of the past and future of Russia, which has lost touch with previous generations and faith in God.

Key words: motive, anti-motive, poetics, motive of home, “The Brothers Karamazov”, Dostoevsky

Article history:

Received: 24.12.2019

Accepted: 09.02.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Meruert B. Yeleussizova. 2020. “Motives of Home and Homelessness in the Novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov””. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 231–244. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-231-244

1. Введение

Мотив как единица нарратологии

Мотив — термин, перешедший в литературоведение из музыковедения. Это «наименьшая самостоятельная единица формы музыкальной» [1. С. 357]. В музыке является ключевым при выявлении композиции. По аналогии с музыковедением мотив в литературоведении имеет свойства вычленяемости из целого и повторяемости в многообразии вариаций.

В литературоведении термин впервые употребляется еще И.В. Гёте и Ф. Шиллером в их статье «Об эпической и драматической поэзии» [2. С. 351]. Авторы выделяют мотивы пяти видов: «устремляющиеся вперед, которые ускоряют действие»; «отступающие, которые отдаляют действие от его цели»; «замедляющие, которые задерживают ход действия»; «обращенные к прошлому»; «обращенные к будущему, предвосхищающие то, что произойдет в последующие эпохи» [2. С. 351].

Впервые понятие мотива теоретически обосновано в «Поэтике сюжетов» А.Н. Веселовского. Исследователя интересовала повторяемость мотивов в повествовательных жанрах разных народов. «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения. При сходстве и единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» [3. С. 305].

По мнению ученого, различные комбинации мотивов составляют сюжет. В отличие от мотива, сюжет мог заимствоваться (ср.: бродячие сюжеты). В сюжете каждый мотив играет свою роль; он может быть основным, второстепенным, эпизодическим. Часто сюжет может быть «свернут» до определенного мотива. Веселовский отмечал склонность великих художников слова с помощью «гениального поэтического инстинкта» использовать сюжеты и мотивы, уже подвергавшиеся поэтической обработке. «Они где-то в глухой темной области нашего сознания, как многое испытанное и пережитое, забытое и вдруг поражающее нас, как непонятное откровение, как новизна и вместе старина, в которой мы не даем себе отчета, потому что часто не в состоянии определить того психического акта, который негаданно обновил в нас старые воспоминания» [3. С. 70].

Тезис Веселовского о неразложимости мотива был пересмотрен В. Проппом, продемонстрировавшим разложение мотива «Змей похищает дочь царя» [4. С. 21]. Первичными элементами мотива Пропп считает функции действующих лиц. «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [4. С. 31]. Функции повторяются и могут быть сосчитаны. По Проппу, в соответствии с функциями все персонажи могут быть распределены на следующие типы: вредитель, даритель, помощник, искомый персонаж, отправитель, герой, ложный герой.

К изучению мотива наука о литературе пришла в конце XIX — начале XX века, что было связано с исследованием элементарных, идейно неделимых структур произведения. Веселовский рассматривал мотивы как формулы, запечатлевшие самые яркие «моменты» текста, «образный одночленный механизм» [3]. Мотив двигает сюжет и потому является первоосновой повествования. Критику трактования мотива, данного Веселовским, предложил В.Я. Пропп в «Морфологии сказки». Ученый полагал, что мотив разложим, каждая фраза сказки есть мотив. Пропп предложил заменить понятие мотива на «функцию действующего лица». Б.И. Ярхо отметил, что мотив есть деление сюжета, границы которого определяются исследователем произвольно. Выводом ученого стал тезис о том, что мотив — по-

тайной конструкт произведения, помогающий исследователю уловить типологическое сходство различных произведений [5].

С мнением Ярхо соглашается исследователь А.Л. Бем, указывая на инвариантное начало в структуре мотива. «Важно найти такое определение этого термина, — полагает А. Бем, — которое давало бы возможность выделить его в любом произведении, как глубокой древности, так и современном... Мотив — это предельная ступень художественного отвлечения от конкретного содержания произведения, закрепленная в простейшей словесной формуле» [6. С. 231].

А.И. Белецкий пытается решить проблему инвариантного мотива и его конкретных фабульных репрезентаций в своей работе «В мастерской художника». Ученый различает два типа мотивов — «схематический» и «реальный» [7].

По мнению А. Дандеса, последователя В.Я. Проппа, мотив — исключительно классификационная категория, необходимая ученому для удобства работы с эмпирическим материалом. Она не относится к эмическим элементам, т.е. тем узловым точкам текста, которые даны в объективной реальности и работают как единая система [8]. Иной взгляд на мотив предлагает Б.Н. Путилов, утверждая, что это сюжетобразующий элемент, «слагаемое» сюжетной системы [9].

Б.В. Томашевский считает, что мотив — это «тема неразложимой части». Сочетаясь между собой, мотивы определяют тематическую систему произведения. Для фабулы имеют значение только связанные мотивы [10].

Для А.П. Скафтымова мотив схематичен, целостен и неделим. В новейшем литературоведении мотив апеллирует не только к тексту, но и к индивидуальному творчеству писателя [11].

По мнению И. Силантьева, мотив как единица художественного произведения неразрывно связан с общими элементами нарратологии — сюжетом, фабулой и др. Ученый полагает, что мотив — это обобщение событий, т.е. единица повествовательного языка как такового. Следовательно, он обладает фабульными и сюжетными функциями. Природа мотива предикативна и неразрывно связана с актантами — действующими героями произведения. Именно благодаря этому мотив и воплощает свои «движущие» сюжет функции. Мотив репрезентуется в художественном тексте через сюжетную связь с героем и нить совершаемых им поступков. Он также может быть явлен через хронотопическую модель текста: в этом случае раскрываются его «обстоятельственные» функции. Сама структура мотива требует его семантического заполнения событийными признаками текста. Мотив может нести в себе как предикативное начало (например, мотив преступления и наказания), а может обладать хронотопическими признаками (мотив дома). И. Силантьев полагает, что мотив неотделим от темы произведения. «Сформулируем системное определение мотива: это повествовательный феномен, соотносящий в своей семантической структуре предикативное начало фабульного действия с его актантами и определенными пространственно-временными признаками, инвариантный в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантный в своих событийных реализациях в фабулах, интертекстуальный в своем функционировании и обретающий эстетически значимые смыслы в рамках сюжетных контекстов» [12. С. 37].

Набор фабульных вариантов мотива может быть многочисленным. Каждый вариант мотива в произведении дополняет другие. В каждом случае художественного повествования мотив влияет на фабульную систему текста и выражается в формировании события как такового. Мотив также связан с прагматикой произведения через сюжет. Именно в сюжетике мотив раскрывается как окончательный художественный смысл эстетического целого. Он становится в этом случае элементарной единицей художественного высказывания. Силантьев полагает, что анализ мотива строится на трех базовых принципах:

1) мотив может быть подвергнут анализу в континууме своих фабульно-сюжетных реализаций;

2) описание мотива охватывает все аспекты его семиотико-эстетической природы;

3) мотив следует рассматривать в его инвариантном и варианном аспектах с учетом синтагматики и прагматики [12. С. 43].

Так, глава «Семейная сходка» в романе Ф. Достоевского может быть рассмотрена в аспекте мотива встречи, так как мы видим здесь пересечение событийных элементов фабулы и представляющих их актантов, а также релевантность (значимость) встречи для каждого из действующих лиц. В данном случае встреча является не случайной, а инициированной. Признаки встречи описывают ее как ожидаемую. Фабульно значимым моментом для этой главы является место встречи — определенный топос, скит старца Зосимы. Коннотации мотива встречи для каждого из действующих лиц различны. Алеша воспринимает пространство как «свое» (дом), братья — как нейтрально-враждебное, старик Карамазов — как «враждебное». Затянутость мотива встречи способствует раскрытию природы каждого персонажа.

Таким образом, мотив обладает семантической насыщенностью и устойчивым набором значений. По мнению Веселовского, мотивы стабильны и бесконечно повторяемы. Это общее достояние словесного искусства. Зачастую мотив вынесен в заглавие произведения. Так, название романа «Братья Карамазовы» связано с мотивом братства, но это братство «каиново», отчасти греховное. До семейной сходки братья практически не знают друг друга. Так, Алеша и Иван в главе «Братья знакомятся» впервые беседуют перед отъездом Ивана в Москву. Наличие в каждом из них «карамазовской чревоотчины» — единящее начало между ними. Фамилия братьев — говорящая. Неслучайно Алешу в сердцах называют «Черномазовым», несмотря на то, что из всех троих он самый чистый в поступках и помыслах.

Как видим, изучение мотива очень продуктивно для литературоведения, так как способно дать исследователю представление и об основной идее произведения, и о сверхзадаче автора.

Обобщим. Мотив — единица художественного текста, которую справедливо можно назвать двигателем сюжета. По мнению некоторых исследователей (см., например, работы А. Веселовского), мотив нечленим, т.е. неразложим на более простые в пропозиционном отношении элементы. Однако современная нарратология склонна не соглашаться с данным тезисом, выдвигая контраргумент:

мотивом может выступать каждое отдельное слово художественного текста. Соглашаясь с И. Силантьевым, отметим, что за мотивом закреплены такие свойства, как повторяемость и акцентуация. Мотив так или иначе акцентирован в художественном тексте через набор определенных коррелятов — связанных с ним идейно и тематически элементов.

Взаимодействуя между собой, мотивы образуют сложную структуру художественного целого, благодаря которой исследователь вступает в герменевтический круг (М. Хайдеггер) понимания более подготовленным. Особенно важно это учитывать при работе с полифоническим текстом, т.е. текстом не только «многоголосым» с точки зрения системы литературных героев, но и разностилевым. К таким текстам в первую очередь относятся произведения Ф.М. Достоевского, в том числе «великое пятикнижие».

Поэтика Достоевского чрезвычайно сложна. Это обусловлено не только фактом разработки полифонического романа, но философским базисом творчества писателя. В его основе — народническая идеология, отказ от плоского позитивистского мышления, пристальное внимание к концепциям субъективного идеализма.

В художественном мире Достоевского практически отсутствуют «однополярные», линейные мотивы. Все они так или иначе либо бинарны (т.е. имеют оппозицию), либо антиномичны (т.е. оппозиционны друг другу, но неразрывно связаны, что, собственно, и движет заложенное в них (или между ними) смысловое ядро). Таковы мотивы дома и бездомья. Попытаемся рассмотреть их на примере романа «Братья Карамазовы».

2. Обсуждение

В романе происходит десакрализация дома и связанных с ним образов. Образ дома Федора Карамазова атрибутирован негативными характеристиками: вертеп, содом, дом разврата. Это дом, у которого нет хозяйки (обе жены Федора Карамазова скончались в молодом возрасте) и в котором нет детей (несмотря на то, что у старика Карамазова четверо сыновей). Дом не выполняет своей сакральной функции — защищать и оберегать тех, кто находится в его пределах. Таким образом, мотив дома связан с мотивом бездомья, сиротства, скитальничества и, что парадоксально, мотивом возвращения. Именно с момента возвращения братьев в отцовский (заметим, не отчий) дом начинаются драматические в жизни «случайного семейства» события.

Никто из братьев, кроме Смердякова, не задерживается в доме надолго. Большая часть жизни в Скотопригоньевске проходит для них в транзитных местах — на постоянных дворах, в кабаках, на «трущобных» улицах, в других домах. Таким образом, дом отца для сыновей оборачивается «антидомом». Что немаловажно для Достоевского, это дом, где утрачена всякая связь с Богом, «разделенный в самом себе». Иконостас, у которого часами стояла «кликуша-мать» Ивана и Алеши, превращен в элемент интерьера: его используют для освещения дома в ночное время. Семантический комплекс «дом» можно разложить на несколько уровней: дом как жилище, дом как семья, дом как духовное пространство, антидом.

Для Достоевского особенно важен образ дома как духовного пространства. Антидом, в свою очередь, характеризуется не только транзитностью, но и антиповедением героев, в том числе «юродивых».

Каждого из героев текста можно назвать носителем какой-либо идеи, связанной с домом и антидомом. Дом как духовное пространство связан с идеей Бога. Герои (за исключением Алеши) утратили связь с Богом. Их можно охарактеризовать как неприкаянных, бездомных.

Исследователи полагают, что бездомность героев Достоевского — это в первую очередь бездомность духовная, метафизическая, связанная с мотивом духовного странничества. Духовное странничество с его отрывом от мест, семьи, дома открывает нам образы вечных скитальцев, впервые разработанные еще А.С. Пушкиным.

Мотивы скитальничества и оторванности от семьи и Бога представлены и в романе «Бесы». В. Набоков назвал это произведение романом «о русских террористах», построенным на принципах драматургии. «В романе видели глубокое проникновение в характеры людей, сбитых с толку своими идеями, которые завели их в трясины, где они и погибли».

Главные герои романа избрали дьявольское, отказавшись от Бога. Они совершают безнравственные поступки, вторгаясь в чужие дома. Так, Ставрогин, живя в Петербурге, предается разврату. Он способствует распаду семьи Лебядкиных, которые тоже обитают в неблагополучном доме. Художник описывает его как место, где повсюду грязь, сырость, нет порядка. Помещательство Лебядкиной, постепенное нравственное разложение ее брата ведут к крушению жизни целого семейства. Второй дом Лебядкиных, «не обшитый тесом», дом за рекой — показатель мифопоэтического перемещения семьи в иной мир.

Понятие антидома у Достоевского связано не только с внешним бездомьем, десакрализацией функции жилища, но и с внутренней неубранностью героев, одиночеством, идеей оторванности от своих корней, отдалении от духовного начала.

Это возвращение к хаосу, торжество энтропии, которое невозможно гармонизировать без обращения к мотиву дома, веры, Бога.

Достоевский — создатель совершенно новаторской для своего времени поэтики. Он привнес в литературу не только новые жанры, но и новое понимание героя и его видения мира. Отчасти Достоевский наследовал диалогическую поэтику предшественников — представителей европейской художественной школы, однако смог углубить ее и разработать новый тип романа, который М.М. Бахтин назвал полифоническим. По мнению ученого-философа, это стало существенным сдвигом в истории всей мировой литературы, так как объект изучения — Человек — предстал перед исследователем как мыслящее существо, субъективированное сознание, наделенное способностью к внутреннему диалогическому мышлению: «...мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера бытия этого сознания во всей сей своей глубине и специфичности недоступны монологическому художественному подходу. Они стали предметом подлинно художественного изображения впервые в полифоническом романе Достоевского» [13. С. 299]. Полифонический роман существенно обогатил уже существующие прозаические

жанры и предъявил новые требования к жанру романа. Герой оказался в позиции отстранения от авторского сознания и обрел свой собственный голос — внешний и внутренний. В текстах Достоевского нет завершенных авторским видением субъектных образов (как, например, в творчестве Л.Н. Толстого). Каждый из героев говорит за себя сам, представляя миру собственную систему ценностей, идей и концепций. Неслучайно Бахтин настаивает на том, что герой у Достоевского — это и есть идея, однако идея, не тождественная авторской позиции. С позицией автора соглашается В. Набоков в «Лекциях по русской литературе», называя героев Достоевского облаченными в персонажей идеями, а сам роман его — романом идей (Набоков).

Как пишет Л.Я. Гинзбург, Достоевский «постоянно подчеркивал свой интерес к текущему моменту, к злобе дня и неостывшему газетному материалу. Он считал себя призванным изображать типы современного сознания, и в особенности тип того нового человека, которого он назвал “героем из случайного семейства”» [14. С. 334].

Достоевский — мастер парадокса. Пополняя галерею литературных типажей, он создает «подпольного человека», но параллельно трудится над образом Мечтателя — особой разновидности «ненужного человека», продолжающего линию его «бедных людей». Постепенно его герои перестают быть схематичными, обретая некоторую диалектичность. Таков, например, Федор Павлович Карамазов — «хапуга», «старый шут», любитель разгульной жизни. Неслучайно в романе «Братья Карамазовы» ему отведено особое место; отец — один из базовых образов культуры. Это маскулинный архетип, включающий в себя такие смыслы, как «начало», «покровительство», «столп». Фамилия «Карамазов», как мы отмечали, говорящая. Она имеет в своем составе эпитет «кара», что означает «черный». По мнению исследователей, Достоевский ознакомился с тюркско-татарскими словами в Сибири. Показательно, что в черновиках писателя герой не имеет еще имени. Оно появилось лишь в окончательной редакции романа; изначально Достоевский называет своего героя собирательным «помещик». Как пишет Т.В. Глазкова, Федор Павлович — репрезентация «отцов» как типа, уходящего в прошлое [15]. Это безличная стихия жизни и пола. Безличная природная стихия маскулинности представлена в образе Федора Павловича как данность, причем данность биологическая. Он имеет «отвратительно-сладоэротичный вид», брызжет слюной, когда говорит, отличается двумя знаковыми портретными характеристиками — «длинным кадыком» и «римским профилем». В его фигуре проглядывают черты фавна и сатира. Его отношениями с женщинами управляют похоть и страсть. Отличительной чертой его натуры является «добровольное шутовство». Однако природа этого шутовства достаточно сложна: это уязвленное достоинство, мнительность, стыд, упоение собственным позором (вспомним сцену встречи со старцем Зосимой). Что характерно для Достоевского, в романе присутствует двойник Федора Павловича — купец Самсонов, содержащий на своем попечении Грушеньку. Критики называют Карамазова «нечистым животным, которому природа дала возможность восхитить человеческое существо». Однако даже Ф. Кафка записал о нем: «Отец Карамазов отнюдь не дурак, он очень умный, почти равный по уму Ивану, но очень злой человек» [15. С. 427].

В «Братьях Карамазовых» его функции отцовства не осуществились в полной мере, он не занимался воспитанием детей (неслучайно заглавие романа содержит ключевой элемент — братья, но совершенно не подразумевает отца и матери). Так как мы исследуем в нашей работе мотив дома, подчеркнем, что дом неразрывно связан с атрибутирующим его концептом — «семья». В первой же части романа, названной «История одной семейки», читатель понимает, что его ожидает знакомство с неблагополучной семьей. Действительно, союз Федора Павловича и Аделаиды Ивановны, рождение старшего сына Мити, смерть Аделаиды Ивановны нанизываются на нить повествования последовательными пропозициями (развернутыми ситуациями). В центре внимания автора оказывается маленький Митя — ребенок, лишенный материнской любви и отцовского внимания, живущий у сторожа Григория. Опекунство дяди, Петра Александровича Миусова, не заменило Мите семьи. С первых страниц романа Митя представлен как «сирота», оставленный на присмотр слуг. Меняя «гнезда», Митя увидел отца лишь после совершеннолетия; мы сталкиваемся здесь с мотивом бездомья, который является для нашего героя одним из ключевых в романе.

Считается, что у Дмитрия был реальный прототип, историю которого Достоевский узнал на каторге и впервые описал в «Записках из Мертвого дома» — Дмитрий Ильинский. «Он был из дворян, служил и был у своего шестидесятилетнего отца чем-то вроде блудного сына. Поведения он был совершенно беспутного, ввязался в долги». Показательно, что в черновиках он носит еще имя Ильинского. История мнимого отцеубийцы Ильинского стала для Достоевского стимулирующей точкой фабулы. Отдельные черты его природы (страсть к Шиллеру, любовь к кутежам и женщинам) были списаны с другого реального прототипа — Аполлона Григорьева.

Показательно, что важнейшие этапы жизни Дмитрия опираются на житийную традицию, в частности на житие Ефрема Сирина. Один из периферийных героев романа, Ракитин, говорит о нем: «Он сладострастник. Вот его определение и вся его внутренняя суть». Сам Достоевский, однако, ассоциирует Митю с добрым молодцем, которого преследует Горе, проводя параллель с героем древнерусской «Повести о Горе-Злосчасти». В девятой книге прокурор «излагает душу Мити», однако, как отмечает М. Бахтин, «подлинный Дмитрий остался вне их суда» (он сам себя будет судить). Суд героя над собой оправдан Достоевским. Герой не убивал, но хотел убить, что является достаточным основанием для признания вины и последующего наказания. Дмитрий наказан за внутреннее намерение и считает наказание справедливым, что ставит его в ряд «преступных героев» Достоевского. «Горячее сердце» Мити, его страстная натура, толкающая его на необдуманные слова и поступки, сочетаются в нем с внутренним благородством.

Показательно, что трагедия Дмитрия преломляется сквозь искаженное ненавистью восприятие отца. Столкновение героев в келье старца Зосимы задумано Достоевским как антитеза идее Н. Федорова о том, что в преображенной вселенной плотская любовь трансформируется в родственную и сыновью, возвращающую жизнь отцам. Дмитрий так и остается скитальцем-сиротой.

Похожая судьба ожидает и детей Федора Павловича от второго брака — Ивана и Алексея, также рано лишившихся матери. Сироты, взятые на воспитание гене-

ральшей, вскоре оказываются на попечении предводителя дворянства губернии, Ефима Петровича Поленова. Автор ставит перед читателем вопрос: отчего вернулся в «безобразный дом» отца умный и угрюмый Иван и какая роль отведена в повествовании «раннему человеколюбцу» Алеше, возвратившемуся в отцовский «вертеп разврата»?

Как пишет Л.Я. Гинзбург в своей работе «О литературном герое», даже такие «витиеватые» герои, как братья Карамазовы, имеют палимпсестную структуру: сквозь каждого из них проглядывает архетип: Митя — «разгульная русская душа», Иван — рефлексирующий интеллигент, Алеша — праведник [14].

В черновых записях Достоевского Иван Карамазов появляется под следующим определением: «ученый», «убийца». Последнее намекает на то, что реальным убийцей является не Смердяков, а почтительный сын, богоборец Иван. Неслучайно Федор Павлович называет сына именем шиллеровского героя Карла Мора. Почтительный Иван, скрывающий презрение к отцу, и идейный отцеубийца Дмитрий занимают в композиции романа такое же положение, что и братья-враги в «Разбойниках». Достоевский расширяет культурный контекст бытования своего героя, сравнивая его с Фаустом Гёте и Кандидом Вольтера. Образ Ивана — развитие в творчестве Достоевского героя-бунтаря, настаивающего на пересмотре существующих в обществе нравственных устоев. Фигура его сложна и противоречива. Воспитываясь в чужой семье, он обнаружил блестящие способности. Изучал в университете естественные науки, зарабатывал на жизнь грошовыми работками. Алеша говорит: «Иван — загадка». Поведение Ивана двусмысленно: будучи атеистом, он пишет работу о теократическом устройстве общества, внушает отцу мысль разрешить семейный конфликт посредством старца Зосимы, разрывается между верой и неверием (в келье старца горячо целует ему руку). Раздвоенность сознания героя достигает апогея в его разговоре с чертом. Характерно, что Иван отрицает не Бога, а «благодать его», «мир, им созданный». Важнейшая роль Ивана в романе обусловлена уже тем, что ему Достоевский приписывает авторство «Поэмы о великом Инквизиторе» — вершину своих религиозных исканий. У Ивана в романе два двойника — черт и Смердяков, снижающий божескую красоту его идеи до уголовного преступления.

Особая роль в романе отведена двадцатилетнему Алеше, осиротевшему в четыре года. Его считали за «решительно родное дитя» в чужой семье Поленова. За год до окончания губернской гимназии Алеша решает стать послушником, избирая себе в наставники старца Зосиму. Объявленный в предисловии главным героем романа, Алеша выполняет, скорее, роль конфидента других действующих лиц. Он — их воплощенная совесть. Такое положение дел обусловлено тем, что изначально Достоевским задумывалось два романа, причем главным, рассказывающим о деятельности Алеша уже «в наше время», должен был стать второй роман. Если на уровне фабулы жизнь Алеша достаточно скудна событиями, то духовно она ими переполнена. В течение нескольких дней ему выпало пережить смерть духовного наставника старца Зосимы, убийство отца, социально-нравственный разлад брата Дмитрия, духовный кризис брата Ивана, самоубийство Смердякова, гибель Илюшечки Снегирева. Все эти события происходят на фоне

духовных прозрений и мучительных исканий как самого Алеши, так и окружающих его людей. Старец Зосима рассказывает Алеше о «мирах иных», Федор Иванович спрашивает, «есть ли в аду крючья», брат Иван рассказывает свою поэму. Даже обольстительница Грушенька делится с Алешей притчей о луковке. Сам он у гроба старца переносится в экстазе в евангельскую обстановку и видит Христа. Герой все время балансирует на грани бездны, он должен сделать выбор между верой и неверием. Изначально Алеша задумывался как философ, также как и Иван. Однако доминантой его характера Достоевский решил сделать «мудрость сердца». Его присутствие в романе очищает и облагораживает остальных героев. Алеше принадлежит текст жития старца Зосимы «Русский инок», являющийся контраргументом к «Великому Инквизитору». Действие второго романа Достоевского должно было развернуться в год тридцатитрехлетия Алеши, что является явной параллелью с жизнью Христа и ставит героя в ряд «хриstopодобных героев» Достоевского. Первый роман, таким образом, следует прочитывать как текст об искушении веры, кульминация которого — седьмая книга, «Алеша».

Особую функцию выполняет в романе четвертый брат (отметим, не Карамазов) — незаконнорожденный Смердяков. Рожденный от городской юродивой Лизаветы Смердящей, он служит лакеем у собственного отца. Его фамилия указывает на нравственные характеристики и во многом показательна. Исследователи полагают, что образ Смердякова собирателен и рожден из записей Достоевского, озаглавленных как «Словечки»: «малообразованные, но уже успевшие окультуриться люди, окультуриться хотя бы только слабо и наружно, всего только в каких-нибудь привычках своих, в новых предрассудках, в новом костюме, — вот эти-то и начинают именно с того, что презирают прежнюю среду свою, свой народ и даже веру его, иногда даже до ненависти» [15. С. 377]. Предшественником Смердякова в творчестве Достоевского был лакей Видоплясов из «Села Степанчиково». В мировой литературе прототипом его стал Жабер из «Отверженных» В.Гюго. Введение в повествование Смердякова, отцеубийцы, позволило писателю психологически углубить образ Ивана Карамазова. Поэтому Достоевский придает огромное значение мотивированности трех свиданий героев и каждому из них посвящает отдельную главу.

Итак, мы рассмотрели центральных героев романа Достоевского, имеющих непосредственное отношение к исследуемому нами архетипическому мотиву дома.

Впервые описание дома Федора Павловича мы встречаем в книге третьей, «Сладострастники»:

Дом Федора Павловича Карамазова стоял далеко не в самом центре города, но и не совсем на окраине. Был он довольно ветх, но наружность имел приятную: одноэтажный, с мезонином, окрашенный серенькою краской и с красною железною крышкою. Впрочем, мог еще простоять очень долго, был поместителен и уютен. Много было в нем разных чуланчиков, разных пряток и неожиданных лесенок. Водились в нем крысы, но Федор Павлович на них не вполне сердился: «Все же не так скучно по вечерам, когда остаешься один». А он действительно имел обыкновение отпускать слуг на ночь во флигель и в доме сам запирался один на всю ночь. Флигель этот стоял на дворе, был обширен и прочен; в нем же определил Федор Павлович быть и кухне, хотя кухня была и в доме: не любил он кухонного запаха, и кушанье приносили через двор зимой и

летом. Вообще дом был построен на большую семью: и господ, и слуг можно было бы поместить впятеро больше. Но в момент нашего рассказа в доме жил лишь Федор Павлович с Иваном Федоровичем, а в людском флигеле всего только три человека прислуги: старик Григорий, старуха Марфа, его жена, и слуга Смердяков, еще молодой человек.

Помня о том, что художественный образ изоморфичен, мы можем сделать некоторые предварительные выводы о доме старика Карамазова. Ветхость его соотносима с возрастом самого «старого шута». Обилие потайных чуланчиков и лесенок свидетельствует о множественных «затемненных» уголках души старика. Пустующая во все времена года кухня и нелюбовь Карамазова к запахам свидетельствует о бессемейности «старого распутника», так как испокон веков кухня, а в особенности «государыня-печь» наделялась у русского народа символикой домашнего очага и воспринималась как сердце любого жилого помещения.

Для христианина дом являлся не только земным пристанищем, но и местом молитвы, уединенного общения с Богом. В каждом доме присутствовал иконостас. В доме же Карамазова лампадка перед иконами зажигалась не ради молитвы, но для освещения помещения на ночь. Мы видим здесь десакрализацию смысла: дом Карамазова — это место, в котором нет места Богу. В воспоминаниях Алеши дом разделен на две части — карамазовскую, «распутную», куда отец приводил дурных женщин, и священную, где перед иконами стояла на коленях его рано умершая мать.

Большую часть времени дом пустует. Хозяин предпочитает жить в нем обособленно. Дом в данном случае не выполняет своей базовой функции — служить местом пристанища для карамазовской «семейки». Дмитрий обитает в гостинице, Алеша живет в монастыре. В отцовский дом нельзя «прийти». В него можно «ворваться» (как это делает Дмитрий), «быть впущенным» (как в случае с Иваном) или «явиться по приглашению» (Алеша). В первой книге романа очерчиваются такие мотивы, как дом, бездомье, сиротство, приживальничество. У героев нет своего строго обозначенного места в мире. Образ Дмитрия вписан в контекст наемного жилья, «грязных, вонючих переулков», трактиров и улиц неблагополучного городка Скотопригоньевска (отметим, что название города читатель узнает лишь в самом конце романа). Алеша обитает в скиту вместе с почитаемым им старцем Зосимой, выходя в мир через лес — сакральное пространство между миром обыденным и миром священным, монастырским. Мотив пересечения леса — архетипический, он наделяет образ Алеши чертами героя русской сказки. Это неслучайно: именно Алеше по завету старца Зосимы предстоит привнести благодать в «семейку», внутри которой «мира нет»:

- Благословите здесь остаться, — просящим голосом вымолвил Алеша.
- Ты там нужнее. Там миру нет.

Миусов называет семейку Карамазовых «сумасшедшим домом» и отказывается быть к ней причастным.

По мысли Достоевского, герой его эпохи — бесприютный скиталец, оторванный от своих корней. Мотив «мертвого дома» — один из базовых для писателя; это дом, утративший связь с хранимым им семейством и Богом. Многие герои

романа живут, как «подпольные люди». Такова семья отставного штабс-капитана Снегирева, называющего свой дом «недрами». Действительно, это ветхий, неопрятный дом с затхлым запахом, из которого более всего хочется вырваться «на свежий воздух».

Не имеет своего дома и гордая Катерина Ивановна, живущая у теток. В некотором смысле неполноценен дом госпожи Хохлаковой, матери экзальтированной и болезненной Лизы.

Таким образом, мотив дома неразрывно связан в романе Достоевского с мотивом бездомья, с утратой веры в Бога, с идеей распада семьи.

3. Заключение

Мотив дома в романе «Братья Карамазовы» неразрывно связан с мотивом бездомья, в чем проявилась одна из характерных черт диалектики поэтики писателя. Связанные с домом мотивы — семья, свое место в мире — сталкиваются с антимотивами «семейки», неприютности, скитальничества. Герои Достоевского, сами являющиеся «носителями функции мотива», — это люди в поисках своего места в жизнеположении России и ее исторических судьб. Утрата веры в Бога, прерванная связь с предшествующими поколениями, хождения по мытарствам наделяют их образы определенным трагизмом. Герои романа, включая старца Зосиму, — скитальцы. Каждому из них предстоит свой поиск в ответе на извечный вопрос: «Для чего человек живет на земле?» Разгульная русская душа Дмитрий — мнимый отцеубийца, наказавший себя за само намерение убить; богоборец Иван — человек, разуверившийся в «царстве Бога» и подтолкнувший к убийству Смердякова; человеколюбец Алеша — герой, страстно желающий «простить всех за все». Отправной точкой духовного пути каждого из героев становится отцовский «антидом» — место, где ни одному из них не было отведено должного пристанища, которое должен обеспечивать дом.

Список литературы

1. Словарь музыкальный энциклопедический. М., 1990.
2. Гёте И.В. Об искусстве. М., 1975.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
4. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.
5. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана) <Отрывки> // Труды по знаковым системам. Вып. 4. Тарту, 1969.
6. Бем А. К уяснению историко-литературных понятий // Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук. Т. 23. Кн. 1. СПб., 1919.
7. Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964.
8. Дандес А. Структурная типология индейских сказок Северной Америки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985.
9. Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей в память В.Я. Проппа. М., 1975.
10. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1931.
11. Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. Очерки. Москва — Саратов, 1924.
12. Силантьев И. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. Критика и семиотика. Вып. 5. 2002.

13. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит-ра, 1972.
14. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, 2016.
15. *Энциклопедия литературных героев*. М.: Аграф, 1997.

References

1. Slovar' muzykal'nyi entsiklopedicheskii. Moskva, 1990. Print. (In Russ.)
2. Gete, I.V. 1975. Ob iskusstve. Moskva. Print. (In Russ.)
3. Veselovskii, A.N. 1940. Istoricheskaya poetika. Leningrad. Print. (In Russ.)
4. Propp, V.Ya. 1928. Morfologiya skazki. Leningrad. Print. (In Russ.)
5. Yarkho, B.I. 1969. "Metodologiya tochnogo literaturovedeniya (nabrosok plana)" <Otryvki> // Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 4. Tartu. Print. (In Russ.)
6. Bem, A. 1919. "K uyasneniyu istoriko-literaturnykh ponyatii". In Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i literatury Akademii nauk. T. 23. Kn. 1. Sankt-Peterburg. Print. (In Russ.)
7. Beletskii, A.I. 1964. Izbrannye trudy po teorii literatury. Moskva. Print. (In Russ.)
8. Dandes, A. 1985. "Strukturnaya tipologiya indeiskikh skazok Severnoi Ameriki". In Zarubezhnye issledovaniya po semiotike fol'klora. Moskva. Print. (In Russ.)
9. Putilov, B.N. 1975. "Motiv kak syuzhetoobrazuyushchii element". In Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. Sbornik statei v pamyat' V.Ya. Proppa. Moskva. Print. (In Russ.)
10. Tomashevskii, B.V. 1931. Teoriya literatury. Poetika. Moskva. Print. (In Russ.)
11. Skaftymov, A.P. 1924. Poetika i genezis bylin. Ocherki. Moskva — Saratov. Print. (In Russ.)
12. Silant'ev, I. 2002. "Motiv kak problema narratologii". Kritika i semiotika. Kritika i semiotika 5: 32–60. Print. (In Russ.)
13. Bakhtin, M.M. 1972. Problemy poetiki Dostoevskogo. Moskva: Khud. lit-ra. Print. (In Russ.)
14. Ginzburg, L.Ya. 2016. O psikhologicheskoi proze. O literaturnom geroe. Sankt-Peterburg: Azbuka. Print. (In Russ.)
15. Entsiklopediya literaturnykh geroev. Moskva: Agraf, 1997. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Елеусизова Меруерт Бериковна — магистрант 2 курса кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. Аль-Фараби. E-mail: eleusizovameruert@gmail.com

Bio Notes:

Meruert B. Yeleussizova is a 2nd year undergraduate of the Department of Russian Philology and World Literature of Kazakh National University named after Al-Farabi. E-mail: eleusizovameruert@gmail.com

Примечание: статья выполнена под научным руководством д.ф.н., профессора, профессора кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. Аль-Фараби Абишевой Ольги Курмангалиевны.

Note: the article was carried out under the scientific supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian Philology and World Literature of Kazakh National University of al-Farabi Olga Kurmangalievna Abisheva.

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-245-252

Research Article

Motives of Honor and Dishonor in the Works of Art by A.S. Pushkin

A. Kutzhanova

Al-Farabi Kazakh National University
71, Al-Farabi, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

The author of the article analyzes the motives of honor and dishonor in the late prose work of A.S. Pushkin “Captain’s Daughter”. Using the method of motivational analysis proposed by I. Silantsev, we examined the implementation of these motives from the point of view of 1) the subjective organization of the text; 2) the functions of the actor; 3) chronotope. In the process of research, we came to the conclusion that the paired motive of honor and dishonor is realized in the system of actors of the work through a complex predicative structure that reveals the actions of characters, their internal motivation and external embodiment.

Key words: motive, theme, Pushkin, “Captain’s Daughter”

Article history:

Received: 17.12.2019

Accepted: 14.02.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kutzhanova, A. 2020. “Motives of Honor and Dishonor in the Works of Art by A.S. Pushkin”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 245–252. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-245-252

© Kutzhanova A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Мотивы чести и бесчестья в творчестве А.С. Пушкина

А. Кутжанова

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Республика Казахстан, 050040, Алматы, Аль-Фараби, 71

Автор статьи анализирует мотивы чести и бесчестья в позднем прозаическом произведении А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Используя метод мотивного анализа, предложенный И. Силантьевым, мы рассмотрели реализацию указанных мотивов с точки зрения субъектной организации текста; функции действующего лица; хронотопа. В процессе исследования мы пришли к выводу, что парный мотив чести/бесчестья реализован в системе актантов произведения посредством сложной предикативной структуры, раскрывающей поступки того или иного персонажа, их внутреннюю мотивировку и внешнее воплощение.

Ключевые слова: мотив, тема, Пушкин, «Капитанская дочка»

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.12.2019

Дата принятия к печати: 14.02.2020

Модератор: В.П. Сиячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кутжанова А. Мотивы чести и бесчестья в творчестве А.С. Пушкина // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 245—252. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-245-252

1. Introduction

A theme is a complex narratological category defined as a semantic plot indecomposable in the semantic plan, in which there is a potential for further explication — the development in a narrative series of meanings accumulated in a theme. The theme has the property of discreteness: it is actualized not in a specific episode of the text, but in the semantic “condensation” of elements that are significant for its reading. The theme has a dichotomous nature: on the one hand, it is an invariant model of a paradigmatic order (as a result of which some researchers have attempted to create an index of themes in world culture), on the other hand, it is a specific variant representation in the text, filled with the corresponding narrative and plot content.

In the works of A.N. Veselovsky, a theme is presented as a semantically integral unit, a basic formula, indecomposable into smaller components [1]. The scientist noted that the motive could be morphologically segmented: it has components that do not violate the integrity of its semantics (“The serpent abducts the king’s daughter”). The semantic integrity of the theme structure makes it possible to “dissect” it into semantic components,

as A.L. Bem convincingly proved. Exploring the theme of such art works as the “Prisoner of the Caucasus” by Pushkin and Lermontov, as well as the “Atala” by Chateaubriand, the scientist showed the presence of a certain “psychological framework” consolidating the plot facts of the above art works. This “skeleton” is the basic formula “love of a foreigner to a prisoner”, which is considered as the main theme of the texts; further analysis reveals attributive themes called “incoming” by the researcher. The theme contains the potential for further development, complication with minor themes. The complicated theme, according to Bem, is a plot [2]. According to A.P. Skaftymov, the theme is linked to the nodal points of the story, around which thematic complexes are united. The theme is a representation of the integral psychological quality of the protagonist, dominant in his personality [3].

When analyzing themes, I. Silant'ev suggests paying attention to the following elements that are part of their structure:

- predicate (committed act);
- actants (characters in the story);
- spatio-temporal characteristics (circumstances of the action, giving the theme semantic completeness) [4].

This model is especially representative in the analysis of such themes as “honor” and “dishonor”, which are highly psychological, and cannot be implemented otherwise than through the function of the hero in the context of a specific plot narrative.

The themes of “honor” and “dishonor” are among the most recurrent ones for art works by A.S. Pushkin. Heroes of Pushkin’s art works, as a rule, find themselves in a situation of moral choice, as a result of which they either follow a certain ethical imperative or move away from it.

Honor is the moral core of a person, his commitment to the internal system of positive values and principles establishing the framework of what he is bold enough to do without feeling guilty, and remorseful. It is accompanied by an increased sense of responsibility for the protagonist’s actions, features decency, a spotless reputation, an honest name, and a positive assessment of a person; it is a combination of qualities, through which a person gains self-esteem, self-respect, and respect from others.

The concept of honor is a kind of criterion for assessing human dignity, and includes such qualities as high morality, strict moral principles, nobility, justice, valor, courage, honesty, chastity, conscience, dignity, selflessness, and truthfulness. When analyzing vocabulary definitions of the word “honor”, one can differentiate such signs of this concept as:

- dignity underlying self-esteem, and approval from others;
- reverence;
- temperamental attribute to be proud of (Dictionary by T.F. Efremova).
- internal moral dignity of a person, valor, nobility of the soul, clear conscience (Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl).
- moral qualities of personality worthy of respect (Explanatory dictionary by S.I. Ozhegov).

Dishonor is a concept oppositional to honor absorbing such themes as shame, disgrace, reproach, and vilification. Paroemiological units including the word “dishonor” (“Head off for the dishonor”, “Death before dishonor”, “Dishonor is worse than death”), allow

us to derive its additional semantic features: destructiveness for the moral and social life of a person, social death.

Dishonor is associated with the humiliation of one person by another. Disgrace, in turn, implies a lack of honor; dishonorable behavior.

In Pushkin's art works, dishonor is presented both as a social insult, a humiliation (for example, in "Dubrovsky"), and as a lack of honor, immorality of the acts committed by the hero. Honor is one of the central points in the individual picture of the writer's world. The "Dictionary of the language by A.S. Pushkin" gives the following interpretation of the word "honor": 1) worship, respect; 2) that which is pride, adornment of someone or something; 3) high moral dignity; 4) esteem, honorary title, high honorary position; 5) *by honor* — "good", "as friends", "amicably".

2. Discussion

Honor and dishonor in the novelette "The Captain's Daughter"

"The Captain's Daughter" is one of the most famous prose art works by A.S. Pushkin. The writer himself attributed his work by genre affiliation to a novelette; nevertheless, "The Captain's Daughter" has the features of a novel: a complex narrative structure, an extensive system of images, and historical message. In literary criticism, "The Captain's Daughter" was qualified as a family chronicle, memoirs, novelette, historical novel with deep socio-philosophical content. Petr Grinyov, wise in experience, plays the role of the narrator recalling the events of his youth. The novel presents the initial and final stages of the protagonist personality formation. One of the main topics disclosed in the work is the theme of honor and dishonor. The theme, as you know, is directly related to the theme of the work implementing it at different levels: in the system of actants, spatio-temporal context, functions of the characters.

A.S. Pushkin worked three years on the novel "The Captain's Daughter" (from 1833 to 1836). In 1834, the preceding work on the topic of the Pugachev's Rebellion saw the light of day — the historical chronicle "The History of the Pugachev's Rebellion" [5].

Gathering materials for the future work, the author visited many places related to the historical event. Journeying across the Volga region and the Urals he collected information from eyewitnesses of the historical events of 1770. Pushkin obtained access to unpublished archival records of the rebellion from Nicholas I. It was during the collection of information about the Pugachev's Rebellion that the writer conceived the idea of writing a novel.

The historical model for creating the work was the character of Emelyan Pugachev. The choice of topic complicated writing the novel mostly because of censorship tightened during the reign of Nicholas I. The novel was rewritten many times, the plan of events changed, as well as the storyteller, on whose behalf the story could be told.

All three years of work on the material, Pushkin modified the structure of the work; about six text variations have been preserved. The theme of honor is central to the story. As an epigraph, the author takes the proverb "Take care of honor from a young age" and develops this idea throughout the work. The novelette presents the moral and ethical "confrontation" of two heroes — Grinyov and Shvabrin, one of whom chose the path of honor, and the other turned from this path [6].

To understand the character of Grinyov, the preposition of the theme (Silant'yev) of honor is important, that is, the narration of episodes preceding the main events that can reveal the character of the protagonist. The childhood and early days of Pyotr Andreyevich Grinyov were “the very pleasure” for him. He did not study, raced pigeons on the roofs and even made a kite of a geographical map. In a word, he spent these years as a young oaf, having fun and playing [7].

As a young man, Grinyov dreamed of military service, of an independent life. He hoped that he would be sent to the regiment, where his family had a relative, would be made an officer, and his life would be carefree again. “The idea of military service merged in me with thoughts of freedom, of the pleasures of St. Petersburg life. I imagined myself to be an officer of the guard, which, in my opinion, was the height of human well-being”. Father taught the hero to act in good conscience: “Father said to me: “Farewell, Pyotr. Serve faithfully to whom you swear; obey your superiors; do not chase after their affection; do not ask for service; do not excuse from service; and remember the proverb: honor without maintenance is like a blue coat without a badge”. For the first time, we see the actualization of the theme of honor in an episode when Pyotr Andreyevich loses a large sum of money in a tavern on his way to Orenburg and does everything possible to return it contrary to the advice of the overseer Savelich. Realizing that he had offended the old man, Pyotr finds the strength to ask for forgiveness: “Finally I told him: “Well, well, Savelich! enough of this, let’s make it up, sorry about that; I see myself I am to blame. I was up to mischief yesterday, but I wronged you unjustly. I promise to behave smarter and obey you. Well, don’t be angry; let’s make peace”.

In the next episode, Grinyov generously thanks the counselor who helped him get to the village through a blizzard. “I was annoyed, however, that I could not thank the man who helped me if not out of trouble, then at least out of a very unpleasant situation. “Well”, I said coolly, “if you don’t want to give him fifty kopecks, take something out of my garment for him. He is dressed too lightly. Give him my rabbit coat”. The gratitude to the person who provided the help can also be interpreted as a *variant of an honest deed*. In the subsequent plot, the motive of honor is objectified in a chain of episodes and their general predicativity.

In the Belogorsk fortress, where Grinyov was sent to serve, he defended the honor of young Masha Mironova, who was indirectly offended by Shvabrin. Refusing to join the Pugachev’s Rebellion, Grinyov again acts in honor: he cannot break the oath of the imperial army even under pain of death. Pugachev’s reprisal against the commandant, his wife and Ivan Ignatievich is indicative: Grinyov does not ask for mercy from the “impostor” even with a noose around his neck.

For the heroes of “The Captain’s Daughter” the concept of honor is associated with the performance of official duty. Ivan Ignatievich, *by honor of duty*, informs the commandant Mironov about the atrocities being prepared in the fortress; *the sworn duty* encourages Grinyov to return to the empress’s operating troops.

Awareness of his duty to his homeland gives Grinyov fearlessness to Pugachev: “I am a natural nobleman; I swore the Empress: I can’t serve you”. He asks Pugachev to let him go to Orenburg, without experiencing the pangs of conscience before the upcoming trial. “My conscience was clear; I was not afraid of the trial”.

Grinyov manifests himself at the trial to the highest degree of honor. The hero does not name his beloved one for fear of casting a shadow over her name. “I wanted to continue as I started and explain my relation with Marya Ivanovna as sincerely as everything else. But suddenly I felt insurmountable disgust. It occurred to me that if I called her, the commission would demand her to answer; and the thought of confusing her name between the foul gossips of the villains and bringing her to confront with them herself — this terrible thought amazed me so much that I was embarrassed and confused”.

We meet another hero — Shvabrin — in the Belogorsk fortress, where he was transferred to the service for the “homicide”. “Alexey Ivanovich Shvabrin was transferred to us for the homicide already five years ago. God knows what sin beguiled him; he, you will see, went out of town with one lieutenant, but they took steel with them, and began jabbing each other; and Alexey Ivanitch murdered the lieutenant, and even with two witnesses! What can one do? There is no master for sin”.

Shvabrin is characterized by dishonest behavior; one of his basic strategies is slander. So, he slanders on Ivan Ignatievich and Vasilisa Egorovna; denigrates Masha; splits on Pyotr to his parents.

“The words of Marya Ivanovna opened my eyes and explained a lot to me. I understood the stubborn slander with which Shvabrin was pursuing her. He probably noticed our mutual attraction and tried to distract us from each other. The words that gave rise to our quarrel seemed even more vile when, instead of rude and obscene ridicule, I saw in them deliberate slander. The desire to punish the impudent slanderer made me even stronger, and I eagerly began expecting an opportunity for that. And all that because she refused to marry Alexey”.

The duel, which was supposed to resolve the dispute between Grinyov and Shvabrin, reveals the dishonest nature of the latter: taking advantage of the fact that Savelich distracted Pyotr, Alexey wounded him.

The characteristics of Shvabrin as an antihero are manifested during the course of the story. “And what is Shvabrin, Alexey Ivanych? After all, he cut his hair in a circle and feasts now with them right here! Agile, nothing to say”. Choosing the enemy’s side, Shvabrin violates his military oath, betrays his homeland and begins to serve the false king. In this case dishonor is actualized through the theme of betrayal connected with it. The general says of him: “Oh, this Swabrin is the great Schelm, and if he ever falls into my hands, I’ll command him to be judged in twenty-four hours, and we will execute him by shooting on the parapet of the fortress!”. His attitude towards Masha is ignoble: he starves the girl, seeking her hand. When Masha becomes a captive of Shvabrin, Grinyov acts in honor and hurries to rescue her risking his own life. He goes to Belogorsk fortress with Savelich failing to obtain the support of the general, but Masha’s honor for him is above the fear of death. “I’ll rather to die” I said in a fury, “rather than cede her to Shvabrin!”.

Shvabrin’s antibehavior culminates at the trial when he defames Grinyov before the commission. “According to him, I was sent by Pugachev to Orenburg as a spy; daily went to skirmishes in order to convey messages about everything that was done in the city; that finally I clearly went over to the impostor, traveled with him from fortress to fortress trying in every possible way to ruin my fellow traitors in order to take their places and use the rewards handed out by the impostor”.

Savelich is a secondary character in the story. Despite the fact that he is not the main character, his image is very important for understanding the meaning of the theme of honor.

The image of Savelich in the novelette “The Captain’s Daughter” is very many-sided. He is not a sketchy character, but a full-blooded person with his own ideas about honor, order and law.

We list the main features characterizing this actant:

1) a faithful, loyal, responsible and caring servant. “If you have already decided to go, then I’ll even walk but follow you, I won’t leave you. Catch me sitting behind a stone wall without you! Am I crazy? Your will, sir, but I will not leave you alone”;

2) kind — the author himself gives this characteristic: “kind tutor”;

3) house-proud — he purchases everything necessary for his master, monitors his clothes and keeps the room clean;

4) he loves to teach the young master — he could not be appeased if he “took up the sermon”;

5) very stubborn — “none could argue stubborn old man”, “knowing the stubbornness of the tutor”;

6) grumbling — “grumbled again”;

7) unbelieving — “looked suspiciously”.

Nevertheless, he lives in his honor — the honor of a faithful servant. He even objects to the master in a letter: “But I am not an old dog, I’m your faithful serf”. Under no circumstances will he defect “Petrusha” and he will give his life for him, that is, he will act according to his conscience (in honor).

The theme of honor is also represented through the image of Emelyan Pugachev. Honor is objectified in the moral aspect through such differential themes as mercy, generosity, sympathy for Grinyov and Masha. Being a “runaway Cossack”, leader of the anti-noble rebellion, Pugachev has his own code of honor. He claims that “fair’s fair”, and gives Grinyov a horse, a coat, money in memory of a glass of wine and a rabbit coat. In addition, Pugachev helps Grinyov save Masha from Shvabrin and does not allow “offend the orphan”. Pugachev sets out his ideas about honor, morality and dignity in the Kalmyk fairy tale about the eagle and the raven: the first eats living blood, the second one — carrion. Grinyov, however, equates robbery to the life of a raven — eating carrion. Imbued with sympathy for the impostor, Pyotr is ready to pay him with all but honor and conscience: “Listen”, I continued, seeing his good disposition — “I don’t know what to call you, and I don’t want to know... But God sees that in my life I would be glad to pay you for what you have done for me. Just do not demand that it is contrary to the honor of my and Christian conscience. You are my benefactor. Finish it as you began: let me go with a poor orphan, where God will point us the way. And we, wherever you are and whatever happens to you, will pray to God every day for the salvation of your sinful soul...”.

Themes of honor and dishonor pervade the entire fabric of the story. They are explicated in the system of actants — central and secondary characters, each of which performs certain actions on a predicative level that correspond to his nature. As O. Freudenberg writes, the hero does only what he himself means.

3. Conclusion

Themes of honor and dishonor are among the key ones in Pushkin's art works. Realizing in the system of characters, through the function of heroes, as well as spatio-temporal characteristics, themes are filled with specific plot content. In the novelette (the novel according to some research definitions) "The Captain's Daughter" the theme of honor is objectified in the images of Pyotr Grinyov, his father, old Savelich, as well as Masha Mironova. The main representative of the dishonor theme at the level of the actant structure is Shvabrin. The image of Pugachev occupies an intermediate position between honor and dishonor: on the one hand, he is able to act according to conscience; on the other, he is an impostor, a "false king" torturing and executing anyone who has not sworn allegiance to him.

The honor for the heroes of "The Captain's Daughter" correlates with the concepts of duty, devotion, fidelity to a given word (including military oath), respect for a woman (beloved). Dishonor is associated with the themes of betrayal, apostasy, slander, and reproach. Such antibehavior, according to Pushkin, should be punishable: the author demonstrates this on the example of the storyline of Shvabrin, whose life ended sadly (see "Missing chapter"). Following the internal principles of honor, on the contrary, ennoble the heroes and leads them to well-deserved happiness.

References

1. Veselovskii, A.N. 1940. Istoricheskaya poetika. Leningrad. Print. (In Russ.)
2. Bem, A. 1919. "K uyasneniyu istoriko-literaturnykh ponyatii". In Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i literatury Akademii nauk. T. 23. Kn. 1. Sankt-Peterburg. Print. (In Russ.)
3. Skaftymov, A.P. Poetika i genezis bylin. Ocherki. Moskva — Saratov. Print. (In Russ.)
4. Silant'ev, I. 2002. "Motiv kak problema narratologii". Kritika i semiotika. Kritika i semiotika 5: 32—60. Print. (In Russ.)
5. Tsimbaeva, E.N. 2015. Istoricheskii analiz literaturnogo teksta. Moskva: Lenand. Print. (In Russ.)
6. Lotman, Yu. 2018. Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta. SPb.: Azbuka. Print. (In Russ.)
7. Aleksandrovich, N.V. 2016. Stilisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta: Teoriya i praktika. Stylistic analysis of a literary text: Theory and practice. Moskva: Flinta. Print. (In Russ.)

Bio Note:

Aigerim Kutzhanova is a 2nd year undergraduate of the Department of Russian Philology and World Literature of Kazakh National University named after Al-Farabi. E-mail: aig.ktz@gmail.com

Сведения об авторе:

Кутжанова Айгерим — магистрант 2 года обучения кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. Аль-Фараби. E-mail: aig.ktz@gmail.com

Note: the article was carried out under the scientific supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian Philology and World Literature of Kazakh National University of al-Farabi Olga Kurmangalievna Abisheva.

Примечание: статья выполнена под научным руководством д.ф.н., профессора, профессора кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. Аль-Фараби Абишевой Ольги Курмангалиевны.

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-253-260

Research Article

Experience of Russian Language Teaching in the Interdom

I.A. Sotova

Ivanovo State University
Ermaka St., 39, office 420, Ivanovo, Russian Federation

E.L. Parfenova

International educational center “Interdom” named after E. D. Stasova
21, Sportivnaya St., Ivanovo, Russian Federation

The article presents an experience of Russian language teaching in International children’s home (Interdom). It describes pedagogical conditions which allows creating of developing environment for the pupils and achieving of high results of Russian language teaching in multilingual audience of pupils. The main difficulties that students encounter in the process of immersion in a new cultural and linguistic atmosphere are analyzed.

Key words: Russian-language teaching in the Interdom, multilingual audience, language environment, Russian-language teaching, individual approach, differentiated teaching of Russian language, extracurricular (out-of-class) work on Russian language

Article history:

Received: 08.09.2019

Accepted: 30.01.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Sotova, I.A., and E.L. Parfenova. 2020. “Experience of Russian Language Teaching in the Interdom”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 253–260. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-253-260

© Sotova I.A., Parfenova E.L., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Опыт преподавания русского языка в Интердоме

И.А. Сотова

Ивановский государственный университет
Ermaka St., 39, office 420, Ivanovo, Russian Federation

Е.Л. Парфенова

МЦО «Интердом» имени Е.Д. Стасовой
21, Sportivnaya St., Ivanovo, Russian Federation

В статье представлен опыт преподавания русского языка в Международном детском доме (Интердоме). Описаны педагогические условия, позволяющие создать развивающую среду для учеников и добиться высоких результатов обучения русскому языку в многоязычной аудитории. Проанализированы основные трудности, с которыми сталкиваются студенты в процессе погружения в новую для них культурно-языковую атмосферу.

Ключевые слова: русскоязычное обучение в Интердоме, многоязычная аудитория, языковая среда, индивидуальный подход, дифференцированное обучение русскому языку, внеклассная работа по русскому языку.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.09.2019

Дата принятия к печати: 30.01.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сотова И.А., Парфенова Е.Л. Опыт преподавания русского языка в Интердоме // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 253—260. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-253-260

On sunny day of July
Flowers are everywhere
My Russian is so beautiful,
Like this summer meadow.

Hadi Chanieva (Ingushetia),
Interdom, 2007

1. Introduction

In the modern world a problem of foreign language teaching (including Russian as foreign language) to multilingual audience of pupils obtains special topicality. In this context the unique experience of upbringing and teaching of language to foreign children

in the International children's house (Interdom) is of great pedagogical and methodological interest.

In the current article we will try to characterize the features of Russian language teaching in the Interdom and answer the question: what pedagogical conditions allow teaching of “subtleties of a new language” to the foreign pupils of multilingual class.

Context

Study analysis is composed of the discussions with a curator of Interdom museum, teachers, administration, and also an analysis of museum materials and publications about the Interdom.

The following study methods were used: analytical and descriptive; pedagogical (conversation, survey).

International children's house (at present moment it's IED «Interdom» named after E.D. Stasova) was built in the town Ivanovo by the initiative of Elena Dmitrievna Stasova, heading Russian department of International organization of help to the revolution fighters, on the means of Ivanovo workers and other donations. In June 1933 it admitted the first children from the age of 3.5 to 16 years (116 people) from the most dangerous trouble spots of the planet. They spoke different languages but were connected by the same disaster: all of them had to abandon home, parents, native land. From the first days in International house were established and maintained laws of multinational family. These children studied at schools of Ivanovo town № 37, 40, 22 etc. together with ordinary soviet children until Interdom opened its own school in 1961.

From the first days of Interdom existence there were carried out lessons of native language (Spanish, Greek, Persian, German, Bulgarian, Portuguese, Chinese, Arabian, Polish, Czech, French, Italian etc.) for the children. These were lessons of native languages and culture taught with big love to the pupils and their far homeland. But it was impossible to find a teacher of native language for the children of all nationalities and then the teacher was replaced by the elder pupil. The teachers painfully recall that there were single cases when a child forgot his native tongue (due to the absence of the native speaker among the teachers and pupils).

Children from more than 80 countries of the world studied in the Interdom. Upon entering the Interdom, children were assigned to different classes based on their knowledge in mathematics. After the preparatory year (sometimes 2—3 months) of studying Russian language, a resident of Interdom went to the basic school where all subjects were taught in Russian, out-of-class communication was in Russian and the exams were passed on the usual terms with Russian speaking population (it was so during USSR epoch and now as well).

Teachers of Russian language worked in conditions of experiment, developed author's methods of teaching for monolingual and multilingual classes of foreign pupils. Unfortunately, owing to different circumstances, the unique experience of Russian-language teaching in the Interdom wasn't described.

That fact that 99% of them graduated from institutions of higher education testifies to the high level of preparation of Interdom graduates (most often they chose medical, pedagogical or engineering education). They returned to their homeland and achieved success in profession and in life.

The graduate of the Interdom of 1961 Santiago Alvares recollects his teachers: “I write and think how one should love these unfortunate children, what pedagogue one should be and how one should believe in the work to which he dedicates all his life to create the team of healthy and friendly persons from the children with such a background. We grasped not only subtleties of Russian language but also excellently mastered school knowledge, underwent professional training, haven’t forgotten our language and culture and continued to love the native land of our predecessors and managed to become socially responsible persons” [1].

2. Discussion

One of the first teachers in the Interdom was assigned Viktor Andreevich Babichev, 1926 year graduate of the department of social and legal protection of minors of Pedagogical institute named after A.I. Herzen. He began his working path under the guidance of Viktor Nikolaevich Soroka-Rosinskiy and could rely on the valuable experience of his tutors. Name of V.A. Babichev is mentioned in memories of Interdom pupil of 1933—1943, Korean Pak Vivian: “I remember well how our mentor, Babichev Viktor Andreevich read us tales by Korolenko — “Blind musician”, “Children underground”, “A dog of Flanders” etc. <...> There was a big library in the children’s house, all of us read much. Children were all-round. Everybody spoke Russian. Children who knew their own language had lessons with pedagogues to maintain the knowledge. Every Sunday we were shown films. We celebrated holidays. New Year was the favorite holiday. When big fir tree was brought, we decorated it together. We organized concerts on our own and also celebrated holiday on 18th of March — “Day of Paris Commune”. That day our chiefs came, brought presents, organized tea-parties. We were looking forward to the parents’ days, when our parents came. My mother visited me when I was in pre-school division. In 1937 she was already arrested. Of course I knew nothing about it [2. Pp. 297—298]. Among the numerous hobby groups (chorus, music, rhythmic, bench work, sport etc.) Pak Vivian chose rhythmic, mastered elements of dance with a teacher Maria Petrovna Vasina and in 1943 entered (thanks to the mentors of Interdom) dance school of Igor Moiseev having later become a soloist of the ensemble, prominent dancer.

Since 1961 few generations of Russian language teachers have changed each other in the Interdom. These were teachers-enthusiasts, who mastered the methodology of Russian-language teaching in multilingual audience on their own. In the methodology they started from the child and the objective of his upbringing and development, found methodological approaches during the lesson and out-of-class work, developed visual aids and didactic material supplementing a textbook themselves (there were no special textbooks for Interdom children), they implemented elements of differentiated teaching, carried out extracurricular lessons.

We managed to talk with S.M. Sokolova who taught Russian in 1968—1998 in the preparatory division of the Interdom. In the opinion of Svetlana Michailovna, in new language environment the teacher of Russian language and culture as well as teacher of native language became the mediator between the cultures, close person. S.M. Sokolova considers fostering of interest to the subject and lessons as the main objective of a teacher: “I always tried to make interesting lessons to make them love the subject as well as the

teacher. Every lesson should be creative, give space for the creativity, imagination and fantasy. We played a lot on the lessons. These were the games-competitions, situational and role games. Skills were developed during the games”.

There is always time for a feat in the work of modern teacher. Intensive course of Russian language with a teacher I.V. Pikalova allowed 16-years old Syrian boy to enter 8th grade (2015) and prepare for passing of basic school state exam (2017). A student was unsatisfied by the mark “pass” for the obligatory state exam, since he didn’t realize that he has mastered Russian language in such a degree that he passed Russian language exam on an equal basis with native speakers — graduates of Russian school. During the preparation of this student, the teacher had to «spend much time on studying of regional geography and history, traditions and culture of Syria». Only when some features of students’ behavior became clear.

For example, two junior boys never raised hand and refused to answer having completed the task. It turned out that the etiquette prohibits the junior to answer when the elder one is not ready yet. A sister having done exercises correctly in the copybook, refused to answer out loud, since she was brought up with a belief that in the presence of brothers a girl should keep silence and let her brothers speak. I had to give boys additional tasks and communicate with their sister in another part of the class” [3. P. 258].

Deep comprehension of methodological experience of work with multinational, multilingual audience is reflected in the publications of Interdom teacher, candidate of pedagogic sciences, top-rank teacher Elena Lvovna Parfenova [4–6 etc.], defended a Phd thesis on the problem of differentiated teaching of retelling [7] under the guidance of I.A. Sotova.

When E.L. Parfenova began to work, there were children of 5–7 nationalities on her lessons. Some of them studied in the Interdom from the first grade and spoke Russian well, and some of them began studying Russian from the age of 11–12 years. In this connection they had to study after the lessons that increased the load on both: students and teacher. Students with bad knowledge of Russian didn’t pay efforts during the lessons and responded to teacher’s rebukes in the following way: “But you will explain us this after the lessons anyway”. So, a young specialist made a conclusion that she should organize a lesson taking into account all students.

Many years past by and the situation repeats: in many schools the bilingual children and non-native speakers attend schools where study those for whom Russian language is native. Many of them know Russian bad: they speak well but write bad or they understand but can’t speak. A teacher faces difficult task: how to make a lesson so that all student can be involved in the class activity.

Another difficulty is that in 9th and 11th grades bilingual children pass exams on the usual terms. The structure of exam is such that the graduates should demonstrate not only knowledge of orthography, punctuation but also ability to analyze the given text and write their own text.

Working in class which combines children who are native Russian speakers and those for whom Russian is foreign or not native, the use of the approaches of differentiated teaching becomes necessity.

Differentiated teaching is a work using one program but with different levels of difficulty within the framework of class and lesson system with a purpose of personal development of each pupil.

Well-known Russian scientist and pedagogue K.D. Ushinskiy recommended to divide classes into groups to give children tasks according to their preparation: «Such division of class into groups, one of which is stronger than another one, is not harmful but even useful if the tutor can give to two groups useful task while working with one more group» [8. P. 99].

More often the class can be divided into three groups: pupils with high academic skills, pupils with average academic skills and pupils with low academic skills.

What criteria are in the base of such division?

Criterion is a quality mastered by the pupils of all groups to a deferent degree. Such criteria can be: volume of knowledge, culture of brainwork, level of cognitive activity, ability to the abstract thinking, ability to analyze and generalize, fatigability from the intellectual activity, level of independence, level of capacity for work (wish and ability to study). Undoubtedly, these criteria are interconnected since the level of self-reliance of the students on the lesson when a teacher organizes intellectual activity depends significantly on the ability of abstract thinking and low workability can bring to naught high intellectual plant of the student.

The students with high educational possibilities have rather wide fund of knowledge, high level of cognitive activity, developed positive qualities of the mind: abstracting, summarizing, analysis, flexibility of mental activity. They fatigue much less from the active intense work then others, have high level of self-reliance and workability. Working with them it's necessary to foresee thorough organization of their academic activity, tasks with high level of difficulty.

Students with average academic abilities have certain volume of knowledge, average level of cognitive activity, they have abilities to abstracting, summarizing and analysis. During the work with pupils with average educational abilities, the main attention should be paid to the development of their cognitive activity, fostering of self-reliance and confidence in their possibilities. It's necessary to always create conditions for the advancement of this group in development.

Pupils with low educational abilities are behind their counterparts in intellectual and speech development. They read bad, can't mark out the main in educational information, have difficulties in operation of comparison, summarizing, systematization, can't hold attention for a long time, have weak knowledge in preliminarily studied material and low level of self-reliance and workability.

Differentiated approach allows us to use abilities of strong students within the class lesson system. Work with them should be carried out not by the way of increase of work volume, but at the expense of the most different tasks: composing of texts of the dictations, composing of cards with tasks on the studied material, composing of summarizing tables for work on the lesson, composing of linguistic fairy tales (miniatures), tasks which broaden the mental outlook of pupils (work with additional literature); check of individual tasks performed by the students with low level; carrying out of duties of a consultant during the group work, work as a teacher (leading of fragments of a lesson).

Child with difficulties in education due to low knowledge of Russian language, should have light load of work. Such pupils need to have supporting schemes, tables. In the class where lessons are carried out, there should be stand with materials for work on the studied topic. On the desks there should be dictionaries and reference books.

This group of pupils should get more difficult test tasks. For example, of the whole class write a dictation, then the weaker ones can do the tasks on a card.

An ordinary dictation doesn't show real state of orthographic literacy of weak pupils, the therefore a teacher as well as pupils can fall under impression that there no success was achieved but the task on a card allow revealing the real picture of students' achievements. The fact that we offer students such tasks doesn't mean that we don't form skills in orthography. At this stage the biggest difficulties for weak students are finding of orthogram in a text but they do well with choosing of a rule and using of an algorithm which should be applied.

When such a child prepared to perform with spoken response, he/she can be offered a scheme (supporting card) which will help him to structure his reply.

When explain new educational material or during its reinforcement by weak students, they are also offered supporting cards and individual speed of work.

During the studying of new material, weak students need in its gradual make up work, the stronger pupils can work on their own with a textbook and additional literature.

On the stage of reinforcement, the students do different types of tasks, complexity level of which permanently increase. They shouldn't work always with simplified material since their development will slow down.

The role of independent work shouldn't be underestimated. If they are deprived the possibility to practice on their own, they can get used to do everything according to the sample and only with help. But, from another side, they need constant help of a teach more than others.

Differentiated education is possible when the following conditions are met:

- a teacher knows a pupil well, his personal psychological features, his strong and weak sides;
- pupils reached certain level of skills to get knowledge on their own and to control one-self;
- pupils are ready to the joint cooperation (when everyone works on his own it's impossible to carry out differentiated teaching).

Understanding of the essence of differentiated teaching as specially organized activity on studying of one educational content on different level of complexity using different methods of teaching allows pedagogue to improve language, communicative, linguistic competences of the students in their unity and achieve high personal, metasubject and subject results of Russian language teaching in polytechnic class, in multilingual audience of the pupils.

3. Conclusion

Interdom experience is, first of all, unique time and unique people. And, of course, unique conditions which allows comparing of the experience of upbringing and teaching of children of the revolution fighters and leaders of antifascist movement with unique experience of Pushkin lyceum.

Success in study of Russian language in Interdom is stipulated by the language immersion experience, individual pedagogical approach to a child, creation of conditions for the development of interests of the students, differentiation of education, powerful organization of pedagogic and out-of-class work.

References

1. Al'vares, S. "Kamarada Lagos". In *Rodnoi yazyk. Internatsional'nyi Detskii Dom. Vospominaniya.* Ed. Tomas Pamies. (Na pravakh rukopisi). Print. (In Russ.)
2. Son, Zh.G. 2014. "Problemy sotsializatsii semei koreiskikh revolyutsionerov (1920—1930): K istorii voprosa". In *Koreevedenie Kazakhstana. Sb. statei.* Almaty: Kazakhskii universitet mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovykh yazykov im. Abylai Khana 2: 293—306. Print. (In Russ.)
3. Parfenova, E.L., and I.V. Pikalova. 2017. "Rabota s det'mi-bilingvami i inofonami na urokakh russkogo yazyka (iz opyta raboty Ivanovskogo Interdoma)". In *Osvoenie i funktsionirovanie yazyka v situatsii mnogoyazychiya: Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy ontolingvistiki 2017».* 26—28 iyunya 2017, Sankt-Peterburg / RGPU im. A. I. Gertsena, Kafedra yazykovogo i literaturnogo obrazovaniya rebenka, Laboratoriya detskoj rechi. Ivanovo: LISTOS. Print. (In Russ.)
4. Parfenova, E.L. 2005. "Vozmozhnosti differentsirovannogo obucheniya v vospitanii interesa k urokom russkogo yazyka". In *Vospitanie uchashchikhsya v protsesse obucheniya russkomu yazyku i kul'ture rechi: Materialy VII Ushakovskikh chtenii,* Ivanovo, 4 noyabrya 2004 g. Ivanovo: Ivan. gos. un-t. Print. (In Russ.)
5. Parfenova, E.L. 2005. "Differentsirovannoe obuchenie kak sredstvo vospitaniya interesa k urokom russkogo yazyka". *Russkii yazyk v shkole* 3: 33—38.
6. Tomin, V.R. 1980. *Dom na Krasnoi Talke: Dokumental'noe povestvovanie.* Moskva: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
7. Parfenova, E.L. 2010. "Metodika differentsirovannogo obucheniya ustnomu pereskazu uchashchikhsya 5—6 klassov na urokakh russkogo yazyka". Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Yaroslavl'. Print. (In Russ.)
8. Ushinskii, K.D. 1968. "Metodika nachal'nogo obucheniya". In *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya.* Moskva: Prosveshchenie. Print. (In Russ.)

Bio Notes:

Irina A. Sotova is a Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Faculty of Philology, Ivanovo State University. E-mail: irina_sota@mail.ru

Elena L. Parfenova candidate of pedagogical sciences, teacher of the Russian language and literature of the highest category of International educational center "Interdom" named after E. D. Stasova (Interdom). E-mail: parfenova_elena0@mail.ru

Сведения об авторах:

Сотова Ирина Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания филологического факультета Ивановского государственного университета. E-mail: irina_sota@mail.ru

Парфенова Елена Львовна — кандидат педагогических наук, учитель русского языка и литературы высшей категории ФГБОУ «МЦО «Интердом» имени Е.Д. Стасовой». E-mail: parfenova_elena0@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-261-270

Презентация

Итоги проведения международных просветительских экспедиций, направленных на распространение русского языка, литературы, культуры и российского образования в странах ближнего и дальнего зарубежья

Н.Ю. Мишина, Е.А. Антонов

ООО СП «Содружество»

Российская Федерация, Московская обл., 141983, Дубна, ул. Программистов, д. 4, к. 2, оф. 134

В статье рассмотрены основные подходы к расширению международного культурно-гуманитарного сотрудничества, обеспечению образовательного, научного и информационного взаимодействия между Российской Федерацией и странами Европы с помощью проведения международных просветительских экспедиций. Данные мероприятия проводились в девяти европейских странах для руководителей, педагогов и обучающихся организаций, осуществляющих образовательную деятельность по основным и (или) дополнительным общеобразовательным программам, а также представителей СМИ стран проведения мероприятий.

Статья подготовлена на основе результатов работы по проекту «Проведение международных просветительских экспедиций, направленных на популяризацию русского языка, литературы, культуры и российского образования», реализованному ООО СП «Содружество» при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации. В статье описаны форматы мероприятий, предлагаемые в рамках проекта просветительских экспедиций, а также особенности комплексного подхода к их разработке и проведению, что позволило обеспечить высокий интерес представителей целевой аудитории, легкость и эффективность усвоения ими представляемой информации.

Ключевые слова: русский язык, российская литература и культура, страны ближнего и дальнего зарубежья, образование, расширение культурно-гуманитарного сотрудничества

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.02.2019

Дата принятия к печати: 29.03.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

© Мишина Н.Ю., Антонов Е.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования:

Мишина Н.Ю., Антонов Е.А. Итоги проведения международных просветительских экспедиций, направленных на распространение русского языка, литературы, культуры и российского образования в странах ближнего и дальнего зарубежья // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 261—270. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-261-270

Presentation

The Results of International Educational Expeditions Aimed at the Russian Language, Literature, Culture and Russian Education Spread in the Near and Far-abroad Countries

N.Y. Mishina, E.A. Antonov

Limited Liability Company Joint Venture “Sodruzhestvo”
4, Programmists St., building 2, office 134, Dubna, 141983, Moscow region, Russian Federation

The article considers the main approaches to expanding international cultural and humanitarian cooperation, ensuring educational, scientific and informational interaction between the Russian Federation and European countries through international educational expeditions. These events were held in 9 European countries for leaders, teachers and learning organizations engaged in educational activities under the main and (or) additional general educational programs, media representatives of the countries running the events.

The article was prepared on the results of work under the project “Conducting international educational expeditions aimed at the Russian language, literature, culture and Russian education popularization”, implemented by the LLC JV *Sodruzhestvo* with the support of the Ministry of Education of the Russian Federation. The article describes the formats of events proposed in the framework of the educational expeditions project, including the features of an integrated approach to their development and implementation, which allowed to ensure high interest of the target audience, easy and effective uptake of content presented for them.

Key words: Russian language, Russian literature and culture, near and far-abroad countries, education, expansion of cultural and humanitarian cooperation

Article history:

Received: 14.02.2019

Accepted: 29.03.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Mishina N.Y., and E.A. Antonov. 2020. “The Results of International Educational Expeditions Aimed at the Russian Language, Literature, Culture and Russian Education Spread in the Near and Far-abroad Countries”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 261—270. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-261-270

1. Введение

Русский язык служит средством международного, межнационального и межкультурного общения и взаимодействия, познания действительности, хранения и усвоения знаний, приобщения к национальной и духовной культуре русского народа, выступает основной формой проявления национального и личностного самосознания, первоэлементом художественной литературы как словесного искусства. Как учебный предмет русский язык имеет чрезвычайно важное значение в деле гуманитарной подготовки к жизни подрастающего поколения: он закладывает основы лингвистического образования, а непосредственно владение русским языком, в том числе языковыми средствами, обеспечивающими коммуникацию в образовательной деятельности, является конкурентным преимуществом гражданина при получении высшего образования и построении профессиональной траектории.

На сегодняшний день русский язык входит в число ведущих мировых языков, являясь одним из шести официальных языков ООН, а также является одним из самых распространенных в мире, на нем говорят около 300 млн человек; имеет значительное распространение в 33 странах мира и выступает вторым по популярности языком Интернета [1]. Однако существуют и негативные тенденции: сокращение численности носителей и пользователей русского языка, а также изучающих русский язык как иностранный.

Именно поэтому государство придает большое значение поддержке и распространению русского языка, литературы и культуры за рубежом, заинтересовано в создании стабильной и эффективной системы привлечения внимания зарубежной общественности к русскому языку, российской культуре и образованию, стимулированию интереса к изучению русского языка [2—5]. Одним из механизмов такой поддержки и продвижения является осуществление просветительских инициатив на международном уровне. Такие мероприятия способствуют формированию позитивного образа, повышению международного авторитета Российской Федерации, обеспечивают не только продвижение российской науки и экспорт образовательных услуг, но и позволяют достичь устойчивого социального эффекта поддержки внешнеполитической деятельности России в ближайшем будущем.

2. Обсуждение

Проект, реализованный в рамках гранта Министерства просвещения России ООО СП «Содружество», посвящен проведению международных просветительских экспедиций, направленных на распространение русского языка, литературы, культуры и российского образования. При осуществлении данного проекта предполагалось решить следующие задачи:

- усиление интереса к русскому языку, литературе, культуре и российскому образованию среди граждан ближнего и дальнего зарубежья;
- расширение позитивного восприятия российской литературы в иностранных государствах.

Для их решения осенью 2019 года в двадцати городах европейских стран (Беларуси, Венгрии, Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, Франции, Болгарии, Ав-

стрии) было запланировано проведение образовательно-просветительских экспедиций в рамках цикла мероприятий, направленных на ознакомление с особенностями русского языка и образования на русском языке, шедеврами российской литературы, культуры. Проведение мероприятий предусматривалось в разных форматах, предназначенных в первую очередь для взаимодействия с более молодой частью целевой аудитории. Так, в программах международных просветительских экспедиций были предусмотрены комбинированные онлайн- и офлайн-мероприятия, знакомство с экспозициями российской литературы, круглые столы, мастер-классы, методические и научно-популярные семинары, лекции, информационно-презентационные мероприятия, посвященные вопросам российской культуры и образования, встречи с известными литературными деятелями и критиками. Предположительно было запланировано участие в мероприятиях порядка 3 тыс. человек.

В процессе подготовки к проведению мероприятий особое внимание уделялось созданию единого стиля оформления помещений, информационно-презентационных и раздаточных материалов, включая эмблему мероприятий, что способствовало узнаваемости мероприятий, обеспечению единого информационного ряда при освещении мероприятий в средствах массовой информации. Единый стиль оформления мероприятий был соблюден и при создании тематического сайта проекта (www.gorus.world), с помощью которого проводилось информирование потенциальных участников мероприятий. На сайте была размещена актуальная информация об организации проекта в целом, о площадках проведения мероприятий в вышеперечисленных странах, программах мероприятий, ходе их проведения и результатах. Дополнительно было проведено целевое информирование аудитории с помощью адресной рассылки информационного письма. С помощью сайта проекта было проведено анкетирование и сбор заявок на участие в мероприятиях.

Для проведения мероприятий были подготовлены:

- информационно-презентационный видеоряд в соответствии с темой мероприятий для демонстрации на плазменных панелях или проекционных экранах;
- презентационные и раздаточные материалы в мультимедийных форматах, посвященные тематике мероприятий.

В качестве модераторов мероприятий были привлечены российские преподаватели, писатели, деятели культуры и образования. Были подготовлены помещения, обеспеченные посадочными местами, звукоусиливающим оборудованием, презентационным оборудованием с экраном. По мере проведения мероприятий в каждой из стран в международных социальных сетях, популярных в странах проведения мероприятий (Facebook, Вконтакте, Одноклассники, Twitter, Instagram), на сайтах информационных агентств российских СМИ, имеющих представительства в этих странах, размещались публикации.

С 11 по 17 октября прошла просветительская экспедиция в Беларуси, в рамках которой были проведены научно-популярные и публичные лекции для обучающихся, творческие встречи и мастер-классы ведущих преподавателей российских вузов, литературоведов и писателей. Участниками мероприятий стало около 300 человек, большинство из которых — представители образовательных организа-

ций, осуществляющих образовательную деятельность по основным и (или) дополнительным общеобразовательным программам, руководители и педагоги, обучающиеся.

Наиболее предпочтительными среди участников стали такие форматы мероприятий, как презентация литературных шедевров и лекция-беседа. Лекцию-беседу для широкой аудитории «Почему включает уже норма, а звонит еще нет? Чем руководствуются лингвисты, признавая вариант нормативным? Каким словарям верить, а каким нет?» провел кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Пахомов Владимир Маркович. Прошла презентация книги «Тотальные истории. О том, как живут и говорят по-русски». Встречу провели Ребковец Ольга Александровна, директор фонда «Тотальный диктант», член Совета по русскому языку при Президенте РФ, а также Визель Михаил Яковлевич, журналист, переводчик, шеф-редактор портала «Год литературы». Данные форматы мероприятий, безусловно, обеспечили эмоциональную вовлеченность целевой аудитории в разрешении культурных вопросов, уточнении представлений о российской культуре и образовании и, как следствие, их предпочло наибольшее количество гостей. Участники мероприятий смогли изучить актуальное состояние русской орфографии, а также освоить опыт вывода образовательного и социального проекта на международный уровень. Творческие встречи с писателями и презентации книг позволили участникам окунуться в мир современной русской литературы. Дмитрий Быков, Сергей Лукьяненко, Владимир Сорокин, Лев Данилкин, Виктор Пелевин — это те гости, которых участники экспедиции хотели бы вновь увидеть в качестве спикеров на других мероприятиях.

С 14 октября стартовала просветительская экспедиция в Венгрии, во время которой были проведены мероприятия по изучению актуальных проблем преподавания русского языка и развития речи, страноведения (интерактивные лекции, круглые столы, мастер-классы). На базе Печского университета выступили Валентина Васильевна Вегвари, кандидат педагогических наук, профессор, руководитель Русского центра при Печском университете, Светлана Юрьевна Камышева, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка как иностранного Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, а также Александр Витальевич Пашков, заведующий кафедрой мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Новым форматом проведения подобных мероприятий стала лингвострановедческая гостиная. Многими участниками была оценена интерактивная лекция-экскурсия.

В рамках просветительской экспедиции в Венгрии все лекции и мастер-классы, а также другие форматы мероприятий «были интересные, изложение доступное, понятное и увлекательное, атмосфера встреч была незабываемой» — такой обобщенный отзыв участники оставили в своих электронных анкетах.

Более 300 гостей посетили образовательно-просветительские мероприятия проекта «Международные просветительские экспедиции» в Польше за период с 16 по 22 октября. Большую часть целевой аудитории составили студенты, школьники, а также руководители и педагоги общеобразовательных организаций. Прошедший цикл мероприятий был направлен на приобщение к национальной и

духовной культуре русского народа, на трансляцию культурно-образовательного наследия России, а также на решение задач в сфере повышения квалификации зарубежных преподавателей русского языка, поэтому и был интересен именно данной аудитории.

Особый интерес слушателей вызвал доклад автора научно-популярных статей канала #всемдиктант Екатерины Тупицыной, которая развеяла лингвистические мифы, касающиеся русского языка. Встреча с известным писателем, автором книг «Живые люди», «Кто не спрятался», «Вонгозеро» (переведена на польский язык), номинантом литературной премии «НОС» Яной Вагнер, которая представила свои книги и рассказала о своем творческом пути, также не осталась неотмеченной гостями. Преподаватель факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ и Института лингвистики РГГУ Антон Александрович Сомин прочитал лекцию по общей лингвистике «Дни недели в языках мира», провел урок «Русский язык и его братья», а также представил на своем мастер-классе языковые игры со словами. Его уроки и мастер-классы также привлекли внимание гостей.

Диверсифицированный формат мероприятий стимулировал активность слушателей, дал возможность популяризировать актуальные наработки российской литературы и образования. Проведенный комплекс мероприятий стал эффективной площадкой для получения новых знаний, а также для развития дружеских международных контактов участников методического сообщества в рамках проведенной экспедиции в Польшу.

Проводимая с 24 по 30 октября в Эстонии экспедиция предполагала образовательно-просветительские мероприятия, направленные на развитие и укрепление партнерских связей международного характера, распространение изучения русского языка, литературы и российского образования. Обменяться опытом и обсудить современные образовательные практики в области русского языка пришли свыше 300 человек. Мероприятия вызвали особый интерес у преподавателей и руководителей общеобразовательных организаций и вузов — они составили 63% всех гостей. Также площадки посетили учащиеся и студенты из различных образовательных организаций — 32% и другие гости — 5%. Презентация книги «Тотальные истории...» Ольгой Александровной Ребковец, специальный урок литературы Игоря Юрьевича Маранина, фотовыставка Евгении Анфимовой «Тотальное путешествие» — безусловно, те мероприятия, которые привлекли внимание аудитории. Особый интерес участников вызвали семинары преподавателя филологического факультета СПбГУ, научного руководителя интернет-проекта «Культура письменной речи» Светланы Викторовны Друговейко-Должанской. Увлекательный мастер-класс с Игорем Юрьевичем Мараниным также привлек большое внимание гостей. Стоит отметить, что каждое мероприятие нашло своего адресата. Участники заслушали профессиональные выступления, приняли активное участие в интерактивных занятиях и обсуждении дискуссионных вопросов. Форматное разнообразие мероприятий творчески активировало аудиторию и дало возможность тиражировать актуальные наработки в области российской литературы и образования.

В Литве образовательно-просветительская экспедиция была проведена с 25 октября по 2 ноября. Российскими корифеями филологии на базе научно-образо-

вательных центров были проведены практико-ориентированные методические семинары, лекции и круглые столы для обучающихся и педагогических работников. Среди рассматриваемых вопросов — преподавание РКИ, теория и практика преподавания медиалингвистических дисциплин, вопросы статуса русского языка в современном мире.

Большой интерес слушателей вызвал двухдневный семинар для преподавателей русского языка как иностранного, посвященный новым методам преподавания, лингвокультурологическому анализу текста, творчеству А.С. Пушкина в эпоху цифровых технологий и использованию интернет-ресурсов на уроках русского языка и литературы. Оживленную дискуссию вызвал круглый стол для школьных учителей «Пушкин — наш современник» в Каунасском русском литературном клубе. Тему работы о творческом наследии А.С. Пушкина в современных условиях обсудили на круглом столе «Пушкинский код в эпоху цифровых коммуникаций». На филологическом факультете Вильнюсского университета прошла лекция-презентация «Медиалингвистика — 2020: достижения и перспективы», слушатели которой узнали множество интересных фактов об этом стремительно развивающемся научном направлении, изучающем речевую специфику массовой коммуникации.

С 4 по 10 ноября 2019 года состоялась серия научно-образовательных мероприятий в Латвии. Руководители, преподаватели и обучающиеся образовательных организаций составили на данных мероприятиях основную долю участников — 95%. Это обусловлено самой целью мероприятия: обмен профессиональным опытом российских преподавателей, литературных деятелей и экспертов, а также развитие образовательных связей между странами путем проведения филологических лекций, презентаций и семинаров.

Сафонова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, член Экспертного совета Тотального диктанта; ведущая передачи «Русский устный» на Радио Sputnik провела семинар «Современное состояние русского языка», а ее научно-популярная лекция о вариативности живой разговорной речи, о классической языковой норме, о роли русской литературы в формировании русского языкового канона оказалась полезной для слушателей. Геласимов Андрей Валерьевич, кандидат филологических наук, современный российский писатель, лауреат литературной премии «Национальный бестселлер» за роман «Степные боги» и Варламов Алексей Николаевич, доктор филологических наук, профессор МГУ, русский писатель и публицист, исследователь истории русской литературы XX века провели несколько мероприятий, посвященных современной русской литературе и литературным премиям. Они подробно рассказали о современных тенденциях в русской литературе, роли и месте русского художественного слова в условиях общественно-идеологических трансформаций, о российской культуре, своем творчестве и многом другом. Мультиформатность мероприятий и вариативность тем экспедиции позволила всем участникам получить тематическую информацию и поработать в тесном диалоге с приглашенными экспертами и гостями.

Во время проведенной с 7 по 13 ноября образовательно-просветительской экспедиции во Франции были прочитаны научно-популярные лекции для обучаю-

щихся, проведены творческие встречи, презентации литературных произведений. В этих мероприятиях принимали участие ведущие преподаватели-лингвисты, литературоведы и писатели. Большую часть участников составили представители образовательных организаций, 61% из них преподаватели, 31% — учащиеся. Остальные 8% — все те, кто хотел ближе познакомиться с современным состоянием русского языка и тенденциями в современной русской литературе. Участники мероприятий изучали новые технологии преподавания русского языка как иностранного, рассматривали русскую художественную литературу как источник нравственного воспитания молодежи в межкультурной перспективе, а также говорили о французской и русской картине мира и языковых стереотипах. Роман Валерьевич Сенчин представил картину литературной жизни современной России, обсудил с участниками мероприятия то, как отражается многообразная российская действительность в разных жанрах современной прозы — от очерков и путевых заметок до фантазмагорий и эпических форм. Отклик слушателей получила презентация его книги «Дождь в Париже». Большое впечатление на участников произвел мастер-класс Антона Александровича Сомина, в ходе которого спикер представил игры со словами в форме викторин и конкурсов. Такие мероприятия являются оригинальным методом обучения, дающим возможность усвоить навыки непосредственно от уважаемых и известных деятелей культуры и образования.

С 25 по 30 ноября проводилась образовательно-просветительская экспедиция в Болгарии, во время которой особый акцент был сделан на совершенствование языковых навыков учащихся в процессе преподавания русского языка как иностранного. Этим вопросам были посвящены лекции «Способы повышения мотивации учебной деятельности на занятиях по русскому языку», «Стилевые черты и языковые особенности официально-делового стиля».

Серия семинаров, которые провела Камышева Светлана Юрьевна оказалась востребованной у слушателей. Она подробно рассказала о методе активизации резервных возможностей личности и коллектива в практике преподавания русского языка как иностранного, о том, как сделать урок русского языка как иностранного интересным и многим другом. Геласимов Андрей Валерьевич провел несколько уроков в рамках IX Международного научно-практического семинара по переводу «Обучение переводческому мастерству», которые вызвали интерес как у студентов, так и у педагогов.

В Австрии серия мероприятий, посвященных предмету «Русский язык» и современным способам его изучения и преподавания, проводилась с 18 по 23 ноября.

В ходе мероприятий в Австрии показали интерактивно-познавательный спектакль «Сказ о Петре и Февронии». Слушатели оценили сообщение актера и режиссера о театре как о новой форме изучения языка и литературы. Как отметили зрители, мероприятие оказалось увлекательным и познавательным для всех. Одни смогли узнать о новых формах и методах изучения русского языка, для других более полезным оказалось личное общение с приглашенными актерами театра «Сторителлинг». Сторителлинг — это грамотно созданная история, некое подобие лекции, является лучшим способом передать информацию аудитории так,

чтобы она ее прочувствовала и запомнила. Данный формат к тому же позволил актеру и зрителям активно взаимодействовать и дискутировать о вопросах и смыслах, заложенных в образовательном спектакле.

Знакомство с произведениями российской литературы — основная тематика цикла мероприятий, прошедших в Австрии в рамках образовательной экспедиции. Следует отметить, участники получили прекрасную возможность узнать о новых методах организации процесса преподавания русского языка, познакомиться с произведениями российской литературы, окунуться в театральный мир.

3. Выводы

В результате проведения мероприятий было получено много положительных отзывов и слов благодарности. Все участники вынесли позитивные впечатления о состоявшемся событии, отметили высокий уровень организации мероприятий, а также насыщенные программы мультиформатных площадок. По мнению слушателей, выступления спикеров были достойными, атмосфера мероприятий дружелюбная и комфортная. Мероприятия, реализуемые в рамках просветительских экспедиций, как отметили гости, позволили им получить ответы на рабочие вопросы и повысить уровень собственной компетентности в вопросах преподавания русского языка как иностранного, познакомиться с произведениями современной российской и художественной литературы, приобщиться к российской культуре. Также было отмечено, что безусловным преимуществом таких мероприятий стало общение с известными российскими писателями, педагогами и культурными деятелями, что способствовало установлению дружеских международных контактов с участниками методического сообщества.

Список литературы

1. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом от 3 ноября 2015 года № Пр-2283, утвержденная Президентом Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188569/ (дата обращения: 25.01.2020).
2. Официальные языки ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/about-un/official-languages/> (дата обращения: 25.01.2020).
3. Русский язык в моей стране: электронный сборник статей / под ред. Н.Д. Афанасьевой, М.В. Белякова, И.П. Багинской. М.: МГИМО-Университет, 2019.
4. Ведомственная целевая программа «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/945997ac798972c086b17a4e4ec0e126/download/1512/> (дата обращения: 25.01.2020).
5. Концепция «Русская школа за рубежом», утвержденная Президентом РФ от 3 ноября 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50643> (дата обращения: 25.01.2020).
6. Подпрограмма «Осуществление деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию» государственной программы Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» от 15 апреля 2014 года № 325-10. [Электронный ресурс]. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/41> (дата обращения: 25.01.2020).

References

1. Kontseptsiya gosudarstvennoi podderzhki i prodvizheniya russkogo yazyka za rubezhom ot 3 noyabrya 2015 goda № Pr-2283, utverzhdannaya Prezidentom Rossiiskoi Federatsii. Web. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188569/ (data obrashcheniya: 25.01.2020).
2. Ofitsial'nye yazyki OON. Web. URL: <https://www.un.org/ru/sections/about-un/official-languages/> (data obrashcheniya: 25.01.2020).
3. Russkii yazyk v moei strane: elektronnyi sbornik statei / pod red. N.D. Afanas'evoi, M.V. Belyakova, I.P. Baginskoi; Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (un-t) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii, kafedra russkogo yazyka. Moskva: MGIMO-Universitet, 2019. 201, [1] s. (Konferents-zal molodykh uchenykh / [red. sovet serii: A.V. Torkunov / pred. / i dr.]).
4. Vedomstvennaya tselevaya programma «Nauchno-metodicheskoe, metodicheskoe i kadrovoe obespechenie obucheniya russkomu yazyku i yazykam narodov Rossiiskoi Federatsii». Web. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/945997ac798972c086b17a4e4ec0e126/download/1512/> (data obrashcheniya: 25.01.2020).
5. Kontseptsiya «Russkaya shkola za rubezhom», utverzhdannaya Prezidentom Rossiiskoi Federatsii ot 3 noyabrya 2015 goda. Web. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50643> (data obrashcheniya: 25.01.2020).
6. Podprogramma «Osushchestvlenie deyatel'nosti v sferakh mezhdunarodnogo gumanitarnogo sotrudnichestva i sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu» gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost'» ot 15 aprelya 2014 goda № 325-10. Web. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/41> (data obrashcheniya: 25.01.2020).

Сведения об авторах:

Мишина Наталья Юрьевна — руководитель образовательных проектов ООО СП «Содружество». ORCID iD: 0000-0002-4805-5508. E-mail: mishina0507@mail.ru

Антонов Евгений Андреевич — руководитель отдела коммуникаций и образовательных проектов ООО СП «Содружество». ORCID iD: 0000-0002-5564-8096. E-mail: pressantonov2013@gmail.com

Bio Notes:

Natalya Yu. Mishina is an Educational Project Manager of Limited Liability Company Joint Venture “Sodruzhestvo”. ORCID iD: 0000-0002-4805-5508. E-mail: mishina0507@mail.ru

Evgeniy A. Antonov is a Head of Communications and Educational Projects, Limited Liability Company Joint Venture “Sodruzhestvo”. ORCID iD: 0000-0002-5564-8096. E-mail: pressantonov2013@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-271-278

Интервью / Interview

«Собираетелъ слов»: интервью с Анатолием Кимом

У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова

Анатолий Андреевич Ким — классик современной российской прозы, член ПЕН-клуба России, выдающийся сценарист, лауреат многочисленных премий в области литературы, талантливый художник-импрессионист.

Родился в поселке Сергиевка в Южном Казахстане. До восьми лет жил в Казахстане. Позже оказался на Дальнем Востоке, где окупнулся в «стихию русского слова». Учился в Московском художественном училище памяти 1905 года. Окончил Литературный институт им. Горького в 1971 году. Первые творческие опыты — поэтические. В этюдах, свободных по форме и размеру, сумел передать созерцательность и палитру классической корейской поэзии. Анатолий Ким — новатор в области прозы. Его художественные тексты глубоко философичны. Им свойственно особое «ощущение времени», отношение к герою как к «утысяченному человеку» (М. Цветаева), проникновенность и образность. Произведения Художника — это континуум, единство в многообразии, насыщенный смыслами сверхтекст, объединивший в себе элементы мира познанного и неизведанного, живого и неживого, человеческого и природного. Мы поговорили с Анатолием Андреевичем об истоках его творчества, особенностях восточного миропостижения, художественной эволюции и рады поделиться итогами нашей беседы — беседы с одним из глубочайших философов нашего времени.

АК: Сложность восточной души в ее многослойности, полифоничности. Вся русская классика — это мощный широкий поток, Волга. Восток же клубится. В нем много затаенного, интуитивного. Прямое выражение духовной экзистенции свойственно славянскому миру или миру западному — например, немецкому с его логикой. А восточный мир при внешней сдержанности содержит в себе множество внутренних перемещений душевных потоков. В одном человеке — полифония. Это ментальное начало, положенное на русскоязычие, дало самые неожиданные результаты. Судьба русскоязычных писателей — это судьба особенная.

© Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Ким А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для меня поэзия звучит тихо, и в этом тоже моя генетическая особенность. Вся восточная поэзия звучит тихо. Хокку, танка... Всего три строки. Разве могут быть здесь взлеты и экстазы? Это тихая, духовно-трепетная лирика, проникающая из одного сердца в другое, а не от сердца к миллионам.

Чтобы книга зажила, читатели должны ее воспринять и востребовать. Процесс творения не завершается последней точкой текста; оно продолжается в восприятии другого человека. Когда книгу воспринимают, порождая на нее ответную — тоже творческую — реакцию, творчество продолжается. Это кольцо совместного созидания. Моя огромная удача в том, что я получил такой отклик от русскоязычного читателя.

ОА: Значит, русский язык, выражаясь метафорически, можно назвать «коммуникативным мостом»? Я уточняю потому, что мы с Улданай Максutowной работаем сейчас над достаточно сложной проблемой. Это проблема транслингвизма, и один из ее вопросов в том, как относиться к языку, который, не являясь этнически «первичным», выступает в роли посредника между автором и его аудиторией. В мире по этому поводу самые разные точки зрения, и некоторые из них крайне полярны. Например, неродной язык заставляет человека «забыть свои имена», веру в собственные ценности. Мы же пытаемся показать, что на русскоязычном пространстве сложилась иная ситуация, и русский язык не «стирает» генетическую память этносов, но выступает проводником к более широкому рецептивному полю, что он выводит автора к большому количеству людей, которые смогут принять, усвоить, трансформировать некое знание, данное автором. При этом знание такого рода — это знание особое. В нем сосуществуют разные образы мира, подпитываемые двумя языковыми стихиями. Сейчас мы проверяем нашу теорию на материале разных русскоязычных писателей. Мы не даем оценок; нам важно посмотреть, как функционирует текст, и узнать мнение самих авторов.

АК: Я не считаю, что выход на большой язык стирает генетическую память этноса. Проживание и работа в альтернативном языке не стирает кодов языка материнского. Подобная ситуация — не трагедия и не приобретение. В этом процессе заложена некая спокойная данность. Язык любого народа, происходящий из той или иной генетической основы, выражающий мысли и чувства человека и определенным образом оформленный, — это язык вторичный. Первичен язык незвучающий, язык понятийный, изначальный. Этот язык один для казахов, корейцев и русских, и выход на лингвистическую форму конкретного языка — всего лишь данность. Основа же всего — дозвучающий понятийный язык. Он свойственен всем и всем понятен. Был такой географ и путешественник — Миклухо-Маклай. Он отправился в Папуа Новую Гвинею, познакомился с племенем людоедов и сумел с ними подружиться. Как это возможно? В том, что я говорю, сокрыта большая надежда: люди смогут понять друг друга несмотря на огромные лингвистические различия и культурные расхождения. Если бы я познакомился с художником времен палеолита, рисующим на камнях, и показал ему свои картины, мы бы друг друга очень поняли. Потому что я этого художника сумел прочувствовать, когда видел его петроглифы в Чолпон-Ате — прочувствовать его

живым и совсем рядом. Есть в феномене человека то, что не присуще никаким другим существам — великое *дословесное*, *незвучащий* язык. Поэтому для меня нет ничего особенного в том, что человек переходит из одного языкового ландшафта в другой, потому что это не влечет за собой трагических потерь. Это просто судьба. Я кореец, родившийся в Казахстане через несколько поколений; селение наше — Сергиевка — оказалось русским. Там жили русские староверы. Отец получил туда назначение на работу. Первые слова, которые я произнес, — это слова русского языка.

УМ: Ученые сейчас стали признавать, что наука не способна решить всех проблем. Теперь по поводу языков звучащих. До этого Вы сказали, что люди разных культур по-разному воспринимают действительность, делают это посредством разных категорий. Эти образы мира как-то влияют на «пластику» языка звучащего?

АК: Несомненно.

ОА: Здесь мы можем вынести некоторые наблюдения. Например, Ваше творчество полифонично. Рассмотрим «Белку»: это местоименное головокружение, смена повествовательных точек зрения, фокусы восприятия, которые меняются ежесекундно. Как будто попадаешь в водоворот.

АК: Полифоническая музыка. Я слушаю музыку Баха, но воспроизвести ее невозможно. Полифоническая музыка состоит из сплетения нескольких линий; соединяясь между собой в гармонии, они создают полифоническое звучание, которое слышишь, от которого волнуешься, но которое ты не можешь повторить. Моя проза полифонична. «Отец Лес», «Остров Ионы», «Радости Рая»...

ОА: Мы с Улданай Максutowной обсуждали «Радости Рая» перед встречей с Вами. В этом романе Человек Познающий, оказавшийся перед лицом еще не названного мира, дает имена всему сущему. Имя несет в себе сакральное значение во всем, к чему относится, будь то правая рука героя, камень, животное, которое будет убито этим камнем. Это человек, осваивающий мир через его название. Если сравнить это произведение с ранним — «Белкой», — мы увидим, что там имя индифферентно. Определить то или иное имя возможно лишь через парадигму; чаще же всего вместо имени дана флексия, которая в строгом смысле не является лексически однозначной, а лишь указывает на принадлежность слова к мужскому роду, например. Окончание участвует в словоизменении, но не в словообразовании, и таким образом имя в романе присутствует и отсутствует одновременно. Намек на знак при отсутствии самого знака. Человек, внутри которого — галерея других людей. Как это уместить в одном авторском сознании? В Ваших произведениях отсутствует линейное время. Оно расслоено и закольцовано. «Рассказ моего отца», «Два рассказа», «Белка». Время, протекающее вперед, вдруг поворачивает вспять.

АК: Метафорически понять мое время можно через образ облака. Оно явно перед Вами, оно движется, летит, меняет форму. Это постоянная переменная. Облако символизирует мой подход к ощущению бытия. Это не линейное время, оно клубится и волнуется.

ОА: Если выбор жанровой формы, расстановка героев в субъектной системе произведения, определение способов передачи «звучания» разных голосов —

вещи, лежащие на поверхности, то что можно сказать о слоях глубинных? Просвечивает ли сквозь текст корейская культура?

АК: Я прошел огромный участок своей жизни в поисках ответа на этот вопрос. Несмотря на то, что моими первыми словами были русские, я всегда чувствовал в себе восточное начало. Я ощущал в себе человека, не похожего на тех, кто меня окружал. Мы жили в Казахстане недолго. В восемь лет меня увезли в Россию, на Дальний Восток. В Казахстане я жил среди корейцев, а потому не чувствовал себя каким-то особенным. В нашем «детском» обществе было всего два европейца: немецкая уборщица Клара и учитель физкультуры Деменчук. Казахи изредка проезжали на лошадях по дороге. Однажды на пустыре поставили юрту; я пошел туда и подружился с мальчиком по имени Масабай, у которого была собственная лошадь. Он вскакивал на своего жеребца без седла и исчезал вдали. Для меня он был божеством... До восьми лет внутри «корейского мира» я чувствовал себя органично. А потом я оказался внутри русского мира и постоянно чувствовал свою обособленность. Пришло время, и я осознал, что у меня корейские глаза, и они видят красоту этого мира как-то по-корейски, сквозь призму эстетики многих поколений моего народа. Я вижу красоту по-корейски, я ощущаю нюансировки в звучании слов. Свою чуждость в «интонационных столкновениях» с другими я ощущал всю жизнь. Потом я стал писателем. Я начал что-то выражать на русском языке, потому что другого у меня не было. Я ходил в русскую школу, жил в окружении русского населения и через много путей-дорог захотел писать художественные тексты. Вы спрашиваете, как я осознал то начало, которое я нес и несу всю свою жизнь? В каком преломлении это выражается на русском языке? Я хотел писать прозу, потом стал писать стихи. Я учился в художественном училище, когда на меня обрушилось желание писать слова. Первые рассказы, первые стихи пришли, когда я перешел на четвертый курс. От растерянности перед тем, что же дальше делать — а к тому времени я уже был приличный художник, — я ушел в армию. Прослужил три года, вернулся с окончательным решением писать слова. Если в живописи я понимал, как положить краску, в русской литературе я ничего не мог. Я писал много, но это было не мое. Моими были только стихи — короткие стихи. Недавно я нашел пачку книжечек того периода — я делал самодельные записные книжки, прошивая листы иголкой. Это были стихи в размерах корейской поэзии, которую я совершенно не мог знать. Я начал писать стихи, которые по форме и подходу, по духу и по букве были образцами корейской поэзии.

УМ: То есть в русской языковой оболочке Вы творили национальные по культурному типу вещи?

АК: И это происходило очень естественно. Как русские стихотворцы пишут стихи? Во-первых, сильно подражательное начало. Кто-то что-то слышит и начинает писать что-то «похожее». В основе всего лежит ритмический строй, рифмовка, строфика. Так юный человек входит в поэзию. Я вошел в поэзию «танцую», и это были какие-то генетические движения — я начал писать нерифмованные, нестрофические, вольные стихи. Хотя слух на русскую поэзию у меня тоже был. Я много читал. С детства я был очень начитан. В четвертом классе я уже прочитал

роман Алексея Толстого «Петр Первый» и сказку Платонова «Финист Ясный Сокол». Вот мои армейские тетради:

Голубая кошка
В темную полосу
Замерла на сене,
Спрыгнув с забора серебристо-голубого.

Темно-голубыми жилами
На светлые стены
Легли стволы деревьев.
Голубые широкие крыши
Мирно укрыли собой
Голубых тихих людей.
Был миг перед ночью,
Когда все серое на земле
Становится голубым.

Пыль и небо одного цвета.
Нечему встать противу солнца
И тенью прикрыть иссушенную землю.
Степь — извечное место смертей и сечи.
Травы умерли, едва успев бросить в пыль
Созревшие семена.
Такова их судьба.
Хорошо ветру свистеть разбойником
В гладких скелетах земли.
И там, где марево веет, как древние мифы,
Где размыт голубым рубец горизонта,
Там исчезают пыльные вихри
И саги о Буденном.

Снег выпал чистый
Бело, бело... как восточный траур.
Деревья стоят черные-черные,
Как рисунок тушью.
Потемневшие дома
Усталыми плакальщиками
Обступили бульвары,
Глубоко погруженные в думы
Серого неба.

Вот такие поэтические этюды у меня получались. А я ведь не знал этих форм. Это потом я узнал, что есть вольные стихи, верлибр... Тогда это были свободные формы, какие существовали и в корейской поэзии. А с прозой было гораздо слож-

нее. Я много читал, знал, как пишет Сомерсет Моэм, или Марк Твен, или Бунин... Этот огромный космос прозы... Поэзия ни с чем не считалась, она появилась во мне сама собой. А в прозе я ощущал себя робким учеником, вошедшим в огромный храм. Я совершенно растерялся, не знал, что мне делать. Я начинал писать рассказы, повести, но чувствовал, что все это не то. У меня была языковая подготовленность к выражению своих мыслей, но ничего не получалось. Уже появилась семья, я жил в Москве. Те годы были страшно жаркими. Дважды казалось, что мы сгорим. В одно такое лето, когда ничего не получалось, я взял свои рукописи и устроил из них костер. И однажды мне пришлось в голову написать про одного бедолагу-корейца на Сахалине. Он был нищий старик, ходил по городку — зимой и летом в резиновых сапогах. Собаки лаяли на него, дети дразнили. Как-то он пришел к моему отцу, который был заместителем начальника шахты по работе с корейцами (а корейцы тогда были как иностранцы, жили с видом на жительство). Старик пожаловался, что у него украли деньги, накопленные и сложенные во много-много раз до размера марки. Он складывал их в мешочек, а мешочек носил на поясе. Это были деньги сначала японские, потом русские. Он жил как нищий, доедал объедки в столовых. Отец решил подать в суд, так как знал, кто срезал мешочек с деньгами. На суде этот старик решил угостить моего отца обедом. Когда пришли в буфет, он достал горсть монет и начал выкладывать по одной монетке, вопросительно глядя на буфетчицу: достаточно ли? Он ведь даже не умел считать. Всю жизнь копил, не умея считать... Я вспомнил о нем в Москве душным летом и начал писать повесть об этом старике, введя в нее больного онкологией героя, который вместе со стариком бродяжничал. Лето было очень теплое. И эта история получилась. Вся моя проблема заключалась в том, что у меня не было языка. Я умел писать на русском, но ЯЗЫКА у меня не было. Эту повесть в Литинституте я подал потом на диплом. Моими оппонентами были Сергей Артамонов и Сергей Залыгин. Они и дали мне отличную оценку за первую повесть — «Собиратель трав». Почему у меня получилось? Оказывается, что художественный язык — это такой строй, который овеществляет душевные начала, а не только повествовательную событийность. Представляя себя больным человеком или нищим стариком, я обретал язык. Когда я перевоплотился в старика-корейца, его душа заговорила во мне на русском языке, и язык этот оказался высокохудожественным. Я понял, что для меня проза — это то, что выражает духовную и душевную экзистенцию человека. И я начал писать корейские рассказы. Два рассказа были отобраны Иннокентием Смоктуновским, который отнес их в редакцию журнала «Аврора». Это были мои первые журнальные публикации. А потом я захотел писать русские рассказы. Начались «мои университеты» в познании истинной духовности русского человека. В Москве я находил вокруг себя множество людей, чьи души были для меня тайной за семью печатями. Я нашел себе такую работу, где мог ездить по разным областям среднерусской части России. Я объездил Саратовскую область, Рязанскую, Вятскую, Брянскую... Я был инспектор-искусствовед по распространению агитплакатов. Должен был ездить по колхозам и подписывать эти плакаты. Это дало мне возможность ездить по всем этим русским местам, и я ездил. На Рязанщине слышал одну речь, на Вла-

димирщине — совершенно другую. На Рязанщине якают, на Владимирщине окают. Но главное — я наблюдал живую интонацию вместе с характерами. В Саратове у меня была хозяйка тетя Нюра, она сидела и бормотала: «Ой-ой-ой, голова стала никуда, все забываю, дура старая... Эту голову надо взять да и выкинуть с горы, как старый горшок». Это были уроки русского языка, живого и образного. Точного, грамотного... Я изучал язык в его местных наречиях, и со временем во мне сформировалось высшее знание музыки языка. Все это отразилось в моем сборнике «Куст черный на рассвете».

УМ: Меня покорила «Гений». Когда Вы слушали на идише рассказы Горшман, было понятно, что все на русский перевести нельзя. Но Вы сказали, что овеществить на русском (психолингвисты говорят — овнешнить) можно все. Так можно ли передать все с идиша, или с корейского, или с другого языка на русском?

АК: Вы говорите о переводе. А перевод и оригинальный текст — совершенно разные вещи. Я сам переводчик и переводил многие значительные вещи. «Путь Абая»... Ауэзов — единственный, кто написал эпическое произведение о целой эпохе — эпохе кочевников. Это изумительный писатель. Столько, сколько я узнал через его роман об этом историческом участке нашей цивилизации, я не почерпнул бы нигде. Кочевники, которые не имели библиотек, жили на лоне природы, не боялись ночи, — это особый народ и особая культура. У них не было летописей, но было высокое творчество. Творчество, которое связано с красотой, связано и с природой — в таких условиях просто не могла не возникнуть поэтическая душа. Чабан, который гнал скот на водопой, видел восход над озером, и от созерцания этой картины рождались стихи — а вместе с ними могла родиться и мелодия. В юрте, в окружении родных, он исполнял свою песню. И люди запоминали ее (в этом особенность народа — у них была способность все запоминать без письменности и нотных знаков) и распространяли дальше, сохраняя до последнего слова. Цензоров было — тысячи. Это совершенно особое творчество — творчество импровизации, которое хранится в самом народе. Творчество, завершаемое всем народом. Это продолжалось тысячелетиями, и рождались такие творцы именно в степи.

УМ: Я так слушаю манасчи. Ты будто становишься субъектом героического сражения. Я однажды слушала молодого исполнителя, воспроизводившего «Кобланды-батыра», и ощущала, что я там, внутри этого войска. Я становлюсь актером самого процесса. Это очень интересный опыт.

ОА: Чувствуете ли Вы в себе корейское как некий генетический базис, который естественным образом овеществляется в ткани русского языка?

АК: В моей судьбе очень мало проросло зерен корейского искусства. Я впервые попал в Корею после пятидесяти лет. Живя в Советском Союзе и в России, я не слышал корейской речи, поэтому в Корее все было для меня чужим. Пресловутую «русскую ностальгию» я испытал на родине моих предков. Когда я просыпался по утрам и слышал матерей, перекликающихся со своими детьми, я интуитивно понимал их, но это было тяжело. Русский язык не проистекал в меня каждый час моей сознательной жизни, как это было в России, а потоки корейской речи в меня не входили. Я оказался в состоянии языкового удущья. Это удивительное

чувство: находиться на своей исторической родине и испытывать такое удушье. Всю свою жизнь я дышал русским языком, а тут был другой воздух. Мне предлагали остаться, получить гражданство, но я отказался.

УМ: В последнем Вашем романе «Радости Рая» прозвучала интересная мысль: душа смертна, тело бессмертно.

АК: Умирая, человек теряет свою душу в этом, земном мире. Куда она перемещается — мы не знаем. Мы не заканчиваемся нашей смертью, мы просто не знаем, что за ней. А тело остается на земле. Оно распадается на тысячи других жизней, уходит в атомарное измерение. Оно не исчезает по закону сохранения вещества. У каждого из нас совершенно неповторимая душа, которая никуда не исчезает. Если бы мне удалось хотя бы художественно убедить человека в этой парадигме — в том, что смерти не нужно бояться, так же, как не нужно бояться рождения — я считал бы свою задачу выполненной.

Когда я вижу, что зеленая некогда трава высыхает, я не думаю о смерти. Разве значат что-либо муки иссушения стеблей, когда трава эта дала уже множество семян? Нужно постичь разумом явление смерти. Смерть не надо проклипать, ее нужно преодолеть и заставить ее служить жизни. Весь мир — единое генетическое поле. Мы — наши воскресшие предки.

Для цитирования:

Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. «Собиратель слов»: интервью с Анатолием Кимом // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2020. Т. 17. № 2. С. 271—278. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-271-278

For citation:

Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2020. "Word Picker": Interview with Anatoly Kim. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 271—278. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-271-278

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе принципов и правил COPE (Committee on Publication Ethics), ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), указаний АНРИ (Ассоциация научных редакторов и издателей) и требований ВАК (Высшая аттестационная комиссия).

1. Рукопись

Рукопись направляется в редакцию в электронном варианте через online-форму. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

1.1. Объем полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 25 000 знаков (с учетом пробелов). Количество слов в тексте можно узнать через меню Word («Файл» — «Просмотреть свойства документа» — «Статистика»). В случае, когда превышающий нормативы объем статьи, по мнению автора, оправдан и не может быть уменьшен, решение о публикации принимается на заседании редколлекции по рекомендации рецензента.

1.2. Формат текста рукописи. Текст набирается шрифтами, включенными в Windows, а если это невозможно, то шрифты должны быть предоставлены в редакцию вместе со статьей. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 14 pt и междустрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Выделения в тексте можно проводить только *курсивом* или **полужирным** начертанием букв, но НЕ подчеркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «найти и заменить»).

1.3. Файл с текстом статьи, загружаемый в форму для подачи рукописей, должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

2. Структура рукописи

Структура текста должна соответствовать приведенному ниже шаблону (может меняться в зависимости от типа работы).

2.1. Русскоязычная аннотация

Название статьи. Название статьи должно полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Авторы. При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

Учреждения. Необходимо привести официальное полное название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо на-

писать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и ФИО авторов путем добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов.

Резюме статьи (аннотация) должно быть (если работа оригинальная) структурированным: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение. Резюме должно: содержать основные положения, изложенные в работе; отражать взгляд автора на обсуждаемую в рукописи проблему с учетом проанализированного материала и полученных результатов; позволять читателю понять уникальность данной статьи (исследования или обзора) — чем эта статья отличается от аналогичных работ. Объем текста резюме должен быть в пределах 100—300 слов.

Ключевые слова. Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

2.2. Англоязычная аннотация

Article title. Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BSI (см. ниже).

Affiliation. Необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ eLibrary.ru

Abstract. Англоязычная версия резюме статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка, и также включать 100—300 слов (для оригинальных работ крайне желательно, чтобы структурированное резюме содержало не менее 200 слов).

Key words. Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны соответствовать друг другу на русском и английском языке.

2.3. Полный текст (на русском, английском) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: Введение (обоснование), цель, материалы и методы, результаты; Обсуждение; Выводы/Заключение.

2.4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в

учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных или изменить их трактовку. Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов не является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «благодарности»). Пример:

Участие авторов: Иванов И.И. — концепция исследования; Петров П.П. — сбор и обработка материалов; Сидоров С.С. — анализ полученных данных, написание текста.

2.5. Список литературы

Пристатейный список литературы должен быть нумерованным — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке.

В списке литературы приводятся только опубликованные материалы (ссылки на Интернет-ресурсы допускаются).

Следует избегать самоцитирования, за исключением случаев, когда оно представляется необходимым (например, если нет других источников информации, или настоящая работа проведена на основе или в продолжение цитируемых исследований). Самоцитирование рекомендуется ограничить тремя ссылками.

Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Подробные правила оформления библиографии можно найти в специальном разделе оформления библиографии.

2.6. References

Дополнительный список литературы в романском алфавите (References) необходимо приводить для соответствия публикуемых работ требованиям международных баз данных.

Список источников в References должен полностью соответствовать таковому в Списке литературы. В отличие от Списка литературы, русскоязычные источники в References следует привести в их латиноязычном эквиваленте — они должны быть написаны буквами романского алфавита:

— те исходно русскоязычные источники (и их части), у которых существует официальный перевод на английский (или другой язык, использующий романский алфавит), должны быть приведены в переводе;

— те источники (или те части библиографического описания), для которых перевод не существует, должны быть транслитерированы.

Все источники в References следует оформлять в стиле **MLA (The Chicago Manual of Style (16th edn))**.

2.7. Контактная информация

Необходимо последовательно указать контактную информацию всех авторов.

Раздел должен содержать следующие данные **о каждом авторе**:

- ФИО (полностью);
- ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение и полное наименование организации (основного места работы);
- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты,
- идентификатор **ORCID** (подробнее тут: <http://orcid.org/>), **eLibrary SPIN-код** (подробнее тут: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

3. Английский язык и транслитерация

При публикации статьи часть или вся информация должна быть дублирована на английский язык или транслитерирована (написана латинскими буквами). При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>.

4. Таблицы

Их следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нем информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды — в русскоязычном и англоязычном вариантах. Сначала следует привести русскоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы. Сразу за ними следует поместить англоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы, при этом номер заголовка и данные в таблице (но не текст!) должны совпадать. При создании англоязычного варианта таблицы и заголовка не следует использовать транслитерацию — необходимо давать полноценный перевод на английский. Текст англоязычного варианта заголовка таблицы может не точно совпадать с текстом русскоязычного варианта, особенно в тех случаях, когда целесообразно в заголовке дать дополнительные пояснения к содержанию таблицы.

5. Рисунки

Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

Нумерованную подрисуючную подпись следует дать дважды — на русском и английском языке. Обе подрисуючные подписи следует располагать непосредственно под изображением, англоязычную версию подрисуючной подписи следует ставить сразу после русскоязычной. Подрисуючная подпись на английском языке может, при необходимости, содержать более детальное пояснение иллюстрируемых данных, чем русскоязычная. Пример:

Рис. 1. Динамика показателей изучаемых процессов

Fig. 1: Dynamics of indicators of studied processes

При наличии текста на изображении (например в случае текстовых схем), кроме оригинального рисунка в рукопись следует вставить его копию, содержащую англоязычный вариант всего русскоязычного текста. Если на изображении мало текстовых элементов (например, только единицы измерения и подписи осей графика), допустимо не делать его англоязычную копию, а дублировать текст на английском непосредственно на оригинальном изображении.

Иллюстрации (графики, диаграммы, схемы, чертежи), рисованные средствами MS Office, должны быть контрастными и четкими. Иллюстрации должны быть выполнены в отдельном файле и сохранены как изображение (в формате *.jpeg, *.bmp, *.gif), и затем помещены в файл рукописи как фиксированный рисунок. Недопустимо нанесение средствами MS WORD каких-либо элементов поверх вставленного в файл рукописи рисунка (стрелки, подписи) ввиду большого риска их потери на этапах редактирования и верстки.

Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие нерисованные иллюстрации необходимо не только вставлять в текст рукописи, но и загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx — в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть >300 dpi. Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подрисуючную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст (пример: Рис. 1. Сеченов Иван Михайлович).

Если в рукописи приводятся рисунки, ранее опубликованные в других изданиях (даже если их элементы переведены с иностранного на русский язык), автор обязан предоставить в редакцию разрешение правообладателя на публикацию данного изображения в другом журнале (с правильным указанием соответствующего журнала), в противном случае это будет считаться плагиатом (см. подробно «Этика научных публикаций»).

6. Сокращения

Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам с указанием на использованные статистические критерии (методы) и параметры статистической вариабельности (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и проч.). Статистическую достоверность / недостоверность различий данных представленных в таблицах, рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, †, ††, ‡, ‡‡ и т.п.

7. Соответствие нормам этики

Для публикации результатов экспериментальных исследований с участием людей необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие. Необходимо указать, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, её расположения, номера протокола и даты заседания комитета). Подробно о принципах публикационной этики, которыми при работе руководствуется редакция журнала, изложены в разделе «Этические принципы журнала».

8. Сопроводительные документы

При подаче рукописи в редакцию журнала необходимо дополнительно загрузить файлы, содержащие сканированные изображения заполненных и заверенных сопроводительных документов (в формате *.pdf или *.jpg).

В число обязательных документов входит сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем, в совокупности содержащие подписи всех авторов рукописи).

В случае, когда авторы рукописи работают в разных учреждениях, городах, странах, можно представить несколько сопроводительных писем; при этом в редакции журнала должны оказаться подписи всех авторов рукописи.

Для статей сотрудников и обучающихся в РУДН (в том числе — в аспирантуре и докторантуре), сопроводительное письмо должно быть оформлено на официальном бланке факультета/института и заверено у руководителя факультета/института и научного руководителя (аспиранта или докторанта, соответственно).

Подготовка статьи. При передаче рукописи в редакцию на рассмотрение, авторам необходимо согласиться со всеми следующими пунктами. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

Отсутствие плагиата в тексте. Авторы гарантируют, что эта статья целиком или частично не была раньше опубликована, а также не находится на рассмотрении и в процессе публикации в другом издании. Если рукопись ранее была подана для рассмотрения в другие издания, но не была принята к публикации, обязательно укажите это в сопроводительном письме, в противном случае редакция может неверно истолковать результаты проверки текста на наличие неправомерных заимствований и отклонить рукопись.

Правильный формат. Отправляемый файл рукописи имеет формат Microsoft Word или RTF — *.doc, *.docx, *.rtf. При оформлении рукописи соблюдены все требования редакции по оформлению текста, рукопись отформатирована в соответствии с указаниями официального сайта журнала.

Author Guidelines

Preparing the manuscript, authors are kindly requested to adhere to the following guidelines.

These guidelines are prepared in accordance with COPE (Committee on Publication Ethics) guidelines, ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors) and EASE (European Association of Science Editors) guidelines.

I. Manuscript requirements. We accept submissions strictly online, via the form available at our website.

Please upload your manuscript as a Microsoft Office Word document (*.doc, *.docx and *.rtf formats).

1. Length of the manuscript from an original study, lecture or literature review (including tables and list of references) should not exceed 6000 words. Short reports and letters to the editor should not exceed 1500 words. Please consult the MS Word built-in statistics service prior to submission in order to find out the exact length of your manuscript. Should your manuscript exceed the aforementioned limits, the editorial board will carry out the final decision on its publication based on recommendations from your reviewer.

2. Text formatting. The text is typed by fonts included in Windows, and if this is not possible, the fonts should be provided to the editor with the article. Lettering in Times New Roman is preferable in all cases (font size 12 pt with 1.5 line spacing and 2 cm margins). Kindly refrain from using underlining in your document (italic and bold formatting is acceptable).

3. File structure. The journal editorial board prefers to receive a manuscript as a single complete file with all figures, tables and any additional supplemental materials. Please organize your text according to the following template:

- Writing an abstract.
- Article title. Best article titles bear short, clear and distinctive messages.
- Authors and their affiliated institutions, linked by superscript numbers, should be listed beneath the title on the opening page of the manuscript.
- Abstract of an original study should start with some brief background information and statement of the study's AIMS, followed by MATERIALS & METHODS and finishing with the RESULTS. The closing sentence should outline the main CONCLUSIONS of the study in the most comprehensible terms. Please note that your abstract should be 300 words or less.
- Choice of keywords. 3 to 10 keywords are preferable.
- The body of the text should start with a brief Introduction, describing the paper's significance. In the case of an original study, the body of the paper should follow a common structured approach to the description of the studies aim, its materials, methods and results, as well as Discussion and Conclusions sections.
- Acknowledgements section may be presented in Russian, English or both languages. It should comprise the following:

Clarification regarding any potential or actual conflicts of interest of the authors. Any affiliations, financial relations, financial or political interests in the manuscript as a whole or in part, including employment and other liabilities that may result in withholding or deliberate corruption of data or adversely influenced interpretation, are considered a conflict of interest and must be explicitly stated as such. Please note that conflicts of interest do not impede a publication, though failure to disclose one does.

A brief list of funding sources for the results reported in the paper, as well as the publication process itself (*e.g.* a commercial organization, a foundation or government grant, *etc.*).

An optional note describing the roles or responsibilities of the authors. You may also place here an acknowledgment for any individuals or organizations that assisted in your work.

II. List of references should be organized according to the guidelines by U.S. National Information Standards Organization NISO Z39.29-2005 [R2010] in MLA — The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html). For detailed instructions on bibliographic formatting, see «References list guidelines». The following are the principle points you should be aware of while preparing your manuscript for submission:

— References should be numbered in the order in which they are cited.

— Number of references is limited to 60 for literature reviews, and to 20 for original studies and lectures.

— Within the body of the text references should be provided in Arabic numerals enclosed in square brackets.

— A complete list of all authors should be presented in every bibliographical entry. Please put an “et al.” notation after the third name if cited paper has more than 4 authors. Do not shorten titles of your citations. Shortened journal titles should correspond to the MedLine catalogue. If the journal is not indexed by MedLine, please provide its full title.

III. Enumerate your **tables**, give those a heading and clearly marked columns that would be easy to read and comprehend. Please make sure that table data is in line with the numbers in the body of the text (but does not simply duplicate them).

IV. Reduce graphical material to minimum (unless the nature of your study dictates otherwise). Photographs should be rich in contrast, illustrative artwork should be clear and of high resolution (dpi).

— If you wish to include in your paper any graphical material created other than by means of standard office applications (*e.g.* results of diagnostic imaging, photographs, screenshots, digital artwork, *etc.*), please submit them as separate files via our web form in *.jpeg, *.bmp or *.gif formats. The absolute minimum for acceptable resolution is 300 dpi, though higher is preferable. Do keep in mind that image files should be tagged with numbers corresponding to the enumeration within the manuscript. In addition, file description should provide the caption of your image as it would appear in the paper (*exp.*: “Fig. 1. Elliott Proctor Joslin, M.D. (1869—1962).”).

— Graphs should be labeled on the ordinate and abscissa with the parameter or variable being measured, the units of measure, and the scale.

- Units should be metric and follow SI convention.
- Kindly take care to provide references to all of your supplementary materials (tables, graphs, etc.) within the body of the text.

V. Ethics statement. In accordance with **COPE** (Committee on Publication Ethics) guidance authors must provide an ethics statement if the study made use of human or vertebrate animal subjects and/or tissue. Approval from the relevant body is required for studies involving:

- humans (live or tissue), including studies that are observational, survey-based, or include any personal data;
- animals (live or tissue), including observational studies;
- non-commercial cell lines.

VI. Cover letter. The journal editorial board requires authors to submit a scanned copy of a cover letter from authors team in *.pdf format. We expect a cover letter to summarize concisely why your paper is a valuable addition to the scientific literature and briefly relate your study to previously published work. Cover letter should be signed by all of your co-authors. We accept separate letters from authors if they have different affiliations declared in the manuscript.

VII. Using the WEB-form to submit a manuscript. Indexing in Russian and international databases requires certain metadata to be provided for your paper.

1. **Authors.** Please provide us with:

- names, affiliations and scientific degrees for all authors;
- contact information (an e-mail address) for all authors (an e-mail address for corresponding author will be published in open access to facilitate contact with your team).

2. Article title and Abstract. These should *exactly* match the text of the corresponding fields in your manuscript file.

3. Keywords. Please make sure to add 3 to 10 concise and accurate keywords, preferably chosen from the MeSH (Medical Subject Headings) thesaurus.

4. Language. Indicate the language (or languages in case of a bilingual manuscript) of your paper (exp. [*ru*; *en*]).

5. List of references should be organized according to the guidelines by U.S. National Information Standards Organization NISO Z39.29-2005 [R2010]) in **Vancouver style**. For detailed instructions on bibliographic formatting, see «References list guidelines».

6. Supplementary materials should be submitted as separate files with an appropriate caption (exp.: “Fig. 3. Cyst gross specimen”).

7. Completing submission. Please check the list of attached files prior to finishing the procedure. Within next 7 days, the editorial **board** will inform you by e-mail of receiving submitted materials. Feel free to contact the editors or the reviewers should you have any questions regarding the processing of your manuscript. Accessing your personal account on-site will allow you to monitor its progress online.

Submission Preparation Checklist

As part of the submission process, authors are required to check off their submission's compliance with all of the following items, and submissions may be returned to authors that do not adhere to these guidelines.

— Absence of plagiarism. The submission has not been previously published, nor is it before another journal for consideration (or an explanation has been provided in Comments to the Editor).

— Correct manuscript format. Manuscript file format is Microsoft Word (has the extension *.doc, *.docx, *.rtf). The text adheres to the stylistic and bibliographic requirements outlined in the Author Guidelines, which is found in "For Authors" section.

Примеры оформления ссылок

	ГОСТ	MLA
КНИГА ОДНОГО АВТОРА	1. <i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М. : Азбука-Классика, 2016. 448 с.	1. Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov. Moscow: Azbuka-Klassika publ. Print. (in Russ.)
КНИГА ОТ ДВУХ ДО 7 АВТОРОВ	1. <i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М. : ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.	1. Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka publ. Print. (in Russ.)
ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА	1. <i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.	1. Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)
ГЛАВА В КНИГЕ	1. <i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М. : Академия, 2012. 720 с. С. 345 – 359.	1. Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip." In Vvedenie v literaturovedenie, edited by L.V. Chernets, 345-359. Moscow: Akademiya publ. Print. (in Russ.)
КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ	1. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М. : Гнозис, 2007. 512 с.	1. Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov. Moscow: Gnozis publ. Print. (in Russ.)
ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА	1. <i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М. : Смысл, 2013. 461 с.	1. Chiksentmikhaii, M. 2013. Potok. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl publ. Print. (in Russ.)
ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА	1. <i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскulturации. М. : РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL:XXXXXXXXXXXXXXXXX Дата обращения: 00.00.00.	1. Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsi. Moscow: RUDN publ. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	1. <i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. No 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109	1. Muranska, N. 2017. Slovak Poetry in Russian Translations. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102 – 109. doi: 0.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	– Если по итогам Конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. – Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: 1. <i>Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.</i> Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. – 30.07.17.)	1. Bakhtikireeva, U.M., and O.A.Valikova. 2017. "Sredi mirov". Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21-30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: – «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	

	ГОСТ	MLA
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: 1. Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	1. Tsvetaeva, M. 2014. <i>Lirika</i> . Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	1. <i>Ortiz F.</i> Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London : Duke University Press, 1995.	1. Ortiz, F. 1995. <i>Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar</i> . Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	1. <i>Garcia O., Wei L.</i> Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York : Palgrave Macmillan, 2014. Print	1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. <i>Translanguaging: Language, Bilingualism and Education</i> . New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	1. <i>Huggan G.</i> Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge // <i>Literature Interpretation Theory</i> . 2015. Issue 26. Vol. 2. Pp. 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxx	1. Huggan, G. 2015. Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge. <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxx

Требования к оформлению статей

<p>О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ</p>	<p>Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается в первую очередь структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. P. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p> <p>В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ).</p> <p>Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.).</p>	
<p>КНИГА ОДНОГО АВТОРА</p>	<p>Список литературы</p> <p><i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.</p>	<p>References</p> <p>Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ</p>	<p><i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.</p>	<p>Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.</p>	<p>Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)</p>
<p>ГЛАВА В КНИГЕ</p>	<p><i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.</p>	<p>Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip". In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ</p>	<p>Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.</p>	<p>Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.</p>	<p>Chiksentmihaii, M. 2013. Potok. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)</p>
<p>ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)</p>	<p>Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)</p>
<p>СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ</p>	<p><i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>	<p>Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh". RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov". Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

<p>ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)</p>	<p>Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given.</p> <p>For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p>
<p>IN THE TEXT (PLACEMENT)</p>	<p>Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].</p>
<p>REFERENCE LIST</p>	<p>GENERAL PRINCIPLES</p>
<p>ORDER</p>	<p>As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially:</p> <p>1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA.</p> <p>IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen, etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.</p>
<p>PUNCTUATION</p>	<p>Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.</p>
<p>BOOK</p>	<p>ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web</p> <p>Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.</p> <p>TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print</p> <p>THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.</p>

	<p>ORGANISATION AS AUTHOR:</p> <p>University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press.</p> <p>BOOK IS NOT IN ENGLISH:</p> <p>№. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI:</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx.</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.</p>
<p>JOURNAL</p>	<p>ONE AUTHOR</p> <p>1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>TWO AUTHORS</p> <p>1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>THREE AUTHORS</p> <p>A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxx</p>

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество
комплектов:

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)